

НАУЧНЫЙ
ФОРУМ
nauchforum.ru

ISSN: 2542-128X

№12(95)

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
И ФИЛОСОФИЯ

МОСКВА, 2024

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам XCV международной
научно-практической конференции*

№ 12 (95)
Декабрь 2024 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2024

УДК 1/14+31/34+93/94

ББК 6+87

НЗ4

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Бектанова Айгуль Карибаевна – канд. полит. наук, доц. кафедры философии Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина, Кыргызская Республика, г. Бишкек;

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;

Лобазова Ольга Федоровна – д-р филос. наук, проф. кафедры философии Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва;

Мащитко Сергей Михайлович – канд. филос. наук, доц. кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, Беларусь, г. Минск;

Попова Ирина Викторовна – д-р социол. наук, проф. кафедры истории России Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, г. Кострома.

НЗ4 Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам ХCV междунар. науч.-практ. конф. – № 12 (95). – М.: Изд. «МЦНО», 2024. – 180 с.

ISSN 2542-128X

Статьи, принятые к публикации, размещаются на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

ББК 6+87

ISSN 2542-128X

© «МЦНО», 2024

Оглавление

Раздел 1. История и археология	7
1.1. Всеобщая история	7
ЗАВОЕВАНИЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ СЕЛЬДЖУКАМИ	7
Мередов Палван Гурбанмырыдович	
Довранова Азиза Махтумкулыевна	
Ходжамырадова Розменли Нургелдиевна	
Раздел 2. Политология	14
2.1. Конфликтология	14
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В РАМКАХ ДОГОВОРА ПОДРЯДА	14
Свечникова Диана Сергеевна	
Курбанова Амина Низамовна	
2.2. Теория и философия политики, история и методология политической науки	22
ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ	22
Савельев Евгений Дмитриевич	
Погодин Сергей Николаевич	
Раздел 3. Философия	36
3.1. Социальная философия	36
СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	36
Бартагариева Ирина Ириковна	
3.2. Философия религии и религиоведение	41
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ	41
Комисова Елена Игоревна	

Раздел 4. Юриспруденция	47
4.1. Административное право; административный процесс	47
ВИДЫ НАКАЗАНИЙ ПО РОССИЙСКОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА Баринаева Кристина Николаевна	47
РОЛЬ АНТИМОНОПОЛЬНЫХ ОРГАНОВ В БОРЬБЕ С НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИЕЙ Смирнов Алексей Владимирович Сигарев Андрей Васильевич	52
4.2. Гражданский процесс; арбитражный процесс	58
ПРОВЕРКА ДОСТОВЕРНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) Никонорова Елена Сергеевна	58
4.3. Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право	69
НЕЮРИСДИКЦИОННЫЕ ФОРМЫ И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА Заусов Кирилл Алексеевич	69
ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ПУБЛИЧНЫХ ЗАКУПКАХ Ковешников Антон Олегович Кирпичев Александр Евгеньевич	75
4.4. Информационное право	82
ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ОПТИМИЗАЦИИ НОРМОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ПУБЛИЧНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ Матвеев Даниил Андреевич Никулин Роман Львович	82

4.5. Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право	86
НОВЕЛЛЫ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Есиков Александр Александрович	86
4.6. Судебная деятельность; прокурорская деятельность; правозащитная и правоохранительная деятельность	91
О СОВРЕМЕННЫХ ВИДАХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Рубцов Артем Антонович	91
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ Алборов Тамерлан Альбертович	98
4.7. Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве	104
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ Рагимов Русал Эминович	104
4.8. Трудовое право; право социального обеспечения	110
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНО-ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ Шумилин Артём Вадимович	110
4.9. Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право	116
ИНСТИТУТ ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ В СИСТЕМЕ НОРМАТИВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СТАДИИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА Бояркина Дарья Евгеньевна	116

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ КРИМИНАЛИЗАЦИИ КЛОНИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Бушуева Мария Владиславовна Карпенко Людмила Константиновна	121
ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЖЕРТВ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА Корнейко Любовь Андреевна	126
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С МОШЕННИЧЕСТВОМ В РОССИИ Левендеев Максим Николаевич Пасынков Вячеслав Владимирович	131
ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ Хоанг Ван Луан	140
ОРГАНИЗАЦИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ КОНТРОЛЯ ЗА ОХРАНОЙ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ Эрентраут Ярослав Валерьевич	144
4.10. Уголовный процесс	150
ПРИНЦИП ПУБЛИЧНОСТИ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЗАЩИТЫ Даудова Сабият Абдуллаевна	150
ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ВВЕДЕНИЯ В ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПРАВО НА ОБЖАЛОВАНИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛУШАНИЯ Катренко Арсений Игоревич	161
ПОДГОТОВКА К СУДЕБНОМУ ЗАСЕДАНИЮ ПО МЕРЕ ПРЕСЕЧЕНИЯ: ОЦЕНОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЬИ Козичук Екатерина Константиновна	167
4.11. Финансовое право; налоговое право; бюджетное право	173
ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: НОВАЯ ФОРМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ, НАЗНАЧЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ОБОРОТА Гончаренко Андрей Сергеевич	173

РАЗДЕЛ 1.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

1.1. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ЗАВОЕВАНИЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ СЕЛЬДЖУКАМИ

Мередов Палван Гурбанмырдович

магистрант,

Туркменский Государственный Педагогического

Института им. Сейтназара Сейди,

Туркменистан, г. Туркменабат

Довранова Азиза Махтумкулыевна

научный руководитель, преподаватель,

Туркменский Государственный Педагогического

Института им. Сейтназара Сейди,

Туркменистан, г. Туркменабат

Ходжамырадова Розменли Нургелдиевна

преподаватель,

Туркменский Государственный Педагогического

Института им. Сейтназара Сейди,

Туркменистан, г. Туркменабат

THE SELJUK CONQUEST OF CENTRAL ASIA

Palvan Meredov

Master's student,

Turkmen State Pedagogical Institute

named after Seytnazar Seydi,

Turkmenistan, Turkmenabat

Rozmenli Khojamyradova

*Teacher,
Turkmen State Pedagogical Institute
named after Seitnazar Seydi,
Turkmenistan, Turkmenabat*

Aziza Dovranova

*Scientific supervisor, Teacher,
Turkmen State Pedagogical Institute
named after Seitnazar Seydi,
Turkmenistan, Turkmenabat*

Аннотация. Статья посвящена военно-политическому положению сельджуков в XI веке, завоеванию сельджуками Средней Азии и созданию государства Сельджуков. Показаны основные события войн Сельджуков с Газневидами и государствами Гарханидов. В источниках говорится об основных битвах сельджуков и завоевании Хорасана, Хорезма, Маверенахира, Ирана и образовании великого государства Сельджуков.

Abstract. The article is devoted to the military and political situation of the Seljuk's in the 11th century, the conquest of Central Asia by the Seljuk's and the creation of the Seljuk state. The main events of the Seljuk wars with the Ghaznavids and the Garkhanid states are shown. The sources mainly talk about the main battles of the Seljuks and the conquest of Khorasan, Khorezm, Maveranahir, Iran and the formation of the great Seljuk state.

Ключевые слова: Сельджукское государство, Туркменистан, Хорасан, Хорезм, Сельджуки, Газневиды, Караханиды, Средняя Азия.

Keywords: Seljuk state, Turkmenistan, Khorasan, Khorezm, Seljuk's, Ghaznavids, Karakhanidi, Central Asia.

Образование Сельджукского государства было тесно связано с территорией современного Туркменистана, входившего в XI в. состав Хорасана, Гургана и Хорезма. В 30-х годах XI в. Северный Хорасан стал ареной кровопролитных сражений между войсками Газневидов и конными ополчениями Сельджукидов.

Активная завоевательная политика сельджукидов в Средней Азии началась в тот момент, когда сельджуки перешли границу, отделяющую государственные владения Караханидов, на службе у которых они находились, от владений династии Газневидов. Нарушение

этой границы обозначало конец вооруженного нейтралитета и возобновление войны [2, с. 106].

Посягательство сельджуков на газневидские земли было обусловлено в первую очередь экономическими причинами. Сельджуки, имевшие большие стада лошадей, овец и верблюдов нуждались в новых пастбищах. С целью получить земли в области городов Нисы и Феравы они обратились к Масуду Газневи с предложением нести военную службу и выплачивать налоги в обмен на земли. Масуд предложение не принял [1, с. 27].

В таких условиях, находящийся к тому времени во главе клана, престарелый Муса, принял решение, которое имело исторические последствия. Вместе с племянниками Тогрулом и Чагры он перешел Амударью, и вместе они вступили на территорию газневидского Хорасана (земли современной Туркмении). Грабя города и села на своем пути, сельджуки продвигались дальше по направлению г. Амуль – г. Мерв и далее к городу Ниса, в окрестностях которого стали лагерем. Общая численность возглавляемого Тогрулом и Чагры вооруженного формирования составляла 10 тысяч человек [2, с.107–108].

Правитель газневидов летом 1035 г. отправил свое войско на пришлых кочевников. Сельджукиды-туркмены устроили засаду и разгромили армию султана Масуда. В результате был заключен договор, по которому сельджуки получили упомянутые области и земли Дихистана (современная Южная и Западная Туркмения). Правда, заключение мирного договора не знаменовало признание сложившейся ситуации со стороны Газневидов. На протяжении последующих 5-ти лет борьба продолжилась [2, с. 108].

В 1040 г. на территории Южной Туркмении около крепости Данданакан произошло решающее сражение. Огромное по меркам того времени и хорошо оснащенное войско Газневидов потерпело жестокое поражение. Газневидская империя, охватывавшая земли от Кашмира и Пенджаба до Амударьи, Каспийского моря, стала постепенно распадаться.

Вместе с потерей территорий государство Газневидов утратило главенствующее политическое влияние в регионе. После поражения Газневидов под Данданаканом на территории Хорасана было создано независимое самостоятельное сельджукское государство.

В мае 1040 г. в Мерве состоялся курултай Сельджуков, на котором было принято решение о разделе Хорасана на уделы. Тогрул становится правителем западного Хорасана со столицей в г. Нишапур, Чагры правил восточной частью Хорасана (провинции Мерв и Балх), а их дядя Муса получил провинцию Герат на севере Хорасана [4, с. 26].

После сражения при Денданакане сельджукские правители двинули свои войска на Хорасан, Гурган, Хорезм, Мавераннахр и другие области Средней Азии, Ирана, Передней Азии. Началась многолетняя череда военных походов, закончившаяся созданием обширной империи от берегов Амударьи и Каспийского моря до Тигра, Евфрата и Средиземноморья.

В этих завоевательных походах усилилась власть Тогрула. Внук Сельджука Тогрул вошел в историю как первый из трех сельджукских султанов, которых принято называть Великими. При Тогруле сельджуки создали империю, по могуществу не имевшую себе равных на Ближнем и Среднем Востоке. Тогрул завоевал большие территории за пределами Хорасана, в частности, Ирак. В 1041–1042 гг. Тогрулу удалось завоевать и присоединить к Хорасану Гурган и покорить, расположенный на южном побережье Каспийского моря, Таберистан. В 1043 г. Тогрул победил непримиримого врага сельджуков Шах Мелика и захватил среднеазиатский Хорезм, который вошел в состав их государства. При этом Тогрул установил вассальную зависимость шахов Хорезма от сельджуков. Правивший на тот момент в Хорезме Ануштегин считался самостоятельным хорезмшахом, но не независимым. В 1057 г. Багдадский халиф присвоил Тогрулу титул царя «Машрыка и Магриба» т.е. царя «Востока и Запада». Этого высокого звания в то время не удостоивался ни один мусульманский правитель [5, с. 253].

Наивысшего подъема и расцвета держава Сельджукидов получила при Алп Арслане и Малик-шахе. При Алп Арслане были покорены и попали в вассальную зависимость Армения, Азербайджан, Восточная Грузия и почти вся Малая Азия. Кроме того, при нем Сельджукиды стали активно вмешиваться в дела Караханидов, тем самым подчиняя себе регион Средней Азии.

В этом направлении Алп Арслан начал с того, что привел в повиновение огузов и кыпчаков, проживающих на территории городов Гюргенча, Устюрта, Мангышлыка, и регулярно грабивших караваны, шедшие из Хорезма к Волге. По сути тем самым Алп Арслану удалось обезопасить торговое пространство от Каспийского до Аральского морей, восстановив караванный путь Хорезм-Волга, из Восточной Европы в Среднюю Азию. Восточный поход утвердил власть державы Великих Сельджуков, расширил ее пределы до Устюрта и Мангышлака и потеснил правителя среднеазиатских Караханидов, который лишился части территории Мавераннахра [1, с. 87–90].

Следующим этапом на пути овладения Средней Азией стала борьба за удельные владения караханидских ханов Бухару и Самарканд. Караханиды, овладев территорией Средней Азии, не создали на

ней государства. Страна была разбита на уделы, которыми владели представители правящей династии, практически не признающие авторитета центрального кагана. Чтобы удерживать в повиновении удельных правителей каганы были вынуждены заключать против них союзы даже с противниками газневидскими, а после их крушения сельджукскими султанами. В свою очередь удельные ханы прибегали к этой же тактике [3, с. 31].

В 1072 г. Алп Арслан предпринял поход в Среднюю Азию с целью оказать военную помощь самаркандскому хану. В результате похода Самарканд признал вассальную зависимость от сельджуков. В этом же году начался поход на Мавераннахр, но в самом его начале султан Алп Арслан был убит по дороге комендантом одной из крепостей на Амударье. Однако при его преемнике Малик-шахе завоевание Средней Азии продолжится [1, с. 91].

При Малик-шахе в 1074 г. был осуществлен удачный поход против независимого среднеазиатского хана ал-Мулька в окрестностях современного г. Карши. В 1088–1089 гг. началась целая военная кампания, в результате которой Малик-шах захватил Фергану, достиг границ Восточного Туркестана и продвинулся на не завоеванные территории Мавераннахра. По пути следования к Мавераннахру войско Малик-шаха захватило Бухару, а потом направилось к столице Караханидов г. Самарканду, который к тому времени уже находился в феодальной зависимости от сельджуков, но все время этому сопротивлялся. Глава Караханидов Ахмед бин Хазыр-хан, предвидя возможность захвата Самарканда, укрепил крепостные стены, однако, осаждавшим город сельджукам удалось овладеть одним из бастионов и войти в Самарканд. Ахмед-хан был смещен с престола и арестован [2, с. 136].

Таким образом, при Малик-шахе среднеазиатские земли признали свою зависимость от сельджукских султанов. В состав державы Сельджукидов при нем окончательно вошли Самарканд, Бухара, Фергана, Мавераннахр. Еще раньше, как уже говорилось, в состав владений Сельджукидов вошел Хорезм.

В целом, можно говорить, что при Малик-шахе завершился процесс создания сельджукского государства. Империя Великих Сельджуков включала в себя земли от предгорий Тянь-Шаня на востоке до побережья Красного моря на западе; от северо-восточного побережья Каспийского моря на севере до Индийского океана на юге. В состав империи входили территории таких современных государств, как Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, часть территории Казахстана, Афганистан, Иран, часть территории Пакистана, Армения, Абхазия, Грузия, Азербайджан, часть территории северокавказских

республик России, часть территории Турции, Ирак, Сирия, Иордания, Ливан, Израиль, Оман, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Бахрейн, Кувейт, часть территории Саудовской Аравии, Йемен, Аден.

После смерти Малик-шаха могущественный период державы Сельджукидов закончился.

В конце XI–начале XII в. в империи сельджуков началась феодальная раздробленность, сопровождающаяся распадом единой Сельджукидской державы на отдельные феодальные владения и государства. Среднеазиатские владения империи в XII в. вошли в состав отдельного Хорасанского или Восточносельджукского султаната во главе с Санжаром – четвертым сыном Малик-шаха последним Великим султаном.

Территория султана включала практически всю Среднюю Азию вместе с вассальным Хорезмом и Мавераннахром, Иран и Афганистан. Столица находилась в г. Мерв. Вассалами Санжара являлись представители Караханидов, Газневидов, Хорезмшахов, правители Мазандарана, Кермана, Персидского Ирака, Азербайджана и других стран и областей.

Внутри Восточного султаната в XII в. покоренные народы и государства стремились к обретению свободы и независимости. Плодородные оазисы долин Мургаба и Джента, Хорасан, Гурганские провинции, земли на левом берегу Амударьи, управляемые Хорезмшахами и прочими, только номинально признавали сюзеренитет верховных султанов правящей фамилии Сельджуков. Первым кто избавился от пеки сельджуков в изучаемый период, стал Хорезм во главе с управителем из огузо-туркменского рода Гызылом Арсланом.

Таким образом, в XI в. потомки Сельджука создали огромную державу, в период расцвета включавшую Иран, часть Афганистана, Закавказья, Передней и Малой Азии и современную Среднюю Азию. Империя Сельджука начала складываться в результате крупных миграций и завоеваний кочевых племен современной Средней Азии и Казахстана. Затем огузо-туркменские племена, составлявшие ядро сельджукского объединения, в короткий срок покорили страны Ближнего и Среднего Востока. Завоевательная политика сельджуков привела к тому, что они стали ключевыми игроками в указанных регионах и существенно повлияли на ход политической, социально-экономической, материальной и духовной жизни стран Востока. В конце XI–XII вв. началось развитие феодальных отношений в покоренных сельджуками регионах, что постепенно привело к распаду Великой империи Сельджука.

Список литературы:

1. Агаджанов С.Г. Государство сельджукидов и Средняя Азия в XI-XII вв. – М.: Наука. Главная редакция восточный литературы, 1991. – 303 с.
2. Запорожцев В.М. Сельджуки. – М.: Воениздат, 2011. – 294 с.
3. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. – СПб.: Петербургское востоковедие, 2000. – 320 с.
4. Мустафаев Ш.М. От сельджуков к османам. Этнополитические процессы в тюркской среде Малой Азии в XI-XVвеках. – М.: ИВ РАН, МИЦАИ, 2017. – 436 с.
5. Тишков В.А. Туркмены. Серия: Народы и культуры. М.: Наука, 2016. – 635 с.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТОЛОГИЯ

2.1. КОНФЛИКТОЛОГИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В РАМКАХ ДОГОВОРА ПОДРЯДА

Свечникова Диана Сергеевна

*студент 3 курса,
напр. «Экономика и бизнес»,
ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»,
РФ, г. Москва*

Курбанова Амина Низамовна

*студент 3 курса,
напр. «Экономика и бизнес»,
ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»,
РФ, г. Москва*

CURRENT PROBLEMS OF GRAPHIC LAW WITHIN THE FRAMEWORK OF A CONTRACT

Diana Svechnikova

*3rd year student,
e.g. "Economics and Business",
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "REU im.G.V. Plekhanov",
Russia, Moscow*

Amina Kurbanova*3rd year student,**e.g. "Economics and Business",**Federal State Budgetary Educational Institution**of Higher Education "REU im.G.V. Plekhanov",**Russia, Moscow*

Аннотация. Договор подряда, как один из наиболее распространенных гражданско-правовых договоров, в современных реалиях сталкивается с рядом актуальных проблем. Динамичное развитие экономики, появление новых видов работ и услуг, а также цифровизация всех сфер жизни – все это требует переосмысления и совершенствования правового регулирования самого понятия *подряда*. В данной статье мы проанализируем ключевые вопросы, которые чаще всего, основываясь на практике, возникают в современном российском правовом пространстве.

Abstract. A contract for work, as one of the most common civil law contracts, faces a number of pressing issues in modern realities. The dynamic development of the economy, the emergence of new types of work and services, as well as the digitalization of all spheres of life – all this requires rethinking and improving the legal regulation of the contract. In this article, we will analyze the key issues that most often, based on practice, arise in the modern Russian legal space.

Ключевые слова: договор подряда, заказчик, подрядчик, существенные условия договора, срок договора.

Keywords: contract, customer, contractor, essential terms of the contract, term of the contract.

В современном обществе вопросы, связанные с договорами подряда, остаются одними из наиболее важных и актуальных в сфере гражданского права. Каждый год сотни граждан, а также различные организации сталкиваются с необходимостью судебного урегулирования споров, возникающих в ходе исполнения договоров подобного рода. Основной причиной таких разногласий часто является недостаточное осознание и учёт рисков обеими сторонами значимости на этапе заключения соглашения. В результате, это нередко приводит к недобросовестному поведению со стороны как подрядчика, так и заказчика.

Договор подряда – это двустороннее юридическое соглашение, где участниками являются подрядчик (исполнитель) и заказчик. Под-

рядчик обязуется выполнить установленные договором работы и передать их вещественный результат заказчику, который инициировал и оплатил данную услугу. Стороны договора могут иметь разный статус: как правило, любая физическая или юридическая сторона может выступать в роли подрядчика или заказчика, но для отдельных случаев законодательством устанавливается особый состав субъектов. Так, в контексте бытового подряда, являющегося на настоящий момент самым распространённым, подрядчиком всегда выступает только предприниматель, а заказчиком – исключительно физическое лицо. Такой подход позволяет более точно регулировать отношения и защищать интересы обеих сторон.

Договор подряда позволяет гибко регулировать правовые взаимоотношения в рамках конкретных задач, будь то строительство, ремонт или иные виды работ. Сторонам предоставляется возможность заранее согласовать условия, определить ответственность и установить требования к качеству выполнения работ. Таким образом, договор подряда является одним из ключевых инструментов в гражданском праве, обеспечивающим прозрачность и защиту прав участников.

Безусловно, для полного понимания договора подряда необходимо разобраться с его содержанием. Содержание рассматриваемого нами вида документа – это перечень ключевых условий, которые в совокупности определяют взаимоотношения между сторонами (заказчиком и подрядчиком) при выполнении определённых работ. Обязательными для указания являются существенные условия договора – те, без согласования которых он не может быть признан действительным.

Однако к существенным условиям договора подряда не принято относить положения о цене работы и месте её выполнения, которые не считаются существенными, поскольку не предусмотрены п. 3 ст. 424 и п. 1 гл. 37 ГК РФ [1, с. 197; 14].

Рассмотрим существенные условия договора подряда. Так, согласно ГК РФ, к ним относятся, во-первых, предмет договора, а во-вторых – сроки выполнения работ, то есть те условия, которые имеют решающее значение для обеспечения прозрачности и выполнения сторонами своих обязательств.

Что представляет собой предмет договора можно понять из положений ст. 702, 703 и 726 ГК РФ [1, с. 271]. Согласно данным правовым нормам, предметом договора подряда является не только выполнение работы, как это может следовать из п. 1 ст. 703 ГК РФ [1, с. 271], но и конечный результат проделанной работы. Проблема неопределённости предмета в ГК РФ была отмечена некоторыми специалистами. Например, из отдельных статей (ст. 704, 708, 709, 710 ГК РФ) сле-

дует, что предметом договора является только работа, в то время как статья 702 ГК РФ включает и труд, и его результат [1, с. 271]. На практике в большинстве случаев всегда используется второй вариант. Важно, чтобы в договоре подробно указывались как работы, их последовательность и объём, так и ожидаемый результат. В противном случае существует риск признания судом договора недействительным.

Статья 708 ГК РФ [1; С. 272] обязует стороны договора включать в соглашение начальные и конечные сроки выполнения работ – это является вторым существенным условием. Такое требование обеспечивает возможность контроля выполнения услуги со стороны заказчика и позволяет вовремя реагировать на отклонения от графика.

Помимо этого, при взаимной договорённости сторон договора по их желанию могут быть установлены определённые сроки для завершения промежуточных этапов работ. Стороны сами могут определять данные сроки, их какая-либо продолжительность в законе не указана, да и сами по себе они не являются существенным требованием. После заключения договора подрядчик (исполнитель) несёт ответственность за строгое соблюдение всех оговоренных в соглашении сроков – как начальных и конечных, так и промежуточных, если они были установлены. Несоблюдение предусмотренных временных рамок может привести к применению по отношению к подрядчику мер ответственности, предусмотренных законодательством или самим договором.

Кроме указанных выше существенных условий, договор подряда может содержать и некоторые дополнительные: обычные и случайные условия.

Обычные условия представляют собой диспозитивные нормы, применяемые по умолчанию: они действуют только в том случае, если стороны не предусмотрели иное в своём соглашении. Обычные условия регулируют различные типовые аспекты исполнения сторонами договора и обеспечивают стабильность правовых отношений между участниками. Случайные условия, напротив, вводятся по инициативе сторон и служат для дополнения или изменения обычных условий договора подряда. Их включение позволяет учесть особенности конкретного документа, что делает правовое регулирование более гибким и адаптированным к специфике выполняемых исполнителем работ.

Согласно ст. 702 ГК РФ, договор подряда представляет собой соглашение, в рамках которого подрядчик обязуется выполнить некий заданный объём работ, порученный ему по договору заказчиком, и передать заказчику их завершённый результат. Со своей стороны, заказчик берёт на себя обязательство принять выполненные работы и своевременно их оплатить. Такая структура взаимоотношений обеспе-

чивает чёткое распределение ролей и обязанностей, а также служит гарантией защиты интересов обеих сторон на правовом уровне. В договоре обязательно должны быть прописаны содержание, объём работ, точное описание результата, дата начала и дата окончания. Если же данная информация будет отсутствовать, то суд может признать договор незаключённым, из-за несогласования сторонами существенных условий данного соглашения.

В порядке, установленном Гражданским Кодексом Российской Федерации, принято выделять следующие разновидности договора подряда, классификация которых основывается по специфике объекта работ и составу участников.

В первую очередь, часто встречаемой разновидностью договора подряда, является договор бытового подряда, предусматривающий выполнение (осуществление) работ, основной целью которого является осуществление деятельности по удовлетворению необходимых нужд, по усмотрению заказчика, осуществляемых исполнителем (подрядчиком) в рамках его компетенции.

Договор бытового подряда, регулируемый ст. 426 ГК РФ, относится к категории публичных договоров. Это означает, что подрядчик (исполнитель) обязан предоставить услуги любому обратившемуся к нему гражданину на равных условиях, без дискриминации и предпочтений. Исполнителю запрещено отказывать в заключении договора или изменять его условия в пользу одного из потребителей.

Затем, необходимо также раскрыть еще одну разновидность соглашений подобного рода, а именно договор строительного подряда. Он регулирует создание, перестройку, капитальное обновление или демонтаж объектов недвижимости. А предметом договора строительного подряда являются различные строительные работы, итогом которых становится создание или модернизация объекта недвижимости в соответствии с требованиями заказчика. К таким объектам относятся жилые и коммерческие здания, производственные предприятия, инженерные сооружения, а также элементы инфраструктуры.

Особого внимания из-за своей важности заслуживает договор подряда на выполнение проектных и изыскательских работ. Он направлен на разработку проектной документации, выполнение инженерно-геологических исследований, а также подготовку технических материалов, необходимых для реализации строительного проекта. Данный вид договора играет ключевую роль в строительном процессе, так как этапы проектирования и изысканий являются предварительными и обеспечивают основу для дальнейших работ. Потому договор на проектные и изыскательские работы имеет тесную связь со строи-

тельным подрядом. Эти два вида договоров часто образуют единую систему обязательств, где каждый из элементов дополняет и подкрепляет другой.

Основываясь на ст. 758 ГК РФ, можно определить взаимосвязь двух таких видов договоров: подрядчик (проектировщик или изыскатель) обязуется выполнить работу по заказу клиента, подготовив техническую документацию и/или проведя необходимые изыскания, а, в свою очередь, заказчик должен принять и оплатить выполненный объём работ.

Некорректное указание сроков при составлении договора подряда создаёт риски для обеих сторон. Если договор содержит промежуточные сроки без четкого определения соответствующих объемов работ, суд может признать эти сроки недействительными (п. 1 ст. 708 ГК РФ). В таком случае ответственность подрядчика ограничивается соблюдением только начального и конечного сроков. Заказчик не сможет требовать неустойку за просрочку промежуточных этапов, если начальный срок выдержан, а конечный ещё не наступил (ст. 330 ГК РФ) [1, с. 153].

Со стороны заказчика могут возникнуть проблемы связанные с неуплатой работы. При принятии результата лицо, совершившее заказ может, основываясь на некачественно сделанную работу, отказаться оплатить его. Для решения данной проблемы существует п. 1 ст. 721 ГК РФ [1, с. 276]. Если в договоре подряда отсутствуют конкретные требования к качеству выполняемых исполнителем работ, подрядчик не обязан соблюдать какие-либо дополнительные стандарты или нормы, не оговорённые заранее, что часто создаёт проблемы для заказчика, ведь в такой ситуации он лишается права отказа от оплаты выполненной работы или предъявления претензий относительно её качества в будущем. Однако если подрядчик допустил отклонения от условий договора, и они не были исправлены в установленный срок, заказчик имеет законное основание отказаться от выполнения своих обязательств по договору, то есть от оплаты произведённых работ. Кроме того, согласно п. 3 ст. 723 ГК РФ, заказчик может даже потребовать возмещения убытков, возникших в результате нарушений, допущенных в ходе работ, производимых подрядчиком.

Рассмотрим проблему выявления недостатков в результате выполненных работ, если в договоре подряда всё-таки был предусмотрен гарантийный срок. При наличии в договоре такого срока, например, 4 года, заказчик по закону вправе предъявить свои претензии установленному договором подрядчику по поводу обнаруженных им дефектов исключительно в течение указанного в соглашении периода. Однако,

как установлено п. 4 и п. 5 ст. 724 ГК РФ, если недостатки в вещественных результатах работ обнаруживаются уже после окончания гарантийного срока, заказчику потребуются доказать, что они существовали ещё до передачи результата работ или возникли по причинам, заложенным до этого момента [1, с. 277]. Если договор подряда не предусматривает такого срока, заказчик может предъявить требования по выявленным им недостаткам в пределах двух лет со дня передачи ему подрядчиком результата работ, как это указано в п. 1 ст. 724 ГК РФ [1, с. 277]. В этом случае подрядчик обязан доказать, что возникновение недостатков – это не его вина. Если же гарантийный срок установлен, подрядчик несет ответственность исключительно в рамках его действия, что ограничивает возможность предъявления претензий к нему за пределами данного периода. Поэтому логичным является то, что подрядчик заинтересован во внесении в договор минимального гарантийного срока. А в случае, если заказчик решит самостоятельно устранить недостатки, при этом в договоре не сказано о возможности их устранения, то он лишается шанса возместить расходы по п. 1 ст. 723 ГК РФ [1, с. 276]. Убытки будут возмещены только в том случае, если лицо обращалось к подрядчику с просьбой об их устранении, но было проигнорировано, или же подрядчик полностью отклонился от исполнения обязанности.

Подрядчик может столкнуться с проблемой, связанной с отказом заказчика исполнять условия договора. В любой момент до сдачи результата заказчик может расторгнуть договор подряда, тогда возникает вопрос об уплате уже проделанной работы. По ст. 717 ГК РФ в данной ситуации заказчик обязан уплатить часть установленной в договоре цены за проделанную работу [1, с. 274]. Помимо этого, подрядчик также несёт убытки, причинённые расторжением договора, их тоже обязаны возместить. На данном этапе может возникнуть вопрос о точном определении цены за фактическую работу. Поэтому тематику подобного рода лучше уточнять заранее при составлении данного документа.

Частая ошибка заключается в том, что подрядчик забывает согласовать точный перечень материалов и оборудования, требуемых от заказчика в договоре, при этом самостоятельно закупает необходимое. После этого сталкивается с проблемой отказа заказчика возмещать их закупку. Подрядчик сможет возместить убытки только в случае доказательства самостоятельного приобретения и их использования в процессе работы. В обратном случае, требовать от заказчика он ничего не сможет.

Подводя итог, следует отметить, что договор подряда требует особого внимания при его составлении во избежание проблем в будущем. Ключевым аспектом является детальная проработка условий

данного документа, что обеспечивает ясность и предотвращает возможные споры и конфликты между сторонами. Особое значение имеет чёткое определение таких существенных элементов, как предмет договора, который описывает конкретные работы или услуги, подлежащие выполнению, а также сроки их выполнения, устанавливающие временные рамки для реализации обязательств. Грамотно составленный договор гарантирует защиту прав и интересов обеих сторон, а также способствует эффективному выполнению работ в установленные сроки.

В случае, если в договоре не будет предписан чёткий порядок промежуточных этапов выполнения работ, помимо начального и конечного срока, то, это, в свою очередь, может негативно повлиять на возможность заказчика взыскать неустойку, по незавершенной работе. Непосредственно, отсутствие конкретного определения указанных условий может привести к несогласованности договора и, как следствие, к возникновению конфликтов, вплоть до судебных разбирательств.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 09.03.2022 г.) // Собрание законодательства РФ. – 29.01.1996. № 5. Ст. 410.
2. Дорошауп К.А. Актуальные проблемы государственного контракта на выполнение подрядных работ для государственных нужд // Развитие современной юриспруденции: актуальные вопросы теории и практики. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Пенза, 2022. С. 39-41.
3. Ланьи, Е.В. Актуальные вопросы изменения цены по договору подряда / Е.В. Ланьи // Молодой ученый. – 2021. – № 22 (364). – С. 342–344.
4. Олейник, С.А. Актуальные проблемы гражданско-правового регулирования подрядных работ для обеспечения государственных нужд / С.А. Олейник, Е.П. Олейник, П.Ю. Левин // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2020. – № 2(25). – С. 24–30.
5. Самсонов, Д.Д. Особенности и правовая характеристика договора подряда / Д.Д. Самсонов // Вопросы студенческой науки. – 2022. – № 5(69). – с. 269–273.
6. Смольникова Е.А. Виды гражданско-правовых договоров //Аллея науки. – 2021. – Т. 1. – № 8. – С. 255-274.
7. Филиппова, С.Ю. Юридические факты в гражданском праве. Часть 1. Правомерные юридические действия: гражданско-правовые проблемы квалификации / С.Ю. Филиппова. М.: Статут, 2020. 368 с.
8. Шамшатдинов, М.Р. Существенные условия договора подряда / М.Р. Шамшатдинов, И.В. Закржевская // Вестник науки и образования. – 2017. – Т. 1. – № 6(30). – С. 75–78.

2.2. ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Савельев Евгений Дмитриевич

аспирант

*Высшей школы международных отношений
Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого,
РФ, г. Санкт-Петербург*

Погодин Сергей Николаевич

д-р экон. наук, проф.

*Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого,
РФ, г. Санкт-Петербург*

THE EVOLUTION OF THE THEORETICAL FOUNDATIONS OF PUBLIC DIPLOMACY

Evgeny Saveliev

Postgraduate student of the

*Higher School of International Relations
of Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University,
Russia, St. Petersburg*

Sergey Pogodin

*Doctor of Economics, Professor
of Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University,
Russia, St. Petersburg*

Аннотация. Актуальность работы заключается в том, что современный этап развития человечества свидетельствует о великих пере-

менах в сфере мировой политики и организации международных отношений в целом.

Изменение мирового порядка происходит в силу смены сфер влияния крупнейших господствующих стран на мировой арене, оказывающих значительное влияние.

Развитие всех сфер общества приводит и к изменению инструментов влияния на страны, их правительство и общество.

В ходе исследования было выявлено, что на сегодняшний момент времени публичная дипломатия представляет собой активно используемый инструмент на политической арене. Публичная дипломатия, как и большинство политических институтов, трансформируется с учетом актуальных тенденций цифровизации, глобализации и т. д. Также в ходе исследования было определено, что существует большое количество различных способов реализации публичной дипломатии, что позволяет говорить о значимости рассматриваемого явления в контексте анализа существующей системы международных отношений

Abstract. The relevance of the work lies in the fact that the current stage of human development testifies to great changes in the field of world politics and the organization of international relations in general.

The change in the world order occurs due to the change in the spheres of influence of the largest dominant countries on the world stage, which have a significant impact.

The development of all spheres of society also leads to a change in the instruments of influence on countries, their government and society.

The study revealed that at the moment public diplomacy is an actively used tool in the political arena. Public diplomacy, like most political institutions, is being transformed taking into account the current trends of digitalization, globalization, etc.

Also, during the study, it was determined that there are a large number of different ways to implement public diplomacy, which allows us to talk about the significance of the phenomenon in question in the context of analyzing the existing system of international relations.

Ключевые слова: публичная дипломатия, государство, мягкая сила, политические отношения, реализация, общество.

Keywords: public diplomacy, state, soft power, political relations, implementation, society.

Введение

На сегодняшний день происходит усиление роли публичной дипломатии во всей системе международных отношений под давлением повсеместного развития информационно-коммуникативных технологий. Вследствие этого, на сегодняшний момент времени главнейшим аспектом оценки государства является то общее впечатление, которое оно производит на геополитическом уровне, в равной степени, как и политические, экономические и демографические особенности отдельно взятого государства.

Целью данной статьи выступает: анализ публичной дипломатии как феномена современных политических отношений с исторической точки зрения.

Для достижения цели работы, были определены задачи:

- выявить процесс возникновения определения «публичная дипломатия»;
- проанализировать нетрадиционные подходы к определению публичной дипломатии;
- изучить два классических подхода к классификации форм реализации публичной дипломатии;
- проанализировать новые (современные) формы реализации публичной дипломатии;
- определить характерные особенности новой публичной дипломатии;
- выявить виды новой публичной дипломатии.

Современный этап человеческого развития обусловлен кардинальными переменами на геополитической арене, в целом, а также в структуре международных отношений, в частности. Следует сказать, что такие постулаты, как дипломатия подвергается значительным изменениям, в связи с развивающимися потоками обмена информацией между различными субъектами. Одним из наиболее значимых аспектов деятельности дипломатических сотрудников является формирование восприятия представляемого ими государства. Стоит отметить, что сегодня не стоит брать во внимание только объективные характеристики, чтобы сформировать такое восприятие. Впечатление, которое производит государство на мировой арене – это важнейшая характеристика, влияющая на оценку государства.

Не вызывает удивления тот факт, что в настоящее время особое внимание уделяют институту публичной дипломатии.

Первым, кто использовал определение «публичная дипломатия» был Эдмунд Галлион. Галлион считал, что публичная дипломатия яв-

ляет собой процесс, следуя которому субъекты международных отношений способны достичь соглашений с помощью привлечения иностранной общественности [25].

Спустя 12 лет данный термин был впервые применен на официальном уровне. Во время заседания Конгресса США в 1977 году доклад комиссии Мэрфи включал в себя определение публичной дипломатии, которое изначально закладывалось Э. Галлионом. При этом авторство на определение публичной дипломатии не является бесспорным [9].

Проведя исследование процесса появления термина «публичное дипломатия», Н Карлл установил, что этот термин появился и впервые был употреблен еще до его озвучивания Э. Галлионом. Но, он имел совершенно не ту трактовку и значение.

Издание London Times публикует статью в 1856 году, где дает определение этого понятия – это добропорядочная дипломатия. Спустя несколько лет также при одной из публикации статей в своем издании The New York Times уже указывает на иное определение, говоря об открытой дипломатии, не тайной [12].

Феномен публичной дипломатии был изучен Дж. Фишером, который впервые заговорил о том, что создание положительного облика страны на международной арене зависит не столько от понимания политики иностранными дипломатами, сколько от понимания этой политики иностранной аудиторией в лице простых людей, которые в массе могут влиять на свое государство [14].

Стоит сказать, что исторически определение влиятельности государства складывалось за счет применения силы, но с развитием ядерной энергетики, страны лишаются возможности завоевания своего престижа силой. Это привело к тому, что каждое государство стало искать новые пути повышения своего престижа на мировой арене.

Важным моментом в развитии публичной дипломатии стоит считать период окончания глобального противостояния двух блоков держав. Окончание холодной войны привело к заметному снижению роли публичной дипломатии.

Это произошло за счет того, что в политической науке 1990-х гг. появился новый термин – «мягкая сила». Такое термин впервые был предложен Гарвардским ученым Д. Наем. Он разделяет политику государства на три вида: мягкая, жесткая, умная сила.

Жесткая включает в себя использование военной и экономической мощи государства для достижения поставленной цели.

Мягкая, наоборот, не прибегает к применению силы, угроз и принуждения.

Умная сила представляет собой соединение способов мягкой и жесткой силы для достижения поставленных целей [18]. Это наиболее гуманная и грамотная стратегия завоевания высокого положения на мировой арене.

Более того, ученый отстаивал позицию о том, что для полноценного использования мягкой силы необходимо стремиться к реализации основополагающих принципов публичной дипломатии. Джозеф Най первым предложил рассматривать публичную дипломатию в трех аспектах. В качестве первого аспекта публичной дипломатии ученый предлагал понимать регулярное освещение политики государства с аргументированным разъяснением принимаемых государством решений. Ко второму аспекту Най относил «стратегическое общение», суть которого состоит в обсуждении с обществом вопросов, имеющих государственное значение. К третьему аспекту он относил точечное развитие взаимодействия с зарубежной аудиторией посредством создания каналов образовательного, научного и иного сотрудничества в целях посвящения представителей граждан иностранных государств с особенностями внутренней жизни своего государства [19]. Резюмируя свое исследование, Джозеф Най отмечал, что публичная дипломатия способна функционировать только в рамках предложенной им концепции.

Классическим вариантом термина «публичная дипломатия» принято считать дефиницию Э. Гиллиона – это средства, используемые людьми, правительствами, частными группами, способные изменять мнения и взгляды, как отдельных людей, так и групп в целом, для принятия определенных внешнеполитических решений.

Но помимо представленного определения Гиллиона, существуют и другие ученые, которые также выдвигали различные трактовки публичной дипломатии, сохраняя основной смысл первоначального определения.

В российской политической науке нет единой трактовки публичной дипломатии. Это приводит к определенным сложностям.

Термин «public diplomacy» в переводе на русский дает публичную дипломатию, либо общественную. Таким образом, мы видим, что совершенно разные сферы и субъекты политических отношений.

Общественная дипломатия все-таки больше трактуется как «гражданская», «народная» [1].

Под гражданской дипломатией понимаются действия как физических и юридических лиц, так и различных институтов общества, которые не всегда прямо связаны с государственной властью. Они лишь направлены на установление межгосударственных отношений и

партнерства. Поэтому гражданскую и публичную дипломатию отождествлять абсолютно не верно.

Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что публичная дипломатия представляет собой широкое понятие, включающее в себя различных субъектов политических отношений, направлена на разъяснение решений государства иностранному обществу. Иными словами, политическая дипломатия представляет выстроенную систему общения между государством и зарубежной общественностью. При этом не следует забывать о том, что публичная дипломатия не является пропагандой в традиционном значении последнего термина, поскольку целью публичной дипломатии не является намеренная дезинформация или навязывание определенной парадигмы зарубежной общественности, а напротив, правильное и корректное информирование граждан других государств о тех событиях и действиях государственных органов, демонстрация которых отвечает целям проводимой государством политики.

С учетом того, что публичная дипломатия – это новый институт политических отношений, отсутствует единое, унифицированное понятие данного феномена, ввиду чего возникают определенные сложности в теоретическом анализе указанного явления.

Одной из основных сложностей в понимании публичной дипломатии, кроме отсутствия определенной ее трактовки в российской политической науке, существует ряд вопросов, которые требуют детальной проработки для их понимания:

- как понимать процесс осуществления публичной дипломатии, из чего он состоит?
- из каких аспектов состоит публичная дипломатия?
- как необходимо классифицировать формы реализации публичной дипломатии?

Стоит отметить, что большинство исследователей в области рассматриваемого явления, так или иначе придерживаются традиционного определения публичной дипломатии, в то время как подходы к типологии форм реализации публичной дипломатии предлагают полярно разные и, зачастую, вовсе не придают значения данному вопросу.

Так, в монографии «Публичная дипломатия: Теория и практика» М.М. Лебедева, опубликованной под редакцией МГИМО МИД России в 2017 году, отсутствует раздел, который классифицирует формы реализации публичной дипломатии [3].

Также и в серии международных пособий «Ратледж», в первом издании под редакцией Джеймса А. Бэнкса в 2009 г. не поднимается вопрос, как классифицировать формы реализации публичной дипломатии. Хотя

стоит сказать о том, что некоторые авторы, все же, затрагивают этот вопрос. Но крупные издания и работы не берут во внимание [22].

Анализируя исследования, как отечественных, так и зарубежных ученых и исследователей, можно сделать вывод о том, что все они основываются на двух моделях классификации форм реализации публичной дипломатии. Эти модели были разработаны М. Леонардом и Н. Каллом. Эти исследователи сформировали аргументированные и структурированные подходы, направленные на систематизацию вышеупомянутых форм.

Марком Леонардом, основателем центра аналитики «European Council on Foreign Relation» (ECFR), предложен 3 формы реализации публичной дипломатии, определяемые им как «измерения» [18].

Первое, или реактивное измерение заключается в мгновенном реагировании на возникшую ситуацию. По мнению М. Леонарда это измерение должно исчисляться кратковременными моментами – в часах, или днях, не более.

Второе, или проактивное измерение – это набор последовательных действий и мероприятий, направленных на создание нужных взглядов, мнений, настроений в обществе иностранных граждан на то, или иное событие. Временные рамки данного измерения исчисляются в неделях и месяцах.

Второй же исследователь – Дж. Най, это второе измерение назвал стратегическая коммуникация». В остальном он также основывался на взглядах М. Леонарда. По мнению автора, третье измерение является самой продолжительной формой реализации публичной дипломатии, которая может и вовсе не быть ограничена временными рамками.

Как отмечалось ранее, помимо концепции, предложенной М. Леонардом, существует и иная концепция, используемая многими учеными в своих исследованиях. Иной взгляд на типологию форм реализации дипломатии предложил Н. Калл. Данный исследователь выдвинул фундаментальные концепции, основываясь на которых выделяются пять типов публичной дипломатии [11].

Первый тип, который он обозначил как восприятие, подразумевает активную работу по сбору информации об общественной жизни в других странах, осмыслении господствующих идей и т.д. Суть данного подхода заключается в формировании и определении наиболее подходящих стратегий взаимодействия в рамках публичной дипломатии.

Второй тип, который назван автором «агитация» включает в себя методы и приемы, направленные на продвижение необходимого решения, или какого-то конкретного мнения в контексте государственности, пере-

кладывая это на иностранную общественность. Иными словами, подходы по внушению иностранному обществу необходимой идеи.

Третьим типом выступает культурная дипломатия. Культурная дипломатия направлена на представление и распространение культурных ценностей страны в другом государстве, популяризация музыки, творчества, кинематографа и т.п. государство должно всячески поддерживать распространение своей культуры за пределами страны.

Многие авторы склонны считать, что культурная дипломатия не соприкасается с публичной, а представляет собой только агитацию культуры и творчества [13].

Дипломатией обменных программ Н. Калл называет предоставление возможности осуществлять определенную деятельность иностранным гражданам на территории своего государства, в частности, проходить обучение по образовательным программам высшего образования. Следует отметить, что некоторые ученые, применяющие в своих исследованиях модель Калла, видоизменяют ее и объединяют культурную дипломатию и дипломатию обменных программ в одну форму.

Еще одной формой реализации публичной дипломатии, которую предлагает Калл, можно назвать международное вещание. Суть данной формы заключается во взаимодействии с иностранным обществом через телевидение и сеть Интернет. Автор указывает на то, что этот вид формы не что иное, как факультативная форма реализации публичной дипломатии, ведь она может применять в любой другой формой, или даже формами вместе.

Аналогичную точку зрения поддержал и ученый Г.Ю. Филимонов.

Он выделил в качестве форм реализации публичной дипломатии следующие:

- внешняя культурная политика;
- культурная дипломатия;
- информационное сопровождение международной деятельности;
- механизмы образовательных обменов [6].

Стоит обратить внимание на позиции И.Л. Прохоренко и Е.М. Харитонова, которые к вышеуказанным формам реализации публичной дипломатии добавляют еще продвижение языка, способствование развитию страны на международной арене [7].

Другое мнение было озвучено Н.А. Цветковой, сокращающей озвученные выше формы дипломатии к следующим: информационная, образовательная и культурный обмен [10].

Следует также обратить внимание на то, что в настоящее время ученые, посвящающие свои научные труды вопросам публичной ди-

пломатии, создают новые формы реализации публичной дипломатии. Например, «гастродипломатия»[2], заключающаяся в распространении блюд национальной кухни в других странах. Другим примером можно назвать «спортивную дипломатию» [4], подразумевающую участие государства в мировой спортивной жизни (соревнования мирового масштаба, обмен спортсменами и т.п.). Такая тенденция к активному изучению и развитию говорит лишь о том, что в науке нет единого разработанного понимания форм реализации публичной дипломатии.

На основании изложенного следует сделать вывод о том, что даже несмотря на отсутствие единообразного понимания форм (типов) реализации публичной дипломатии, каждая из предложенных концепций разграничения таких форм имеет под собой одну общую цель – расширение возможностей применения принципов публичной дипломатии совместно с своевременным теоретическим обоснованием применяемых на практике форм реализации исследуемого феномена.

В настоящее время понятие «новая публичная дипломатия» характеризуется во многом в результате увеличения роли принципов самой публичной дипломатии при осуществлении международных отношений, что, в свою очередь обусловлено, следующим:

- переосмыслением субъектами политических отношений базовых, концептуальных моментов международных отношений, в эпоху современных вызовов и угроз;
- увеличением круга деятельности неправительственных организаций, в том числе влияние на принятие государственно важных решений;
- формированием концепции национального брендинга.

Идея назвать правительственный имидж национальным брендингом сформировалась в результате объединения методов публичной дипломатии и маркетинга, при котором (объединении) стало ясно, что политика государства может восприниматься как продукт, который может быть интересен зарубежной общественности. Под национальным брендингом принято понимать совокупность действий в сфере экспорта, туризма, культуры, внешней и внутренней политики, направленные на формирование и углубление положительного мнения о государстве у местного и зарубежного населения.

Стоит отметить, что целью национального брендинга является демонстрация наиболее привлекательных особенностей своего государства, привлекающие внимание целевых аудиторий зарубежной общественности и средств массовой информации. Однако, обращается внимание на то, что такая демонстрация оказывает положительное влияние на граждан собственного государства. В качестве примера

можно привести бренд «Deutschland – Land der Ideen», оказавшему содействие в привлечении зарубежных и сугубо немецких инвестиций в сферу научно-исследовательских и конструкторских работ.

Применение принципов новой публичной дипломатии представляет собой процесс постепенного, системного и последовательного завоевывания доверия со стороны иностранных обществ, следствием чего выступает то, что такая работа и отклик общественности на нее не могут решать только краткосрочные задачи. Слишком велики затраты на это [8].

Необходимо также понимать, что новая публичная дипломатия идет в ногу со временем, в частности, находится в тесной связи с глобализационными процессами, поскольку последние постепенно приводят к стиранию границ между культурами и традициями. В силу развития этих глобализационных процессов развиваются и новые направления политической дипломатии – медиаполитика, киберполитика, ноополитика.

В последнее время замечается тенденция применения государствами особого вида дипломатии – электронной дипломатии, которая также может быть использована для достижения внешнеполитических целей. В то время как в рамках классической дипломатии происходит очное взаимодействие между уполномоченными представителями государств, электронная дипломатия включает в себя возможность вести диалог не только способами классической дипломатии, но и с использованием дистанционных технологий.

Стоит также отметить, что субъектами электронной дипломатии могут быть как и представители государственной власти, так и представители гражданского общества или любое заинтересованное лицо (сейкхолдер) [17].

Следует обратить внимание на то, что в прямой зависимости находится роль публичной дипломатии, форм ее реализации в политике и влияние сети интернет. Сегодня в глобальной сети зарегистрировано свыше миллиарда пользователей.

Если рассмотреть видеохостинг YouTube, то там ежедневно насчитывается просмотров свыше 100 миллионов роликов. Вышеописанные факты, как то, увеличение темпов глобализационных процессов, повсеместная информатизация человечества, позволяют говорить о неуклонном росте роли электронной дипломатии в политических отношениях, сущность которой заключается в обширном применении информационных технологий для содействия органам государственной власти в вопросах коммуникации с зарубежной общественностью и решению иных внешнеполитических задач.

Начало XX в. было ознаменовано тем, что Интернет стал ведущим информационным и коммуникационным мировым каналом. Еще в начале 90-х гг. XX века учеными политологами выдвигалась теория феномена эффекта CNN, транслирующего новости мира при прямом подключении, без записи. Сегодня этим феноменом уже никого не удивить, и стоит больше на второй план отодвигать пост-CNN эффект.

Все вышеуказанные изменения заставляют политическую элиту иначе взглянуть на институт публичной дипломатии. Стоит отметить, что XXI век становится тем историческим периодом, когда целевые аудитории уже не представляют собой исключительно потребителей информации, ввиду повышения гражданского сознания и роста социальной активности общества.

Необходимо обратить внимание на то, что электронная дипломатия, являясь одним из ключевых элементов новой публичной дипломатии, дает возможность расширения информационных каналов между различными субъектами политических отношений.

В качестве примера, когда электронная дипломатия непосредственно направлена на достижения целей, поставленных перед публичной дипломатией, стоит привести шведскую программу «Кураторы Швеции», суть которого заключается в том, что каждую неделю социально активный гражданин избирается «послом Швеции», задача которого состоит в публикации информации, характеризующей особенности государства и жизни его народа.

Еще одним направлением новой публичной дипломатии, требующим особого внимания называют «нишевую дипломатию».

Идея нишевой дипломатии – занятие определенной ниши конкретной страной на международной арене, выполнение условий которой имеет благоприятные возможности в стране.

Стоит отметить, что нишевая дипломатия наиболее характерна для малых и средних государств. Иными словами, указанное направление новой публичной дипломатии заключается в возможности конкретного государства осуществлять политическую деятельность исключительно в рамках одной или нескольких локальных задач. Считается, что сосредоточение дипломатической активности на единственном направлении может быть конкурентным преимуществом государства, поскольку ограниченность ресурсов, которыми обладает государство, возводит в абсолютную ценность имеющиеся у него ресурсы.

Следует обратить внимание на то, что заметное увеличение роли нишевой дипломатии стало проявляться в начале 90-х годов прошлого столетия, в связи с распадом СССР. Ученые стали отмечать, что в ми-

ре, на тот момент, осталась одна сверхдержава, несколько стран, способных навязать политическую борьбу – Россия, Индия, Китай, а также региональные государства, не способные глобально влиять на мировую политику, однако имеющие важное значение для конкретного региона.

В частности, на сегодняшний момент времени яркими представителями применяющие принципы нишевой дипломатии, выступают Канада, Швеция, Норвегия и др.

Основой развития внешнеполитических действий этих стран является миротворчество. Эти страны активно участвуют в решении проблем стран Африки, Арктического вопроса, при катастрофах и стихийных бедствиях разных регионов.

Стоит также отметить, что страна кленового листа, в качестве визитной карточки своей внешней политики чаще использует миротворчество, когда Норвегия является прообразом государства, помогающего развиваться государствам Третьего мира.

В подтверждение этого необходимо привести примеры тех гуманитарных миссий, которые были инициированы правительствами вышеназванных государств, к числу которых относится «Оттавский процесс» (запрет противопехотных мин) и «процесс Осло» (мирное урегулирование конфликта на Ближнем Востоке) [24].

Заключение

Подводя итог, мы можем сказать, что новая форма публичной дипломатии стала мощным инструментом и составной частью глобализационных процессов. Важно помнить, что публичная дипломатия, как и раньше, служит не только для укрепления связей между народами, но и для продвижения национальных внешнеполитических интересов.

Список литературы:

1. Зонова Т.В. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 245–277.
2. Наумов А.О. Спортивная дипломатия как инструмент «мягкой силы» // Мировая политика. – 2017. – № 4. – С. 32–44.
3. Публичная дипломатия. Теория и практика. – М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 2017. – 270 с.
4. Рогозин А.Д. Общественная дипломатия НАТО: Информационная безопасность России // Власть. – 2008. – № 9. – С. 26–32.

5. Рыбакова М.Г. Международный аспект культурной политики. Опыт России и зарубежных стран // Управленческое консультирование. – 2013. – № 1(49). – С. 115–123.
6. Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования российского потенциала «Мягкой силы» // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2012. – №1. – С. 67–82.
7. Харитоновна Е.М., Прохоренко И.Л. «Мягкая сила» бывших империй: сравнительный опыт Великобритании и Испании // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 3. – С. 39–49.
8. Хауер-Тюкаркина О.М. Аспекты формирования внешнеполитической имиджевой стратегии современной ФРГ. – М.: Транзит-Икс, 2013. – 180 с.
9. Цатурян С.А. Общественная дипломатия США в новом информационном столетии // США. Канада: экономика, политика, культура. – 2010. – № 8. – С. 105–115.
10. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США. Публичная дипломатия зарубежных стран // Международные процессы. – 2018. – Т.13. – № 3. – С. 103–125. DOI 10.17994/IT.2015.13.2.42.8
11. Cull N. "Public Diplomacy" Before Gullion: The Evolution of a Phrase. – USC Center on Public Diplomacy, 2006.
12. Cull N.J. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – Vol. 616. – No 1. – Pp. 31–54.
13. Feigenbaum H.B. Globalization and Cultural Diplomacy // Center for Arts and Culture, 2001. – 54 p.
14. Fisher G.H. Public Diplomacy and the Behavioral Sciences. – Bloomington, 1972. – P. 4.
15. Gienow-Hecht J.C.E., Donfried M.C. Searching for a Cultural Diplomacy. – Berghahn Books, 2010. – 278 p.
16. Hans T. Communicating with the world: U.S. Public Diplomacy Overseas. – Palgrave Macmillan, 1990. – P.3.
17. Henrikson A. Niche Diplomacy in the World Public Arena: the Global 'Corners' of Canada and Norway // New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations. – Palgrave Macmillan, 2005. – P. 67–88.
18. Leonard M., Stead C., Smewing C. Public Diplomacy. – The Foreign Policy Centre, 2002. – 192 p.
19. Nye J.S. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – Vol. 616. – P. 101–102.
20. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics // Public Affairs. – 2005. – P. 63.
21. Routledge handbook of public diplomacy. – Routledge, 2009. – P. 13.

22. Simons G. Russian public diplomacy in the 21st century: Structure, means and message // *Public Relations Review*. – 2014. – № 40. – P. 440–449.
23. Snow N., Cull N.J. *Handbook of Public Diplomacy*. – Routledge, 2020. – 504 p.
24. Snow N., Taylor P. *Handbook of Public Diplomacy*. – Routledge, 2009. – 384 p.
25. What is Public Diplomacy? // *The Edward R. Murrow Center of Public Diplomacy*. – The Fletcher School. Tufts University, 2021. – P. 32–44.

РАЗДЕЛ 3.

ФИЛОСОФИЯ

3.1. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Бартагариева Ирина Ириковна

*старший преподаватель
кафедры философии,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»,
РФ, г. Донецк*

JUSTICE AND HUMANITY IN THE MODERN WORLD

Irina Bartagariyeva

*Senior Lecturer
of the Chair of Philosophy,
Donetsk State University,
Russia, Donetsk*

Аннотация. Исследование взаимосвязи между концепцией справедливости и сохранением человечности в современном мире, выявление основных проблемы и вызовов, связанных с этой взаимосвязью, и предложение возможных путей их решения.

Abstract. The study of the relationship between the concept of justice and the preservation of humanity in the modern world, the identification of the main problems and challenges associated with this relationship, and the proposal of possible ways to solve them.

Ключевые слова: социум, человечность, справедливость, гуманность, кризис, трансцендентность.

Keywords: society, humanity, justice, humanity, crisis, transcendence.

В современном мире вопросы справедливости и сохранения человечности приобретают особую актуальность в связи с постоянными изменениями и вызовами, возникающими в различных сферах общественной жизни. В контексте социальных и экзистенциальных бифуркаций, когда общество сталкивается с кризисами и неопределённостью, проблема справедливости становится особенно острой.

В условиях неопределенности и кризиса именно справедливость помогает обществу находить устойчивые формы сосуществования, а человечность – помогает сохранять связь и поддержку между людьми в обществе. Анализ этих двух понятий, создает основу для более глубокого понимания того, как мы можем обеспечить лучшее будущее для себя и государства. Возрастает роль индивидуальной творческой активности морального субъекта, вынужденного осознавать экзистенциальные вопросы в контексте своего повседневного существования, принимать на себя личную ответственность за совершенные на этой основе поступки.

Проблему справедливости и человечности как аксиологических доминант социального развития исследовали разные авторы. Среди них: Конфуций, Сократ, Аристотель, Г. Гегель, И. Кант, С. Кьеркегор, Н. Бердяев, К. Ясперс.

Справедливость не ограничивается лишь распределением ресурсов, она охватывает более глубокие аспекты человеческого существования, включая достоинство, равенство и возможность самореализации. В точках бифуркации, когда общество сталкивается с выбором между различными путями развития, важно не только оценить потенциальные последствия принимаемых решений, но и сохранить человечность в процессе этого выбора.

В античной и средневековой философии под справедливостью понимается правильное исполнение некоего трансцендентного закона бытия, обеспечивающего порядок в мире. В индуизме – это закон «вед», в античной философии – космическая основа, в средневековой христианской философии – это Закон Божий.

С Нового времени феномен справедливости начинает осознаваться как свойство общества и человека, приобретая социально-правовую форму, в рамках которой справедливость понимается как постоянное следование закреплённому в общественном договоре равному праву всех. Таким образом, определяющим условием существования справедливости признаётся равенство.

В восточной философии справедливость понимается как данная высшими силами априорно присутствующая в мире трансцендентная характеристика бытия, определяющая соотношение добра и зла, сущего и должного, деяния и воздаяния.

Этические подходы к пониманию справедливости: с этических позиций справедливость предстаёт в качестве оценки человеком на основании его собственных и общепринятых ценностей соотношения доброго и злого, соответствия сущего должному, соответствия деяния и воздаяния во взаимоотношениях людей.

Понятия равенства и моральной ответственности в контексте социальных конфликтов

Уравнительная справедливость относится к отношениям равноправных людей по поводу предметов («равным – за равное»). Она относится не непосредственно к людям, а к их действиям, и требует равенства (эквивалентности) труда и оплаты, ценности вещи и её цены, вреда и его возмещения.

Понятие человечность включает в себе понимание другого человека, эмпатию, сострадание и уважение к его правам и достоинству. Эти качества формируют основу для социальных взаимодействий и создают условия для гармоничного сосуществования в обществе [2, с. 38]. Экзистенциальная бифуркация вносит в это понятие аспект выбора смысла собственной жизни и отношения к другим людям. Человечность как категория философии олицетворяет способность человека видеть другого как равного, уважать его индивидуальность и готовность помочь в трудной ситуации.

В условиях современных вызовов, таких как глобализация, технологические изменения и социальные кризисы, концепция человечности становится особенно актуальной. Важным аспектом является то, как человечность проявляется в различных культурных и социальных контекстах. Например, в условиях конфликтов и насилия человечность может подвергаться испытаниям, когда индивиды и группы вынуждены делать выбор между личными интересами и общим благом. В таких ситуациях проявление человечности может стать актом мужества и сопротивления деструктивным силам.

На вопрос о том, что такое человечность, Конфуций ответил: «Тот будет человек, кто сможет воплотить повсюду пять достоинств: почтительность, великодушие, правдивость, сметливость, доброта» [4, с. 311].

Справедливость и человечность – два важных аспекта, определяющих нашу жизнь в обществе. В современном мире, где неравенство и

социальные противоречия становятся все более острой проблемой, концепция справедливости играет особенно важную роль. В то же время, сохранение человечности в условиях экзистенциальных бифуркаций представляет собой непростую задачу, требующую глубокого понимания сущности человеческого бытия.

Анализируя концепцию справедливости, мы видим, что она основана на идее равенства и справедливого распределения ресурсов, возможностей и прав. Это означает, что каждый человек имеет право на свободу, справедливое вознаграждение за свой труд и защиту своих прав и свобод. Однако, в реальности мы видим, что не все люди имеют равные возможности и права, что приводит к социальным неравенствам и конфликтам.

Кроме того, в условиях социальных изменений и кризисов, таких как пандемия COVID-19, становится очевидным, что справедливость не может быть достигнута без учета уязвимых групп населения. Женщины, дети, пожилые люди и этнические меньшинства часто оказываются в наиболее уязвимом положении, и их права и потребности должны быть в центре внимания при разработке политик и программ.

Таким образом, концепция справедливости – это многогранное и динамичное понятие, которое требует постоянного переосмысления и адаптации к новым условиям. Справедливость не является статичной, она развивается вместе с обществом и его ценностями. Важно помнить, что справедливость – это не только юридическая категория, но и моральная, этическая и социальная. Это стремление к созданию более справедливого и гуманного мира, где каждый человек имеет возможность реализовать свой потенциал и жить достойной жизнью.

Из вышеизложенного, можно сделать выводы по сохранению человечности в условиях бифуркаций. Во-первых, важно развивать диалог между различными социальными группами для лучшего понимания их потребностей и ценностей. Во-вторых, необходимо создавать условия для социальной поддержки и солидарности, что поможет людям справляться с вызовами, связанными с бифуркациями. В-третьих, важно внедрять образовательные программы, направленные на развитие критического мышления и эмоционального интеллекта, что позволит людям более осознанно подходить к вопросам справедливости и человечности.

«Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью» [3, с. 60]. Значит с одной стороны мы соединены с животным миром, базовые потребности никто не отменял, а с другой стороны человек может выйти за пределы человеческого, трансцендентного, а это значит – видеть в каждом человеке – Бога,

сострадать другому человеку в его несчастье, или «видеть» в другом хорошие качества и акцентировать на этом внимание. Получается гегелевская триада – «животное-человек-сверхчеловек».

Только через взаимопонимание, сострадание, толерантность и уважение к каждому мы сможем добиться справедливости и сохранить человечность в нашем Мире.

Список литературы:

1. Аитова Г.Ш. Новое в понимании справедливости в эпоху глобализации: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11. – Москва: Ин-т философии РАН, 2011. – 36 с.
2. Курбанов М.Г. К вопросу философского понимания человечности // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2018. – Т. 34. – Вып. 1. – С. 37–45.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого (Перевод В.Рынкевича). – М.: Интербук, 1990. – 304 с.
4. Переломов Л.С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. – М.: Наука, 1993. – 440 с.

3.2. ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Комисова Елена Игоревна

*старший преподаватель
кафедры философии,
Донецкий государственный университет,
РФ, ДНР, г. Донецк*

ABOUT SOME FEATURES OF THE RELIGIOUS WORLDVIEW

Elena Komisova

*Senior Lecturer
of the Department of Philosophy,
Donetsk State University,
Russia, DNR, Donetsk*

Аннотация. В статье изложены некоторые особенности религиозного мировоззрения, такие как трудности в универсальном его определении, ритуальное поведение и иррациональная вера как обязательные элементы. Рассматриваются точки зрения различных философов. Приводятся психологические детерминанты религии.

Abstract. The article outlines some features of the religious worldview, such as difficulties in its universal definition, ritual behavior and irrational faith as mandatory elements. The points of view of various philosophers are considered. The psychological determinants of religion are given.

Ключевые слова: религия, вера, мировоззрение, феномен, дефиниция, сакральное, священное.

Keywords: religion, faith, worldview, phenomenon, definition, sacred, sacred.

Многие философы считают, что невозможно вывести универсальное определение религии, которое охватило бы всю совокупность форм религиозных верований. Так, гносеологический подход к опре-

делению религии выделяет в качестве основного ее признака иррациональную веру, однако сталкивается со сложностями при разграничении религиозного верования и сходных идеологических феноменов, к примеру, веры в национальное превосходство. Большинство ученых выделяют особую форму человеческого опыта, одинаковую для всех религий – веру в высшие, сверхъестественные силы, сакральное. Вера в Бога как такового не является необходимым элементом определения религии. Есть религии, в которых понятия о Боге не существует, но понятие о «священном», или «нуминозном» (что тесно связано с первичным религиозным опытом), присутствует обязательно. Первичный религиозный опыт человека полностью иррационален, он не включает ничего похожего на последующие наслоения – нравственные и рациональные аспекты, которые становятся ведущими в развитых мировых религиях.

Немецкий философ Макс Вебер не стремился к выработке какого-либо законченного определения религиозного феномена. Он полагал, что любая дефиниция будет иметь условный характер. Для него главной характеристикой было то, что индивиды действуют, сообразуясь с избираемыми ими методами достижения преследуемых целей. Эти цели могли даже иметь светский, гражданский характер, к примеру, богатство или престиж. Хотя ученый видел задачу социологии религии в исследовании смыслов человеческой деятельности, он не отождествлял эти «смыслы» с религиозными понятиями, признавая в современном обществе первостепенность секулярности. В противоположность большинству социологов, М. Вебер не считал, что общие культурные ориентации человечества совпадают с определением «религиозные» [1].

Акцентируя своё внимание на определении религиозного мировоззрения, выделим несколько его обязательных, по нашему мнению, элементов. Итак, религия включает систему верований. Вера представляет собой индивидуальный феномен, который заключается в доверии человека к какому-либо объекту, событию или принципу как воплощению ценности жизни, источнику смысла. Вера помогает человеку упорядочить свою жизнедеятельность, понять и объяснить существующие явления. Также религия предполагает общность верований для некоего числа людей. Любая религия предлагает человеку идеалы и сопровождается обрядами и ритуалами (конкретными действиями). Религия включает обязательное ритуальное поведение, которое может состоять из молитв, песнопений, танцев, движений. Ритуальные действия тесно связаны с религиозными символами, которые определяют их смысл и сопутствуют им.

Ритуальное поведение, которое предполагает непосредственное участие верующего, осознается как участие в акте соприкосновения со священным, и выражает по отношению к нему соответствующий нуминозный эмоциональный отклик – почитание, благоговение, трепет, страх. Нуминозный отклик также является обязательным составляющим религиозного мировоззрения.

В современном мире религиозное мировоззрение современного человека имеет существенные отличия от мировоззрения человека других эпох. К примеру, на ранних этапах развития человечества религия была насыщена представлениями, зачастую оторванными от реальности, варварскими и жестокими по своему характеру, и находила свое выражение в мифах.

Как отмечал Альберт Швейцер, в мировых религиях запечатлены гигантские попытки прийти к этическому мировоззрению [4]. Монотеистические мировые религии проникнуты надеждой на то, что этическая сила восторжествует над естественной и поднимет мир и человечество к вершинам подлинного совершенства. Основатель зороастризма пророк Заратустра и ранние иудейские пророки представляли себе этот процесс как всемирную реформу. В христианстве нравственная сущность религиозного мировоззрения несколько подорвана тем, что Иисус ожидал прихода совершенного мира в результате катастрофы существующего. В то время как у Заратустры вмешательство бога являлось лишь завершением направленной на совершенствование мира деятельности людей, у Иисуса оно – единственное, что принимается во внимание. Иначе говоря, царство божье не подготавливалось культурной работой человечества. Однако со временем христианское мировоззрение перестало уповать лишь на конец света и рассматривало возможность наступления царства божьего в процессе естественного развития, преобразующего мир. В этом случае оптимистическая сторона христианского мировоззрения беспрепятственно взаимодействовала с этической.

Некоторые крупные философы не признавали за религиозным мировоззрением какой-либо существенной роли в развитии человека, тем более положительной. Так, немецкий мыслитель конца XIX века Фридрих Ницше в своей книге «Веселая наука» писал: «Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц!» [3]. Философ подразумевал не столько личностную смерть божества, сколько кризис всего человечества, утрату сверхчувственным миром идеи своей обязательности и силы в современном обществе. Однако данная мысль имела и теологическую основу – по мнению Ф. Ницше религия стала препятствием к дальнейшему развитию мира. Священнослужители проповедают ложные истины, обрекают людей на по-

жизненную зависимость от бессмысленных, устаревших религиозных обрядов, заменяют настоящие мыслительные способности стандартизированным интеллектом верующего, воцерковленного человека. Ф. Ницше также подчеркивал, что религия была плодотворной и необходимой на ранних стадиях развития общества, не имеющего представления о реальной сути событий и явлений, не имеющего понятия о науке и потому наделяющего фантастической силой некие мифические сущности. При современном же уровне развития науки и техники ложные объяснения не нужны. Человек стал достаточно сильным и умным, и даже вопрос конечности собственного существования может принять спокойно и не надеяться на мифическую загробную жизнь. Таким образом, в своеобразном, неакадемическом, однако весьма популярном научно-философском учении Ф. Ницше религиозное сознание не занимало настоящего места среди прочих форм духовной ориентации человека в мире.

В XX в., в условиях постмодернизма в социальной модели отношений «человек-религия» акцент перенесся на человеческий полюс, на множественность толкований Святого Писания и иных религиозных древних текстов. Человек, который, к примеру, читает Библию, сталкивается, в первую очередь, не с событиями, которые там излагаются, а с разными способами их истолкования, с историей этих толкований, которые осуществлялись в разных исторических и социальных условиях и с различными побуждениями. На первый план в системе философии вышла герменевтика, которая призвана выделять различные уровни религиозных текстов: чувственно-буквальный, отвлеченно-нравоучительный и идеально-мистический.

Выдающийся французский мыслитель-традиционалист Рене Генон утверждал, что современная цивилизация избрала сугубо материальный вектор развития, она единственная из всей мировой истории не опирается ни на какой принцип высшего порядка. Даже для большей части верующих идея религии в XX в. «стала идеей очень художочной; она не оказывает заметного влияния ни на их мышление, ни на их способ действия... и верующие, и неверующие ведут себя более или менее одинаково» [2].

Что бы сказал философ-религиовед сегодня? Современные нам верующие нередко совершают в своей повседневной жизни поступки, далекие от норм религиозной этики и морали, идя затем в церковь и ложно раскаяваясь о своем поведении, не меняясь в душе на самом деле. Религия оказывает несущественное влияние на жизнь современного человека даже в том случае, если он часто общается с духовными лицами или посещает храм. В меньшей степени это относится к исла-

му, однако здесь мы встречаем другую крайность – неверную трактовку многих исконных мусульманских истин, прежде всего, джихада. Истоки современного терроризма лежат в спекуляции религиозными учениями Магомета и его последователей, замене их на ложные и противостественные религии цели мирового господства.

По мнению Карла Юнга, основоположника аналитической психологии, именно из-за того, что человечество разучилось контролировать с помощью религии свою собственную психику, оно поплатилось войнами, революциями и другими социальными катаклизмами [5]. Юнг уделял огромное значение в своей клинической практике религиозному мировоззрению человека. Он считал, что общество утратило способность глубоко верить в Бога и потеряло, таким образом, путь к своему собственному душевному и духовному мироощущению. Человек разучился понимать и воспринимать символическую жизнь, а энергия, прежде направляемая в мирное религиозное русло, начала приобретать негативные формы и трансформировалась из созидательной в разрушительную. Ярким примером такой метаморфозы является употребление древнейшего, абсолютно мирного и позитивного знака «вращающегося» креста (свастики) в качестве главного символа гитлеровской Германии и современное отождествление свастики исключительно с фашизмом. На вопрос собственной веры в Бога, Юнг отвечал: «Я не верю в Бога. Я знаю» [5].

При объяснении феномена религии важно ответить на вопрос – какие факторы обуславливают возникновение, существование и развитие религиозного сознания. Выделим основные психологические детерминанты религии: страх смерти; чувство зависимости от божества (необходимость в ком-то или чем-то самом сильном, умном, надежном, совершенном); сублимация от подсознательных негативных побуждений человеческой психики; внутренняя духовная потребность человека в трансцендентном, необходимость вырваться за пределы физического ограниченного мира; потребность в интеграции, общении, защите. Также детерминанта собственной мировоззренческой активности имеет важное значение в процессе формирования религиозности личности.

Таким образом, на формирование религиозности влияет комплекс детерминант, которые, вступая во взаимодействие друг с другом, создают уникальную социокультурную систему.

Список литературы:

1. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий. Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм. – СПб.: Владимир Даль, 2017. – 446 с.
2. Генон Р. Кризис современного мира. – М.: Академический проект, 2019. – 265 с.
3. Ницше Ф. Весёлая наука. – М.: Азбука-Аттикус, 2023. – 341 с.
4. Швейцер А. Жизнь и мысли. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 672 с.
5. Юнг К.Г. Психологические типы. – Минск: «Харвест», 2017. – 528 с

РАЗДЕЛ 4.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

4.1. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

ВИДЫ НАКАЗАНИЙ ПО РОССИЙСКОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Баринова Кристина Николаевна

*магистрант 1 курса
факультета заочного обучения
по направлению подготовки 40.04.01 –
Юриспруденция, профиль подготовки –
уголовно-правовой, Санкт-Петербургский
университет МВД России,
РФ, г. Санкт-Петербург*

TYPES OF PUNISHMENT UNDER RUSSIAN CRIMINAL LAW OF THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY

Kristina Barinova

*1st year master's student of the
Faculty of correspondence studies
in the field of 40.04.01 training – Jurisprudence,
training profile – criminal law,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Russia, St. Petersburg*

Аннотация. В статье изложены результаты исследования исторического опыта правового регулирования уголовных наказаний по российскому законодательству второй половины XVIII века. Автор классифицирует применяемые в указанный период уголовные наказа-

ния, приходит к выводу о сословном характере системы наказаний. Вместе с тем, автор приходит к выводу о том, что в рассмотренный период ввиду проведения политики просвещенного абсолютизма в правовом регулировании института уголовной ответственности зарождаются первые предпосылки его гуманизации и либерализации.

Abstract. The article presents the results of a study of the historical experience of the legal regulation of criminal penalties under Russian law in the second half of the 18th century. The author classifies the criminal penalties applied during the specified period, comes to the conclusion about the class nature of the punishment system. At the same time, the author concludes that in the period under review, due to the policy of enlightened absolutism, the first prerequisites for its humanization and liberalization are emerging in the legal regulation of the institution of criminal liability.

Ключевые слова: уголовные наказания, каторга, шельмование, телесные наказания, позорящие наказания.

Keywords: criminal penalties, hard labor, defamation, corporal punishment, disgraceful punishments.

Состояние правового регулирования в целом и уголовно-правового регулирования, в частности, перманентно нуждаются в анализе и поиске путей своего совершенствования. Результаты исследований исторического национального опыта в области права являются неотъемлемым элементом улучшения актуального права, действующего на сегодняшний день. Ретроспективный опыт правового регулирования представляет собой пласт правовой культуры нации, которая, к сожалению, далеко не у всех россиян находится на достаточном уровне в наше время. Следовательно, очень важно продолжать изучать опыт уголовного законодательства, позволяющий понять генезис развития целей и системы уголовных наказаний, составов преступлений и иных институтов современного уголовного права.

Исследование опыта развития института уголовной ответственности в России второй половины XVIII века представляет исследовательский интерес с точки зрения понимания, в том числе, современной уголовной политики. Данный период истории Отечества – эпоха полностью оформившегося абсолютизма и сословного социального уклада. Указанные факторы прямо отражались на жесткости уголовной политики в Российской Империи, ключевой целью которой выступало устрашение. Институт уголовной ответственности носил ярко выраженный сословный характер, предоставляя сословные преимущества.

Наряду с этим ко второй половине XVIII века уголовное законодательство находилось в состоянии кризиса, назрели предпосылки к его систематизации. Уголовно-правовые нормы были разрознены по различным нормативно-правовым актам, основным из которых считается Уложение 1649 года. Данный документ был принят еще за век до рассматриваемого исторического периода.

Прежде всего, согласно Уложению 1649 года в научной литературе можно встретить классификацию уголовных наказаний, представленную двумя категориями:

- наказания, направленные против свободы, жизни, здоровья лица – личные наказания;
- имущественные наказания [2, с. 348].

К первой группе необходимо отнести: изгнание, ссылку, бесчестящие наказания, отрешение от должности, членовредительские наказания, болезненные наказания, смертная казнь. Изгнание преступника из земли по месту жительства, также включающее в себя запрет на посещение определенных мест, территории, ограничение на выезд за пределы муниципального образования [4, с. 23].

Впервые получили свое закрепление бесчестящие наказания, к числу которых относятся:

- выговор в присутствии понятых;
- выдача головой;
- лишение званий или понижение в чине.

К группе имущественных наказаний относились: штраф, пеня, конфискация. Штрафы являются средством для искупления вины, такие убытки истца возмещались из имущества преступника. Пеня применяется к преступлениям против порядка государственного управления. Уложением закреплен порядок конфискации, согласно которому конфискации подвергалось движимое и недвижимое имущество. Такое имущество поступало в государственную казну.

В качестве отдельного вида уголовных наказаний, применяемых по законодательству второй половины XVIII века, следует выделить порицания, связанные с ограничением осужденного в правах. В качестве примера такого уголовного наказания следует назвать лишение чести. В случае оскорбления (обиды) чиновника, находящегося при исполнении служебных обязанностей, прошение прощения обставлялось торжественно – в присутствии свидетелей по выбору потерпевшего. Обычно подобное действие сопровождалось взысканием денежного вознаграждения с обидчика в пользу обиженного. Таким образом, это было смешанное наказание, включающее в себя моральный и имущественный аспекты.

В XVIII веке позорящие наказания дополнялись рядом новых, заимствованных из западноевропейского уголовного законодательства. Воинские артикулы Петра I включали нанесение палачом удара по щеке, прибитие имени к виселице, раздевание женщин донага и тому подобные. Некоторые из позорящих наказаний влекли практически полное поражение прав. Так называемое «шельмование» определялось в Воинских артикулах как «тяжелое чести нарушение, которого имя на виселице прибито, или шпага его от палача переломлена, и воров (шельм) объявлен будет». Последствия такого наказания были крайне суровыми. «Надлежит знать всем, как с тем поступать, кто чести лишен, шельмован, то есть из числа добрых людей и верных извергнут:

ни в какое дело ниже свидетельство не принимать;

кто такого ограбит, побьет или ранит, или у него отымет, у оного челобития не принимать и суда ему не давать, разве до смерти кто его убьет, то яко убийца судитися будет;

в компании не допускать, и единым словом, такой весьма лишен общества добрых людей;

а кто сие преступит, сам может наказан быть» [1, с. 79].

Шельмование полностью лишало подданных гражданских прав, лишая возможность вступать не только в правовые, но и, фактически, любые социальные отношения. Человек оказывался вне социума. Такое наказание, хотя и оставляет право на жизнь, представляется крайне суровым с морально-нравственной точки зрения. Сегодня аналоги подобных социальных наказаний можно встретить, пожалуй, лишь в криминальной и деструктивной подростковой идеологии. Во второй половине XVIII века шельмование было одной из суровых реалий правовой действительности.

Уголовное наказание в виде лишения свободы в институте уголовной ответственности второй половины XVIII века можно классифицировать на такие виды, как ссылка, каторга, заключение в тюрьму. Данные виды наказаний по интенсивности применения значительно уступали телесным наказаниям и смертной казни.

Каторжные работы по общему правилу назначались за особо тяжкие, с точки зрения государства, противоправные деяния. Основным местом отбывания каторги на исходе правления Петра I и в постпетровское время являлся Рогервик, в котором по указанию Петра I началось строительство нового порта. Затем им стал Нерчинск. Поток ссыльных на каторгу был внушительным (уже в течение двух первых лет существования каторги на нее было сослано свыше 600 человек) [3, с. 340].

Подводя итог рассмотрению видов уголовных наказаний по законодательству второй половины XVIII века, отметим следующее. Уго-

ловные наказания в указанный период исторического развития России можно классифицировать на три вида:

- уголовные наказания физического характера, представляющие собой вред жизни и здоровью;
- уголовные наказания имущественного характера;
- уголовные наказания статусного характера, предполагающие ограничение осужденных в правах.

В свою очередь, среди уголовных наказаний физического характера можно выделить:

- наказания, связанные с лишением свободы (каторга, ссылка, заключение в тюрьму, заключение «в железо»);
- наказания телесного характера, спектр разновидностей которых был очень обширным.

Большое разнообразие уголовных наказаний, прежде всего, физического характера было обусловлено, в первую очередь, ключевой целью уголовной политики абсолютной власти – устрашением подданных перед Верховной властью. Кроме того, нередко различные виды наказаний применялись в совокупности в качестве основных и дополнительных. Причем дополнительные наказания могли носить еще более суровый характер, чем основные (например, к шельмованию в дополнение могла быть применена каторга или даже смертная казнь). Вместе с тем в данный период ввиду проведения политики просвещенного абсолютизма в правовом регулировании института уголовной ответственности зарождаются первые предпосылки его гуманизации и либерализации.

Список литературы:

1. Кушнарев, А.С. «Артикул Воинский с кратким толкованием» как источник права / А.С. Кушнарев // Трансформация ПРАВА В информационном обществе : Материалы III Всероссийского научно-практического форума молодых учёных и студентов, Екатеринбург, 26 ноября 2020 года. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет", 2020. – С. 77-84.
2. Луппова, М.А. К вопросу о системе наказаний и практика ее применения по Соборному Уложению 1649 года / М.А. Луппова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 20 (362). – С. 346-349.
3. Приказ воинского морского флота 1698–1712 г. // РГАВМФ.Ф. 177. Д. 22. Л. 330–350.
4. Сидоркин А.И. Наказания, связанные с лишением и ограничением свободы в русском уголовном законодательстве IX–XVII вв.: проблемы правового регулирования, систематизации и применения. – Казань, 2012. – 51 с.

РОЛЬ АНТИМОНОПОЛЬНЫХ ОРГАНОВ В БОРЬБЕ С НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИЕЙ

Смирнов Алексей Владимирович

студент,

*Сибирский Институт Управления филиал
Российской Академии Народного Хозяйства
и Государственной Службы
при Президенте Российской Федерации,
РФ, г. Новосибирск*

Сигарев Андрей Васильевич

канд. юрид. наук, доц.,

*Сибирский Институт Управления филиал
Российской Академии Народного Хозяйства
и Государственной Службы
при Президенте Российской Федерации,
РФ, г. Новосибирск*

THE ROLE OF ANTIMONOPOLY AUTHORITIES IN THE FIGHT AGAINST UNFAIR COMPETITION

Alexey Smirnov

Student,

*Siberian Institute of Management branch
of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under
the President of the Russian Federation,
Russia, Novosibirsk*

Andrey Sigarev

Candidate of Law, associate Professor,

*Siberian Institute of Management,
Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Admin-
istration under the President of the Russian Federation,
Russia, Novosibirsk*

Аннотация. В данной статье рассматривается роль антимонопольных органов в борьбе с недобросовестной конкуренцией. В ходе статьи изучаются определение понятия «недобросовестная конкуренция», ее основные виды и ответственность за данное правонарушение.

Анализируются задачи и функции Федеральной антимонопольной службы и ее роль в борьбе с недобросовестной конкуренцией.

Abstract. This article examines the role of antimonopoly authorities in the fight against unfair competition. The article examines the definition of "unfair competition", its main types and responsibility for this offense. The tasks and functions of the Federal Antimonopoly Service and its role in the fight against unfair competition are analyzed.

Ключевые слова: антимонопольное регулирование, недобросовестная конкуренция, Федеральная антимонопольная служба, правовое регулирование.

Keywords: antimonopoly regulation, unfair competition, Federal Antimonopoly Service, legal regulation.

В настоящее время антимонопольное регулирование играет ключевую роль в обеспечении справедливой конкуренции, предотвращая злоупотребление доминирующим положением предприятий, недобросовестные действия которых могут привести к необоснованному повышению цен, заключению невыгодных сделок, ухудшению качества предоставляемых товаров, работ и услуг, что в свою очередь негативно сказывается на экономическом росте. Так, можно сделать вывод о том, что антимонопольное законодательство направлено на защиту интересов субъектов рыночных отношений, создавая условия для развития малых и средних предприятий, а также экономического роста.

Главным органом, который осуществляет контроль за соблюдением антимонопольного законодательства, является Федеральная антимонопольная служба (далее ФАС). Целями ФАС являются предотвращение и пресечение действий, которые ограничивают конкуренцию со стороны хозяйствующих субъектов, субъектов естественных монополий, а также государственных органов [6].

Согласно Федеральному закону от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее ФЗ № 135) ФАС выполняет следующие функции:

1. Осуществляет государственный контроль за соблюдением законодательства в области конкуренции органами всех уровней власти;
2. Выявляет нарушения антимонопольного законодательства, принимает меры по их устранению и привлекает к ответственности за совершение правонарушения;
3. Пресекает монополистическую деятельность, недобросовестную конкуренцию и другие нарушения в области антимонопольного законодательства;

4. Осуществляет контроль за экономической концентрацией на уровне государства [2].

Одним из приоритетных направлений ФАС является борьба с недобросовестной конкуренцией, которая, по мнению А.А. Бачаева, Р.Т. Горгиева, является «конкурентной борьбой, противоречащей честным обычаям, а также входит в противоречие с законодательством и этикой в процессе экономической деятельности» [3, с. 20].

Стоит отметить, что Р.Ч. Псеуш в своей работе указывает на факт заимствования в российском законодательстве понятия «недобросовестная конкуренция» из Парижской конвенции по охране промышленной собственности. «Определение недобросовестной конкуренции в данной Конвенции устанавливает всякий акт конкуренции, противоречащий частным обычаям в промышленных и торговых делах» [5, с. 513].

Всё же на законодательном уровне данное понятие закреплено в ФЗ № 135 и всеобъемлюще раскрывает его сущность. Так, согласно статье 4 указанного нормативно-правового акта, «недобросовестная конкуренция – это любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации» [2].

Исходя из данного определения, можно выделить некоторые признаки, которые позволят отнести конкуренцию к недобросовестной. Во-первых, в отличие от монополистической деятельности, недобросовестная конкуренция усматривается с точки зрения действия. Во-вторых, важным признаком является факт ведения субъектами своей деятельности в одной отрасли и нахождения в конкурентном положении между собой. В-третьих, квалифицирующим признаком является противоречие субъекта хозяйственной деятельности не только антимонопольному законодательству, но и этическим нормам ведения предпринимательской деятельности. В-четвёртых, недобросовестная конкуренция влечет за собой причинение убытков или нанесение вреда деловой репутации конкурента в результате правонарушения [4, с. 56].

В законодательстве закреплены такие виды недобросовестной конкуренции, как дискредитация, введение в заблуждение, некорректное сравнение, использование результатов интеллектуальной деятельности, смешение и другие. Ответственность за недобросовестную конкуренцию предусмотрена статьей 14.33 Кодекса Российской

Федерации об административных правонарушениях, согласно которой недобросовестная конкуренция, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, влечет наложение административного штрафа [1].

Федеральная антимонопольная служба играет важную роль в борьбе с недобросовестной конкуренцией. Так, ее функции и задачи в этой области включают следующее:

1. Осуществляет контроль за соблюдением антимонопольного законодательства всеми субъектами, запрашивает у них необходимые документы и информацию, объяснения в установленной форме, а также обращается в оперативно-розыскные органы с просьбой о проведении соответствующих мероприятий;

2. Направляет предупреждения о недопустимости нарушений антимонопольного законодательства;

3. Выдаёт уведомления о необходимости прекращения действий, которые могут быть квалифицированы, как недобросовестная конкуренция;

4. Иницирует и рассматривает дела о нарушениях антимонопольного законодательства, а также выдает обязательные предписания;

5. Привлекает к ответственности коммерческие и некоммерческие организации, их должностных лиц, должностных лиц государственных органов всех уровней, а также государственных внебюджетных фондов, физических лиц, индивидуальных предпринимателей.

Снижение количества правонарушений в области недобросовестной конкуренции непосредственно связано с эффективностью и результативностью деятельности ФАС. Эффективные меры, такие как регулярный контроль, выявление и пресечение действий, противоречащих антимонопольному законодательству, способствуют формированию здоровой конкурентной среды.

На основе статистики можно сделать вывод о том, что эффективность деятельности ФАС, в первую очередь, выражается в количественных показателях таких, как число поступивших заявлений о фактах недобросовестной конкуренции, количество возбужденных дел, доля устраненных до возбуждения дел фактов правонарушения и другие.

Так, по данным, которые были опубликованы на официальном сайте ФАС, в 2022 году число поступивших заявлений о фактах недобросовестной конкуренции снизилось на 10,5 % по сравнению с предыдущим годом. При этом продолжает сохраняться на высоком уровне доля устраненных до возбуждения дела фактов нарушения, включая исполнение выданных предупреждений. Из 492 предупре-

ждений, выданных по признакам недобросовестной конкуренции, выполнено 381, и только по 69 фактам возбуждены дела (см. рис. 1).

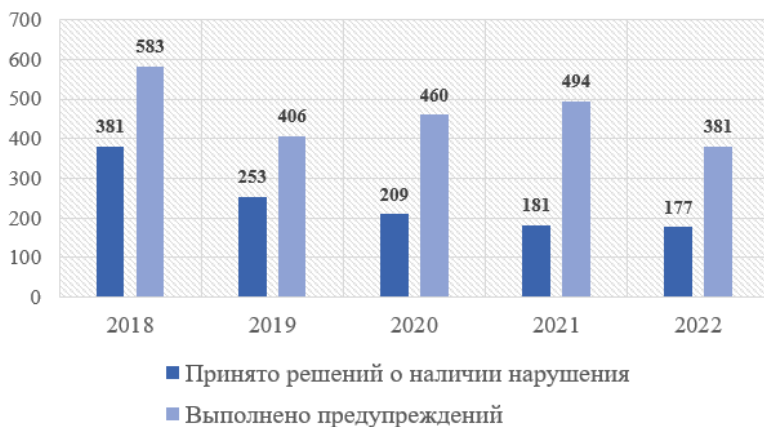

Рисунок 1. Статистика пресечения недобросовестной конкуренции

В 2022 году по фактам недобросовестной конкуренции было выдано 231 постановление о наложении административных штрафов на общую сумму 67 183 520 рублей [6].

Стоит отметить, что по мнению международного независимого издания *Global Competition Review*, которое ежегодно оценивает деятельность ведущих конкурентных ведомств мира, ФАС значительно повысило эффективность своей деятельности и смогла достичь лидирующих позиций в этом рейтинге.

В заключение хотелось бы отметить, что недобросовестная конкуренция представляет собой серьезную угрозу для развития честной предпринимательской деятельности, поэтому пресечение правонарушений в этой области является необходимым условием для экономического роста в целом. Реализация мер, предпринимаемых Федеральной антимонопольной службой, способствуют защите добросовестных предпринимателей и поддержанию здоровой конкурентной среды. За последние годы под контролем ФАС наблюдается снижение правонарушений, что говорит об эффективности применяемых методов предотвращения и пресечения недобросовестной конкуренции. Необходимо иметь в виду, что на данный момент в условиях цифровизации роль антимонопольных органов становится еще более значимой, при этом они должны гибко реагировать на новые угрозы и совершенствовать правовые механизмы в этой области.

Список литературы:

1. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. – 2001 г. – № 256 – с изм. и доп., вступ. в силу с 04.12.2024;
2. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета. – 2006 г. – № 162 – ред. от 08.08.2024;
3. Бексултанова А.И., Бачаев А.А., Горгиев Р.Т. Недобросовестная конкуренция: понятие, основные признаки и виды // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 67-4. – С. 19-21;
4. Васильева М.К. Недобросовестная конкуренция: понятие и формы. Банкротство как одна из форм недобросовестной конкуренции // Достижения науки и образования – 2016. – № 12. – С. 56-62;
5. Псеуш Р.Ч. Запрет на недобросовестную конкуренцию путем введения в заблуждение как одна из форм недобросовестной конкуренции // Аллея науки. – 2020. – № 5(44). – С. 512-515;
6. Федеральная антимонопольная служба // Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <https://fas.gov.ru/>.

4.2. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ПРОВЕРКА ДОСТОВЕРНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

Никонорова Елена Сергеевна

*аспирант,
Российской государственной академии
интеллектуальной собственности,
РФ, г. Москва*

VERIFICATION OF THE RELIABILITY OF EVIDENCE IN THE CONSIDERATION OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) CASES

Elena Nikonorova

*Postgraduate student
of the Russian State Academy
intellectual property,
Russia, Moscow*

Аннотация. В статье исследуются проверки достоверности документов при рассмотрении арбитражным судом дел о несостоятельности (банкротстве). Самым эффективным способом проверки доказательств в делах о несостоятельности (банкротстве) на достоверность изложенной информации является судебная экспертиза. В действующем процессуальном законодательстве существует необходимость правового определения статуса заявления о недостоверности доказательств в ходе арбитражного процесса.

Abstract. The article examines the verification of the authenticity of documents during the consideration of insolvency (bankruptcy) cases by the arbitration court. The most effective way to verify evidence in insolvency (bankruptcy) cases for reliability is a forensic examination. In the current procedural legislation, there is a need to legally determine the status of a statement about the unreliability of evidence in the arbitration process.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), доказательства, достоверность, фальсификация.

Keywords: insolvency (bankruptcy), evidence, reliability, falsification.

При рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве) арбитражные суды с повышенным подозрением относятся к доказательствам, которые предъявляются в судебном разбирательстве. Арбитражный суд в деле о банкротстве оценивает как относимость, так достоверность и допустимость каждого доказательства в отдельности, внимание уделяется также их достаточности и взаимной связи всех доказательств в совокупности. То есть, аргументы должны отвечать такому признаку как достоверность. Достоверные сведения – это сведения, которые не вызывают никаких сомнений, то есть бесспорные знания. Доказательство признается арбитражным судом достоверным, если в результате проверки и исследования выясняется, что содержащиеся в нем сведения соответствуют действительности. Законный, обоснованный, а также мотивированный судебный акт обеспечивает защиту законных прав и интересов участников процедуры банкротства.

Один из самых известных теоретиков исследования доказательств Треушников Михаил Константинович в своей монографии отмечал, что, если сведения, имеющие отношение к делу, были получены в предусмотренном законом порядке, но с нарушением существующей нормы их вовлечения в сам процесс исследования и оценки, ими нельзя обосновывать судебное решение как доказательствами [1, с. 93].

Какие четыре проверки достоверности документов можно выделить при рассмотрении арбитражным судом дел о несостоятельности (банкротстве).

Зрительная, внешняя и формальная оценка арбитражным судом доказательства

Например, достоверность письменных доказательств в виде заверенных копий проверяется судом путем сличения их с оригиналами документов, а также проверки и исследования соответствия содержащихся в них сведений действительности.

Копии документов, представленные в материалы дела о банкротстве, арбитражный суд проверяет на соответствии оригинальному документу. Исходя из ключевого принципа непосредственного исследования доказательства, суд может обязать стороны спора представить подлинники документов для обозрения в судебном заседании.

Тождественностью можно проверить любые документы и установить факт недостоверности копий.

Кроме того, по мнению многих практикующих юристов, наибольшую гарантию дает именно нотариальное удостоверение копии документа.

При рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве) суды могут ошибочно принять копию документа в качестве доказательства, заверенную самим заявителем.

Так, в ходе рассмотрения иска общества к банку о незаконном списании средств, заявитель отрицал факт заключения им каких-либо договоров с указанным банком юридическим лицом. Подлинник договора лизинга в арбитражный суд не представлялся и сведения об обозрении его судом в деле отсутствуют.

Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации пришел к выводу о том, что суды необоснованно признали направленную получателем средств по почте и заверенную этим заинтересованным лицом светокопию документа надлежащим доказательством [2].

Внешние подчистки, то есть механическое удаление знаков текста или иных реквизитов документа для изменения его первоначально содержания, могут быть замечены сторонами спора или арбитражным судом при исследовании доказательств в деле о банкротстве.

При исследовании соответствия содержащихся в доказательствах сведений действительности, суд может выявить несоответствие дат или последовательность событий, указанных в документах.

Например, арбитражный управляющий, оспаривая момент заключения соглашения (представленное в дело в виде копии) привел доводы о том, что в соглашении указаны паспортные данные должника, который был выдан позже даты заключения соглашения.

Такая невнимательность при подделке документов участников недействительной сделки влечет отказ суда в приобщении данного доказательства и оценки его судом, поскольку оно не отвечает признаку достоверности.

Отсутствие заявления о фальсификации в порядке статьи 161 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) не препятствует арбитражному суду в деле о банкротстве оценить достоверность доказательства в порядке пункта 3 статьи 71 АПК РФ [3].

Нередко в дело о банкротстве представляются документы, которые содержат взаимоисключающие сведения относительно наличия у ответчика спорного имущества.

Так, при рассмотрении дела, суд не указал мотивы принятия представленного заявителем доказательства и отказа в принятии дока-

зательства, представленного должником; результаты проверки и исследования, на основании которых представленное заявителем доказательство было признано достоверным, а содержащиеся в нем сведения соответствующими действительности [4].

Заявление в дело о банкротстве о недостоверности доказательства и проверка недостоверности

В рамках арбитражного процесса по делу о банкротстве может быть подано как заявление о фальсификации, так и представлено обращение о недостоверности доказательств. Между тем статус последнего процессуальным законодательством никак не определен.

В делах о несостоятельности (банкротстве) арбитражный управляющий может указывать суду на недостоверность представленных сторонами доказательств, например, при оспаривании сделок и применения последствий недействительности сделок. Достоверность письменных доказательств в виде заверенных копий проверяется судом путем сличения их с оригиналами документов, а также проверки и исследования соответствия содержащихся в них сведений действительности.

Так в деле о банкротстве конкурсный управляющий, отрицая факт получения денежных средств должником по приходным кассовым ордерам (которые представлены только в виде копий), приводил доводы о том, что ни один из них не подписан директором должника и лицом, осуществлявшим полномочия бухгалтера должника, а сведений о том, кем являются лица, подписавшие приходные кассовые ордера, не имеется; отпечаток печати на приходных кассовых ордерах не соответствует отпечатку печати переданной бывшим руководителем должника.

Подлинники приходных кассовых ордеров в суд не представлены и сведения об обозрении их судом в деле отсутствуют.

Следовательно, суд преждевременно признал заверенные самим ответчиком копии документов надлежащими доказательствами, и неправильно применили нормы процессуального права о доказательствах [5].

Достоверность доказательств может быть проверена путем их оценки в совокупности с иными доказательствами в порядке, предусмотренном статьей 71 АПК РФ.

Данные заявления рассматриваются в порядке статьи 60 Закона о банкротстве, текст которой был существенно изменен по инициативе Верховного Суда Российской Федерации [6].

Заявление о фальсификации доказательств

Заявление о фальсификации доказательства может быть подано только в письменной форме. В нем должно быть указано, какие конкретно доказательства являются фальсифицированными и в чем выражается фальсификация.

Согласно пункту 39 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46 от 23.12.2021 г. в силу части 1 статьи 161 АПК РФ в случае обращения лица, участвующего в деле, с письменным заявлением о фальсификации доказательства, представленного другим лицом, участвующим в деле, суд разъясняет уголовно-правовые последствия данного заявления, исключает оспариваемое доказательство с согласия лица, его представившего, из числа доказательств по делу и, если лицо, представившее доказательство, заявило возражения относительно его исключения из числа доказательств по делу, проверяет обоснованность заявления о фальсификации доказательства (в том числе назначает экспертизу, истребует другие доказательства или принимает иные меры). При этом способ проведения проверки достоверности заявления о фальсификации определяется судом [7].

В порядке статьи 161 АПК РФ подлежат рассмотрению заявления, мотивированные наличием признаков подложности доказательств, то есть совершением действий, заключающихся в подделке формы доказательства: изготовление документа специально для представления его в суд (например, несоответствие времени изготовления документа указанным в нем датам) либо внесение в уже существующий документ исправлений или дополнений (например, подделка подписей в документе, внесение в него дополнительного текста) [3].

В силу части 3 статьи 71 АПК РФ не подлежат рассмотрению по правилам указанной статьи заявления, касающиеся недостоверности доказательств (например, о несоответствии действительности фактов, изложенных в документе) [3].

Исходя из положений части 1 статьи 64, части 2 статьи 65, статьи 67 АПК РФ не подлежит рассмотрению заявление о фальсификации, которое касается доказательств, не имеющих отношения к рассматриваемому делу, а также если оно подано в отношении документа, подложность которого, по мнению суда, не повлияет на исход дела в связи с наличием в материалах дела иных доказательств, позволяющих установить фактические обстоятельства [3].

Например, в рассматриваемом нами случае, поскольку к оспариваемому договору займа ответчиком в качестве доказательства в материалы дела не представлялось дополнительное соглашение, судебны-

ми инстанциями обоснованно отклонено заявления о фальсификации доказательств [8].

Фактически указанная проверка заявления о фальсификации доказательства сводится к оценке оспариваемых доводов до принятия окончательного судебного акта по арбитражному делу. Заявление о фальсификации может проверяться не только с помощью экспертного исследования документа, но и путем правовой оценки совокупности всех имеющихся в материалах арбитражного дела доказательств.

Так в деле о банкротстве, оценивая заявление временного управляющего, арбитражный суд установил, что фактически временный управляющий указывал не на фальсификацию доказательств. По мнению арбитражного суда, представленные управляющим акты приемки выполненных работ имеют несоответствия с договором и не являются надлежащими доказательствами факта выполнения работ обществом, а также объем работ не соответствовал указанным в договоре суммам, то есть временный управляющий ссылался на недостоверность указанных в них сведений [9].

В другом деле о несостоятельности (банкротстве) конкурсный управляющий оспаривал сделку. В обоснование своих возражений контрагент по сделке представил в материалы судебного дела дефектную ведомость, подписанную директором должника. Указанная ведомость свидетельствует о том, что спорный насос был передан с дефектами, а именно разукomплектованный, поэтому отчет независимого оценщика о стоимости насоса, представленный арбитражным управляющим, был основан на недостоверной информации. Участник сделки тоже представил свои доказательства, а именно заключение экспертов, результаты проведенной почерковедческой экспертизы в подтверждение своей правовой позиции.

Конкурсный управляющий в судебном заседании заявил ходатайство о фальсификации доказательств и просил исключить спорную дефектную ведомость из числа доказательств по делу о банкротстве.

Арбитражный суд, рассматривая заявление управляющего, исключил из числа доказательств дефектную ведомость, заключения экспертов, иные документы, которые представил ответчик.

Суд первой инстанции сослался на свидетельские показания генерального директора должника о том, что он не подписывал дефектную ведомость, а также на то, что ответчик по делу уклонился от дачи расписки об ответственности за фальсификацию доказательств.

Однако такая проверка осуществляется в соответствии с действующим законодательством.

Согласно части 1 статьи 161 АПК РФ, если лицо, участвующее в арбитражном деле, обратится в суд с заявлением в письменной форме о фальсификации доказательства, представленного другим лицом, участвующим в деле, суд:

1) должен разъяснить уголовно-правовые последствия такого обращения;

2) при наличии согласия лица, который представил доказательство, суд исключает его из числа доказательств;

3) проверяет обоснованность обращения о фальсификации доказательства, если лицо, представившее такое доказательство, заявило возражения относительно его исключения из числа совокупности доказательств по судебному делу [3].

В этом случае арбитражный суд принимает определенные действия для проверки достоверности оспариваемых доказательств, в том числе назначает судебную экспертизу. Суд может истребовать другие доказательства по делу, а также принять иные меры.

Заявление о фальсификации доказательств должно быть подано в письменной форме.

В указанном деле об оспаривании сделки отсутствовало письменное заявление о фальсификации доказательств. В дело было заявлено ходатайство о проведении судебной экспертизы, которое не идентично заявлению о фальсификации доказательств.

При пересмотре дела в кассационной инстанции, суд пришел к выводу, что оснований для исключения оспариваемых доказательств, представленных ответчиком, из числа доказательств у суда первой инстанции не было. Данные доказательства могут быть исключены только с согласия лица, который их представил, но ответчик в арбитражном деле такое согласие не давал.

Более того, исключая оспариваемые доказательства из числа доказательств по делу, арбитражный суд первой инстанции также указал на то, что представитель заявителя не явился в судебное заседание для подписания расписки об ответственности за фальсификацию доказательств.

Однако в действующем законодательстве отсутствует норма, обязывающая участников спора давать арбитражному суду такие расписки, подтверждающие подлинность представленных доказательств, как отсутствует в АПК РФ и норма, устанавливающая санкцию (наказание, судебный штраф) за отказ в подписании такой расписки [10].

В арбитражном процессуальном законодательстве закреплены правила, устанавливающие порядок рассмотрения заявления о фальсификации доказательства. Данное заявление может побудить лицо,

представившее фальшивое доказательство, исключить его из числа доказательств по арбитражному делу. Эти процессуальные правила представляют собой механизм проверки подлинности формы доказательства, а не его достоверности.

В апелляционной инстанции существует запрет заявлять о фальсификации доказательств, так как доказательство уже подверглось оценке в судебном акте арбитражного суда первой инстанции, и, соответственно, суд апелляционной инстанции не наделен полномочиями исключать доказательство из материалов дела.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает, что лицо, участвующее в деле, вправе обратиться с заявлением о фальсификации доказательства, представленного в арбитражный суд первой инстанции другим лицом, участвующим в деле, только в суде первой инстанции. В арбитражный суд апелляционной инстанции обращение о фальсификации доказательств, представленных ранее в суд первой инстанции, может быть заявлено только в случае, если заявитель докажет, что ранее он не мог подать такое заявление [3].

Проверка доказательств путем проведения экспертизы

Для проверки достоверности заявления о фальсификации доказательств арбитражный суд может назначить судебную экспертизу, в том числе судебно-техническую экспертизу давности изготовления документов.

Судебная экспертиза – это процессуальное действие, которое состоит из проведения исследований и дачи заключения экспертом по заданным вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла. Исследования подобного рода поставлены перед экспертом судом или судьей в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по определенному делу (статья 9 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации») [11].

Оснований не доверять экспертному заключению, как правило, не имеется, так как оно изготовлено на основании судебного акта о назначении экспертизы. При этом эксперт предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Эксперт является компетентным лицом и на основе специальных познаний дает ответы на поставленные перед ним вопросы. Вопросы перед ним ставят стороны судебного процесса, как сторона истца (заявителя), так и сторона ответчика. Заключение эксперта должно быть полным и мотивированным, не должно содержать неточности и неясности в ответах

на поставленные вопросы. Выводы эксперта являются однозначными, не носят вероятностного характера.

Исследовательская часть заключения должна содержать подробное описание конкретного объекта, порядок проведения исследовательской работы, методы и способы, которые использовал эксперт и результаты, которые позволили сформулировать соответствующие выводы.

При рассмотрении судебного дела могут быть установлены факты, которые свидетельствуют о нарушении экспертом при проведении экспертного исследования требований действующего законодательства. Например, заключение эксперта может содержать недостоверные выводы или выбранные экспертом способы и методы оценки привели к неправильным выводам. Экспертиза признается достоверным доказательством, если отсутствуют надлежащие аргументы, наличие которых могло бы свидетельствовать о неверно избранной экспертом методике исследования или о неправильном проведении анализа.

Так, арбитражный суд критически оценил заключение судебной экспертизы, не приняв его в качестве бесспорного доказательства фальсификации подписей и печатей в спорных документах, поскольку из заключения эксперта следует, что подпись от имени цессионария и печать поставлены не ранее 20.08.2015. Между тем, из материалов настоящего дела следует, что спорный договор был направлен конкурсному управляющему 18.03.2015, следовательно, после этой даты проставление подписи и печати от имени должника не представляется возможным [12].

При банкротстве граждан в судебной практике тоже возникает необходимость проверить подлинность представляемых доказательств, в том числе провести проверку их достоверности в ходе судебной экспертизы.

Согласно правовой позиции, изложенной в определении Верховного Суда Российской Федерации в силу особенностей обращения наличных денежных средств достоверная верификация факта совершения операции по оплате по договору довольно затруднительна, что влечет за собой возникновение у недобросовестных лиц желания сфальсифицировать соответствующие документы [13].

По этой причине судебной практикой по делам о несостоятельности (банкротстве) выработаны важные критерии, позволяющие устранить какие-либо сомнения в факте совершения платежа (в частности, пункт 26 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве») [14].

В этих целях судом может быть выяснено финансовое состояние плательщика (позволяло ли оно передать должнику сумму в заявлен-

ном размере), проведена судебная экспертиза проверки подлинности и давности подтверждающего платеж документа и т.д. Суд вправе включить в предмет доказывания любые известные сведения, которые позволят пролить свет на спорные обстоятельства, устранить имеющиеся у суда убедительные сомнения в реальности такой операции и принять обоснованное решение.

Согласно закону, экспертиза является лишь одним из доказательств по судебному делу и не имеет для суда заранее установленной силы (ст. 71 АПК, ст. 187 ГПК) [3; 15].

Следовательно, как и любое другое доказательство, экспертное заключение должно соответствовать требованиям относимости, допустимости и достоверности. Только в данном случае оно может быть положено в основу решения, и, наоборот: при наличии выявленных судом неустранимых сомнений в достоверности заключения эксперта, такое доказательство может быть отклонено при вынесении решения по делу. Таким образом, и результаты экспертизы не являются бесспорными.

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы.

Самым эффективным способом проверки доказательств в делах о несостоятельности (банкротстве) на достоверность является судебная экспертиза.

Исключение любых сомнительных доказательств в делах о банкротстве является последствием подачи участниками арбитражного процесса заявления о фальсификации доказательств или заявления о недостоверности представленных доказательств.

В действующем процессуальном законодательстве существует необходимость правового определения статуса заявления о недостоверности доказательств в арбитражном процессе.

Разграничить заявление о фальсификации доказательств от заявления о недостоверности их можно как на основании процессуальных, так и смысловых отличий.

Процессуальное отличие заключается в том, что рассмотрение заявления о фальсификации может не ограничиваться рамками арбитражного процесса, оно может являться поводом к возбуждению уголовного дела.

Смысловое отличие заключается в том, что фальсификация доказательств – это сознательное искажение представляемых доказательств путем их подделки, подчистки, внесения исправлений, искажающих действительный смысл, то есть интеллектуальный подлог.

Недостоверность доказательств, включает в себя не только их проверку на предмет фальсификации, но характеризуется и отсутствием умысла у заявителя в форме его неосознанного заблуждения.

Список литературы:

1. Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2004. – 302 с.
2. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 19 июля 2011 г. № 1930/11// СПС «КонсультантПлюс».
3. Российская Федерация. Законы. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 8 августа 2024 // Российская газета. – 2002. – № 137.
4. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 13.04.2017 № Ф06-19375/2017 по делу № А65-24117/2015// СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.12.2017 № Ф06-21743/2017 по делу № А65-4689/2016// СПС «КонсультантПлюс».
6. Российская Федерация. Законы. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон № 127-ФЗ от 26.10.2002: принят Государственной Думой 27 сентября 2002 г. // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – ст. 4190
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 06.12.2022 № Ф06-69543/2020 по делу № А65-4255/2020// СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14.04.2021 № Ф09-1655/21 по делу № А60-57117/2019// СПС «КонсультантПлюс».
10. Российская Федерация. Законы. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон № 73-ФЗ от 31.05.2001: принят Государственной Думой 5 апреля 2001 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 23. – ст. 2291
11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.08.2014 № Ф05-7136/2014 по делу № А40-1628/2012// СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 01.11.2016 № Ф06-2477/2015 по делу № А12-14277/2014// СПС «КонсультантПлюс».
13. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 09 ноября 2021 года № 305-ЭС21-9462(1,2) по делу № А40-267855/2018// СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»// СПС «КонсультантПлюс».
15. Российская Федерация. Законы. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 26 октября 2024 // Российская газета. – 2002. – № 220.

4.3. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

НЕЮРИСДИКЦИОННЫЕ ФОРМЫ И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА

Заусов Кирилл Алексеевич

*аспирант,
кафедра гражданского права
и гражданского процесса,
Московский университет
имени А.С Грибоедова.,
РФ, г. Москва*

NON-JURISDICTIONAL FORMS AND METHODS OF PROTECTION OF A RIGHT

Kirill Zausov

*Postgraduate student,
Department of Civil Law and Civil Procedure,
A.S. Griboyedov Moscow University,
Russia, Moscow*

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы защиты прав в частноправовых отношениях, формы и способы защиты права. Уделяется достаточно внимания защите гражданских прав их формам, а также неюрисдикционной разновидности протекции частных прав. Изучена самозащита нарушенного права. Определены меры оперативного воздействия, как способа защиты права.

Abstract. This article examines the issues of protecting rights in private law relations, forms and methods of protection rights. Sufficient attention is paid to the protection of civil rights in their forms, as well as non-jurisdictional protection of European rights. Self-defense of violated rights is studied. Measures of operational influence are defined, such as going out to protect rights.

Ключевые слова: частное право, защита прав законных интересов, способы защиты права, формы защиты права.

Keywords: private law, protection of rights of legitimate interests, ways of protection of the right, forms of protection of the right.

Появление новых, разнообразных типов частных правоотношений, вновь актуализирует необходимость их правового регулирования, в том числе, связанного с их защитой.

Новые типы и формы частных правовых отношений, возникают в результате технологического развития, изменений в общественной структуре, экономике, культуре и других сферах жизни общества. Это порождает необходимость детального изучения вопроса, связанного со способами и формами защиты права в частных правоотношениях, а также их усовершенствование. Ведь отсутствие гарантий и четкой системы защиты частных прав затрудняет обеспечение их реализации субъектами правовых отношений.

Весьма точно по данному поводу высказали свое мнение такие ученые, как Л.А. Зеленская и Т.Ю. Якимова: «Новые общественные отношения, многообразие которых порождает необходимость их правового регулирования, обуславливает потребность в разработке новых и совершенствовании существующих форм и способов защиты нарушенных прав субъектов этих правоотношений» [8].

Стоит сказать, что в частных правоотношениях, защита прав частных лиц является более важной и сложной задачей, чем в публичных отношениях. Это обусловлено тем, что частные лица имеют более широкие возможности для обеспечения защиты собственных прав, которые реализуются посредством применения различных способов и форм

Стоит отметить, что в теории гражданского права понятие защиты частных прав, связано с такими категориями как охрана права и обеспечение реализации права.

В законе отсутствует четкая дефиниция, определенная классификация или системы способов, а также формы обеспечения защиты прав в частноправовых отношениях. Статья 12 Гражданского Кодекса Российской Федерации [5], посвященная данному вопросу, устанавливающая перечень способов и форм защиты права посредством их перечисления. Однако следует отметить, что данный перечень не охватывает все возможные способы защиты права и, сам указанный список, не является исчерпывающим, что наводит на рассуждения о том, что существуют также иные, не лишённые своей специфики, формы и способы защиты права, реализующиеся в частноправовых отношениях.

По мнению В.М. Ведяхина и Т.Е. Шубина: «В законодательстве понятие защиты права зачастую носит абстрактный характер, обозначая возможность государства защищать права, не уточняя, идет ли речь о защите уже нарушенных прав или о гарантиях, формах защиты еще не нарушенных прав» [4].

Наиболее явно защиту права определяет В.А. Белов, указывая на то, что «юридическая наука выделяет понятие о различного рода действиях (мерах, способах), направленных на пресечение совершаемых нарушений права и восстановление права после совершенных нарушений, минимизацию неправомерных последствий, возникших в связи с нарушением права, восстановления правового положения существовавшего до нарушения права» [2].

Моментом возникновения у субъекта частных отношений права на защиту нарушенных прерогатив определяется моментом нарушения или оспаривания соответствующих разрешений, что подтверждается и В.В. Бутневым: «В результате оспаривания, правонарушения и других помех в реализации права возникает право на защиту, которое является относительно самостоятельным и новым субъективным правом» [3]. Таким образом, предпосылкой возникновения оснований для защиты нарушенного права является, прежде всего, наличие события, признаваемого юридическим фактом, и, которое связано с нарушением или оспариванием прав одной заинтересованной стороны другими участниками частных правоотношений.

Ю.Н. Андреев считает, что «под способами защиты прав следует понимать определенную модель будущего поведения правообладателя, которую последний может выбрать по своему усмотрению» [1]. Таким образом, под способами защиты права следует понимать предусмотренные и урегулированные законом действия управомоченных лиц, совершаемые ими по своей инициативе и при содействии компетентных органов, направленные на полное или частичное восстановление нарушенного или оспариваемого права, а также на уменьшение последствий их нарушения.

В научной литературе существуют различные подходы к определению и классификации способов и форм защиты права в частноправовых отношениях. При этом, из анализа содержания статьи 12 ГК РФ, как указывает Б.М. Гонгало [6], вытекает, что, предусмотренные законом формы нарушенного или оспариваемого права можно условно разделить на:

- Юрисдикционные;
- Неюрисдикционные.

В рамках данного исследования, предметом рассмотрения являются именно неюрисдикционные формы и способы защиты нарушенного или оспариваемого права.

К неюрисдикционным способам защиты права, в научной литературе, обычно относят самозащиту. В 12 статье Гражданского кодекса Российской Федерации самозащита права упоминается как способ защиты, при этом, в современной юридической литературе отмечается, что самозащита является формой защиты гражданских прав, которая подразумевает действия уполномоченных лиц без обращения к компетентным органам. Б.С. Монгуш считает, что «под самозащитой следует понимать применяемые управомоченным субъектом односторонние действия юридического или фактического характера, которые нацелены на пресечение действий, нарушающих права» [9]. Классический подход к рассмотрению самозащиты как метода правовой защиты, предполагает, что самозащита, учитывая неюрисдикционность данного метода, это в первую очередь фактические действия уполномоченных лиц, направленные на пресечение нарушений и уменьшение последствий нарушения или оспаривания права.

Следует указать, что в рамках неюрисдикционной защиты нарушенных или оспариваемых прав, субъекты правоотношений могут прибегать и к действиям, в научной литературе, называемыми мерами оперативного воздействия.

Меры оперативного воздействия – это действия, которые принимаются для защиты нарушенного или оспариваемого права и имеют юридическую природу. Отличие между мерами оперативного воздействия и самозащитой заключается в способах защиты права: в случае самозащиты – это действия фактического характера, направленные на восстановление или смягчение последствий нарушения прав, а меры оперативного воздействия сопровождаются действиями юридического характера, то есть действиями, имеющими юридические последствия.

По мнению В.П. Грибанова, «главная функция мер оперативного воздействия состоит в обеспечении надлежащего исполнения обязательства, и допускающие квалификацию данных мер в качестве способов обеспечения исполнения обязательства, помимо тех, которые указаны в соответствующей норме закона» [7].

При выборе уполномоченным заинтересованным лицом неюрисдикционной формы защиты права и мер оперативного воздействия, большое значение имеют средства правовой защиты, которые предусмотрены законодательством или условиями договора, лежащими в основе общественных отношений. Средства подобного рода применяются в рамках механизма правовой защиты для пресечения, наруше-

ний права, восстановления прав или смягчения последствий его нарушения, а также облекаются в форму юридически значимых действий, влекущих правовые последствия. Другими словами, меры оперативно-го воздействия подразумевают действия, выражающие волю участников правовых отношений. Примером таких действий может послужить досудебная защита нарушенного либо оспариваемого права, механизм которой реализуется посредством направления в адрес участника частных правоотношений, нарушившего или допустившего нарушение прав, заявлений, уведомлений, досудебных претензий, содержащих, как правило, требования о надлежащем исполнении обязательства, в случае нарушения условий их исполнения и требования о восстановлении правового положения, существовавшего до нарушения права.

По мнению К.Р. Султангуловой: «Также к неюрисдикционным формам защиты относят меры, применяемые саморегулируемыми организациями, при защите гражданских прав в третейском суде, при общественной защите прав инвесторов, некоторые меры, применяемые регулирующими органами. К неюрисдикционным способам разрешения экономических споров отечественная правовая наука относит третейское разбирательство. Третейский суд не входит в систему государственных органов и органов местного самоуправления по защите нарушенных прав, поэтому третейское разбирательство – это общественная, негосударственная форма разрешения правовых споров. Сущность третейского разбирательства состоит в том, что обе стороны доверяют разрешение спора избранному или третьим лицам, признают для себя обязательность их решений» [10]. Однако стоит указать, что, во-первых, третейское правосудие при защите нарушенных и спорных прав, исключает элемент самостоятельности действий заинтересованных сторон, характерный для неюрисдикционных методов правовой защиты. Во-вторых, обращение в третейский суд, предполагает передачу разрешения спора под юрисдикцию негосударственной структуры, осуществляющей рассмотрение споров, вытекающих из частных и коммерческих правоотношений, посредством судопроизводства, что исключает отнесение данного метода правовой защиты к неюрисдикционным.

В заключение стоит отметить, что углубленное изучение неюрисдикционных форм защиты нарушенных и оспариваемых прав приводит к открытию иных, разнообразных способов правовой защиты, которые не лишены своей специфики и особенностей, которые суммируют традиционные правовые механизмы защиты права, дополняя юрисдикционные формы правовой защиты, которые, как правило, реализуются при содействии компетентных органов или суда.

Список литературы:

1. Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М., 2010. С. 120.
2. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т.1. Юрайт: – М., 2011. С. 393.
3. Бутнев В.В. Механизм защиты субъективных прав. // Lex Russica. 2014. № 3. С. 278.
4. Ведяхин В.М., Шубина Т.Е. Защита права как правовая категория // Правоведение. 1998. № 1 (220). С. 67.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
6. Гражданское право: учебник. В 2 т. Т. 1 / под ред. Б.М. Гонгало. М., 2017. С. 99.
7. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. – М.: Российское право, 1992. С.207.
8. Зеленская Л.А., Якимова Т.Ю. Способы и формы защиты нарушенных прав граждан и юридических лиц: учеб. пособие. – Краснодар: КубГАУ, 2018. С. 101.
9. Монгуш Б.С. Категория «правовые средства» применительно к защите субъективного гражданского права // Семейное и жилищное право. 2012. № 2. С. 43-44.
10. Султангулова К.Р. Неюрисдикционные формы защиты гражданских прав // Вестник науки. 2022. №10.

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ПУБЛИЧНЫХ ЗАКУПКАХ

Ковешников Антон Олегович

*студент
кафедры гражданского права
Российской таможенной академии,
РФ, г. Люберцы*

Кирпичев Александр Евгеньевич

*научный руководитель,
проф. гражданского права, д-р юрид. наук, доц.
Российской таможенной академии,
РФ, г. Люберцы*

PECULIARITIES OF PARTICIPATION OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN PUBLIC PROCUREMENT

Anton Koveshnikov

*Student
of the Department of Civil Law,
Russian Customs Academy,
Russia, Lyubertsy*

Alexander Kirpichev

*Scientific supervisor, Professor of Civil Law,
Doctor of Law, Associate Professor,
Russian Customs Academy,
Russia, Lyubertsy*

Аннотация. Малое и среднее предпринимательство (МСП) играет весьма значимую роль в экономике России, способствуя развитию конкуренции, созданию рабочих мест и росту инновационного потенциала страны. Государственная политика поддержки МСП нашла свое отражение в нормативно-правовой базе, регулирующей участие вышеуказанных субъектов в публичных закупках. В статье рассмотрены правовые аспекты, определяющие особенности участия субъектов МСП в государственных и муниципальных закупках, включая анализ

действующего законодательства, а также проблематики правоприменения.

Abstract. Small and medium-sized enterprises (SMEs) play a very significant role in the Russian economy, contributing to the development of competition, job creation and the growth of innovative potential. The State policy of supporting SMEs is reflected in the regulatory framework governing the participation of such entities in public procurement. The article examines the legal aspects that determine the specifics of the participation of SMEs in state and municipal procurement, including an analysis of current legislation, as well as the problems of law enforcement. Small and medium-sized enterprises (SMEs) play a very significant role in the Russian economy, contributing to the development of competition, job creation and the growth of innovative potential. The State policy of supporting SMEs is reflected in the regulatory framework governing the participation of such entities in public procurement. The article examines the legal aspects that determine the specifics of the participation of SMEs in state and municipal procurement, including an analysis of current legislation, as well as the problems of law enforcement.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, публичные закупки, права, преференции, государственная поддержка.

Keywords: small and medium-sized enterprises, public procurement, rights, preferences, government support.

Государственная поддержка сектора МСП в России осуществляется посредством различных механизмов. К таковым можно отнести особые условия участия субъектов МСП в публичных закупках. Правовое и организационное регулирование участия субъектов малого и среднего предпринимательства в публичных закупках осуществляется в рамках Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1]. Кроме того, применяются положения Федерального закона от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [2], который регламентирует закупки отдельных видов юридических лиц, включая государственные корпорации и унитарные предприятия. Наряду с Федеральными законами, приведенными выше, ключевую роль в нормативном регулировании играют правительственные документы такие, например, как Постановление № 1352 от 11 декабря 2014 года [3, с. 21], устанавливающее обязательные требования по выделению закупок для субъектов МСП, Постановление

№ 1401 от 22 декабря 2018 года, определяющее минимальный объем закупок у субъектов МСП в рамках Закона № 223-ФЗ [2].

Действующим российским законодательством закрепляются особенности участия МСП в публичных закупках. Так, с принятием и вступлением в силу Федерального Закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» был дополнен состав лиц, получающих преференции в рамках государственных и муниципальных закупок, изменились требования по объему поддержки субъектов МСП, был отменен перечень товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд, размещение заказов на которые осуществляется у субъектов МСП.

Закон № 44-ФЗ закрепляет обязательства государственных заказчиков по обеспечению участия субъектов МСП в закупках. В частности [1]:

1. Обязательная доля закупок. Заказчики обязаны проводить не менее 25 % конкурентных процедур среди субъектов МСП (ч. 8 ст. 30 Закона № 44-ФЗ). При этом, например, в рамках Федерального закона от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» обеспечивается информационная прозрачность: заказчики обязаны публиковать закупочные планы и отчетность, что облегчает субъектам МСП доступ к информации и участию в тендерах [2; 4, с. 28]. Таким образом, заказчики обязаны проводить специальные закупочные процедуры, которые ориентированы исключительно на участие субъектов МСП. Это означает ограничение круга участников закупки, что снижает конкуренцию со стороны крупных компаний [5, с. 82]. В свою очередь со стороны контролирующих органов, таких как Федеральное казначейство и Федеральная антимонопольная служба (ФАС), осуществляется ежегодный мониторинг за выполнением требований о квотах на участие МСП.

1. Преференциальный режим. Для субъектов МСП предусмотрен ряд упрощений:

- сокращение размера обеспечения заявки (не более 1 % от начальной максимальной цены контракта);
- возможность предоставления банковской гарантии вместо денежных средств;
- упрощённые требования к документам и отсутствие необходимости предоставления финансовых гарантий для участия в ряде контрактов с низкой стоимостью.

2. Закупки у единственного поставщика. В рамках малого объема закупок (до 600 тысяч рублей) заказчики могут заключать контракты с

субъектами МСП без проведения конкурентных процедур (п. 4 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ).

Наряду с правовыми положениями Федерального Закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» особенности закупок по закону № 223-ФЗ закону включают [2]:

- проведение специализированных конкурентных процедур, участие в которых разрешено исключительно субъектам МСП;
- обязательное размещение плана закупок с указанием объемов, выделенных для субъектов МСП, в единой информационной системе.

Таким образом, юридические аспекты участия субъектов малого и среднего предпринимательства в публичных закупках определяют их правовой статус, порядок участия, а также гарантии и льготы, предусмотренные законодательством.

Несмотря на законодательное закрепление, реализация особых прав субъектов МСП в публичных закупках в ходе участия в них на практике сталкивается с рядом трудностей. Одной из первых сложностей участия в закупках для государственных и муниципальных нужд является сложность в подготовке портфеля документов заявителя. Так в частности, несмотря на упрощенные требования к подаче заявок и обеспечение контрактов, со стороны субъектов МСП отмечаются жалобы на бюрократические барьеры, такие как необходимость детального документального подтверждения статуса субъекта малого или среднего предпринимательства, что увеличивает время подготовки к участию в закупках [5, с. 62]. Также на практике субъекты МСП сталкиваются с рядом юридических трудностей. Среди основных проблем – завышенные требования к квалификации участников, отсутствие прозрачности в формулировке технических заданий и сложность процедуры обжалования решений.

Всю совокупность существующих проблем в процессе соблюдения предпочтений при участии субъектов малого и среднего предпринимательства в публичных закупках, можно разделить на следующие группы:

1. Сложность доступа к закупкам. Малые предприятия сталкиваются с высокими требованиями к квалификации, сложностью подготовки тендерной документации и ограниченностью ресурсов для выполнения крупных контрактов.

2. Непрозрачность процедур. В некоторых случаях заказчики искусственно ограничивают доступ субъектов МСП, устанавливая избыточные требования или формулируя условия закупки под конкретных участников.

3. Проблемы контроля. Механизмы мониторинга выполнения квот закупок у МСП остаются недостаточно эффективными, что приводит к уклонению отдельных заказчиков от исполнения своих обязательств.

Примеры судебной практики за 2022–2023 годы, касающиеся особенностей участия субъектов МСП в публичных закупках, демонстрируют ключевые аспекты применения законодательства:

1. Дело об отмене закупки из-за нарушения прав МСП. В одном из случаев заказчик установил требование о наличии опыта выполнения аналогичных контрактов на сумму, которая превышает средний показатель для МСП. УФАС признало это дискриминацией, так как такие условия противоречат части 1 статьи 30 Закона № 44-ФЗ. Суд поддержал решение антимонопольного органа, подтвердив незаконность завышенных требований к МСП, которые не соответствуют специфике закупки.

2. Закупки малого объема. Рассматривались случаи, когда закупки малого объема использовались для упрощенного доступа МСП к государственным контрактам. Например, по данным Корпорации МСП, в 2022 году такие закупки составили 375 млрд рублей, что облегчило вход на рынок для начинающих предпринимателей [8]. Это поддерживается упрощением документации и минимизацией бюрократических процедур, что было подтверждено в судебных разбирательствах, связанных с жалобами на дискриминацию в этих закупках.

3. Ошибки в проведении закупок у субъектов МСП. Заказчики иногда допускают ошибки в размещении тендерной документации, что приводит к жалобам. Например, в деле 2023 года участник жаловался на некорректное указание порядка расчетов, что усложняло участие МСП. УФАС установило, что действия заказчика нарушали нормы части 8 статьи 24 Закона № 44-ФЗ, и предписало изменить условия закупки.

Судебные дела демонстрируют важность соблюдения правил, установленных для поддержки МСП, таких как равные условия участия в публичных закупках, отсутствие завышенных требований и прозрачность процедур.

Учитывая имеющиеся проблемные аспекты, в целях обеспечения эффективного участия субъектов МСП в публичных закупках представляется целесообразным:

1. Усилить контроль за соблюдением квот. Рекомендуется внедрение автоматизированных систем анализа закупок, позволяющих оперативно выявлять нарушения.

2. Снизить административные барьеры. Упрощение требований к тендерной документации, расширение возможностей для подачи заявок в электронном формате снизят издержки для субъектов МСП.

3. Повышение уровня информированности. Проведение обучающих мероприятий, разработка методических рекомендаций для субъектов МСП способствуют повышению их готовности к участию в закупках.

Резюмируя изложенное авторами, можно сделать ряд выводов. Публичные закупки представляют собой значительный инструмент для развития МСП, предоставляя предпринимателям доступ к крупным государственным заказам и стимулируя их участие в экономике страны. Участие субъектов малого и среднего предпринимательства в публичных закупках представляет собой важный механизм стимулирования их экономической активности и развития конкурентной среды. Правовая поддержка МСП в сфере закупок способствует не только развитию самого сектора, но и укреплению национальной экономики в целом.

Правовая регламентация участия субъектов малого и среднего предпринимательства в публичных закупках имеет решающее значение для развития конкурентной среды и поддержки малого бизнеса. Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и Федеральный закон от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» способствуют расширению участия МСП в закупках, улучшая доступ к контрактам и снижая административные барьеры [4, с. 55].

Действующая нормативная база создает благоприятные условия для МСП, однако с одной стороны эффективная реализация законодательных положений требует устранения выявленных правоприменительных проблем и совершенствования контроля за соблюдением установленных норм. С другой стороны, важно подчеркнуть, что успешное участие в публичных закупках требует от самих субъектов МСП соблюдения сложных правовых норм и процедур. В первую очередь речь идет о соблюдении правовых основ участия МСП в публичных закупках.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 14, 08.04.2013, ст.1652.

2. Федеральный закон от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 30 (ч.1), 25.07.2011, ст.4571.
3. Беляева О.А. Особенности участия субъектов малого и среднего предпринимательства в корпоративных закупках // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 2. С. 20–23.
4. Вайпан В.А. Правовое регулирование деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства: учебное пособие / В.А. Вайпан. – М.: Юстицинформ, 2017. – 92 с.
5. Государство и малый бизнес в России: проблемы гармонизации законодательства и практики его применения: монография / под редакцией С.А. Ивановой. – М.: Прометей, 2019. – 152 с.
6. Плещенко В.И. Актуальные изменения механизмов планирования закупок у субъектов малого и среднего бизнеса в рамках закона № 223-ФЗ / В.И. Плещенко // Менеджмент качества. – 2019. – № 4. – С. 296-300.
7. Умнова М.Г. Развитие участия малых и средних предприятий в государственных закупках в России / М.Г. Умнова, П.Д. Козлова // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12, № 12. – С. 3205-3222.
8. Официальный сайт АО «Корпорация «МСП» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://corpmsp.ru> (дата обращения: 30.11.2024).

4.4. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ОПТИМИЗАЦИИ НОРМОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ПУБЛИЧНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ

Матвеев Даниил Андреевич

студент-магистрант
юридического института,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет»,
РФ, г. Тамбов

Никулин Роман Львович

научный руководитель, канд. ист. наук, доц.,
заведующий кафедрой конституционное
и административное право юридического института,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет»,
РФ, г. Тамбов

Аннотация. В статье комплексно исследуются современные цифровые технологии, применяемые в нормотворческой деятельности органов публичной власти. Раскрываются теоретико-правовые основы, потенциальные возможности и ограничения цифровизации нормотворческого процесса, анализируются существующие научные подходы к внедрению инновационных механизмов в правотворческую деятельность.

Ключевые слова: цифровизация, нормотворчество, публичное управление, правовой мониторинг, искусственный интеллект, электронная демократия, правовые технологии, цифровая трансформация, нормативно-правовое регулирование, экспертиза.

Процессы цифровой трансформации системы в органах публичной власти обуславливают необходимость глубокого научного переосмысления традиционных механизмов нормотворческой деятельности. Актуальность исследования определяется объективными потребностями мо-

дернизации публичного управления в условиях развития информационно-коммуникационных технологий.

Профессор А.В. Минбалеев отмечает, что цифровизация нормотворческого процесса представляет собой комплексную междисциплинарную проблему, требующую системного научного подхода [4]. Исследователь В.Н. Лопатин подчеркивает необходимость разработки концептуальных основ правового обеспечения цифровых технологий в сфере публичного управления [3].

1. Автоматизированные системы правового мониторинга

Современные цифровые инструменты предполагают использование комплексных аналитических систем, которые обеспечивают следующий функционал: анализ нормативно-правовой базы; выявление внутренних противоречий и правовых коллизий; прогнозирование потенциальных правовых рисков.

Профессор С.В. Запольский обосновывает, что подобные системы позволяют существенно повысить качество нормотворческой деятельности, минимизировать субъективные факторы [2].

Что касается платформ онлайн-консультирования и общественной экспертизы, то необходимо отметить следующее.

Цифровые платформы создают принципиально новые механизмы взаимодействия между органами публичной власти и гражданским обществом, обосновывая это следующими критериями:

- расширение форм общественного участия в нормотворчестве;
- оперативный сбор экспертных заключений;
- создание механизмов прямой демократической коммуникации.

В наше время действительно большое значение имеет искусственный интеллект и его использование не только в повседневной жизни, но и различных специальностях и профессиях, начиная от кулинарии, заканчивая полетами в космос. Возможно ли не только использование технологий искусственного интеллекта, а его полноценное внедрение, создание автоматизированных правовых алгоритмов в правовой сектор аппарата публичного управления? Ответ на этот вопрос находится в разработке у многих ученых и квалифицированных специалистов, однако стоит отметить уже имеющиеся в настоящее время прогнозы на использование технологий искусственного интеллекта в анализе правовых данных. Инновационные технологии искусственного интеллекта открывают принципиально новые возможности, к примеру это автоматизированная проверка соответствия нормативных актов, комплексная оценка юрико-технического качества документов, превентивное выявление коррупциогенных факторов.

Профессор И.Л. Бачило подчеркивает, что использование искусственного интеллекта требует методологического подхода и постоянного научного сопровождения [1].

Несмотря на очевидные преимущества, процесс цифровизации нормотворчества сопряжен с определенными рисками, например такими как потенциальная утрата экспертной составляющей, имеющей одной из своих главных особенностей – человеческий фактор, субъективность каждого эксперта; риски технологических уязвимостей, которые включают в себя различные сбои, нарушения, как минимум общий спектр уже существующих проблем с электрификацией и цифровизацией; необходимость постоянной адаптации нормативно-правовой базы, а также обучение операторов систем.

На примере Тамбовской области, цифровизация в публично-правовой сфере можно проследить в действиях Правительства Тамбовской области, а именно в работе Департамента государственных, муниципальных услуг и документооборота аппарата Правительства Тамбовской области, в плотном взаимодействии с Правовым департаментом Правительства Тамбовской области. Стоит отметить, что в Правительстве Тамбовской области также находится так называемый «публикатор», который является уполномоченным лицом, направляющим на согласование и публикацию нормативных правовых актов в Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. До момента размещения (если иное не указано в нормативном правовом акте) на вышеуказанном государственном ресурсе и в средствах массовой информации (обычно это Общественно-политическая газета «Тамбовская жизнь») нормативный правовой акт не является действующим.

Стоит отметить, что вышеуказанные органы также осуществляют межведомственное взаимодействие посредством использования системы электронного документооборота «Тезис».

Ввиду вышеуказанного стоит отметить, что цифровизация нормотворческого процесса является объективным трендом развития публичного управления. Внедрение инновационных технологий требует комплексного научного подхода, постоянного методологического сопровождения, критической оценки существующих практик и краткосрочного устранения ошибок.

Список литературы:

1. Бачило И.Л. Информационное право. М.: Юрайт, 2021. С. 23-25
2. Запольский С.В. Цифровые технологии в правотворчестве // Государство и право. 2020. № 5. 14-15.

3. Лопатин В.Н. Информационная безопасность в системе публичного управления. СПб.: Политехника, 2021. С. 29.
4. Минбалеев А.В. Правовое регулирование цифровых технологий. М.: Юрайт, 2022. С. 96-100.
5. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.10.2024).
6. Тамбовский областной портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <https://tamlife.ru> (дата обращения: 10.10.2024).

4.5. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

НОВЕЛЛЫ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Есиков Александр Александрович

магистрант,

Российская академия народного хозяйства

и государственной службы

при президенте Российской Федерации, филиал,

Сибирский институт управления,

РФ, г. Новосибирск

NOVELS OF ORGANIZATIONAL AND LEGAL SUPPORT OF THE ELECTORAL PROCESS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Alexander Esikov

Master's student,

Russian Presidential Academy

of National Economy and Public

Administration, Branch,

Siberian Institute of Management,

Russia, Novosibirsk

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые особенности актуальных изменений в нормативно-правовое регулирование избирательного процесса Российской Федерации. Сделан вывод о необходимости пересмотра правового статуса членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса

Abstract. The article discusses some features of current changes in the legal regulation of the electoral process in the Russian Federation. It is concluded that it is necessary to review the legal influence of members of election commissions with the right of advisory vote.

Ключевые слова: избирательный процесс, транспарентность выборов, легитимность выборов, цифровизация избирательного процесса.

Keywords: electoral process, transparency of elections, legitimacy of elections, digitalization of the electoral process.

Основной формой обеспечения народовластия в современном мире является представительская демократия. Сущность представительской демократии состоит в том, что народ, являющийся источником власти, осуществляет свои функции не непосредственно (что, в большинстве случаев, за исключением самых важных вопросов, выносимых на референдум, невозможно), а с помощью системы избираемых представителей. При этом полнота и достоверность принимаемых народом решений в рамках избирательного процесса является важнейшей гарантией легитимности власти. Исходя из вышеизложенного, следует, что в системе конституционно-правового регулирования огромное значение имеет избирательный процесс и его организационно-правовое сопровождение.

Как справедливо отмечает Р.А. Загидуллин, легитимность избирательного процесса определяется механизмами правовой регламентации всех его стадий, анализ реализации которых позволяет электорату судить о свободе и демократичности выборов, о соблюдении государством прав всех участников избирательного процесса, об объективных, предоставленных законодательством возможностях реализации активного и пассивного избирательного права [5]. Исходя из вышеизложенного, рассмотрим основные новеллы организационно-правового сопровождения избирательного процесса Российской Федерации, прежде всего, в контексте влияния их на увеличение либо снижение легитимности выборов.

Одной из новелл последних лет в существующем правовом аспекте регулирования является уменьшение количества и прав членов комиссий с правом совещательного голоса. Так, в соответствии с п. 20 ст. 29 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», основание назначения члена комиссии с совещательным голосом касается исключительно ЦИК РФ, а также комиссий уровня субъектов федерации. [6,С.2]. По мнению И.Д. Навагина, из обозначенного положения следует сокращение полномочий рассматриваемых членов избирательных комиссий. Например, прерогатива присутствовать при выдаче избирателям бюллетеней, сортировке, подсчете и погашении бюллетеней (полномочия, относящиеся, в частности, к участковым комиссиям), а

также удостоверяться в правильности данных действий или знакомиться с рядом документов и материалов, связанных с выборами и относящихся к нижестоящим комиссиям, а также получать их заверенные копии [2].

В данном случае, по нашему мнению, следует рассмотреть, в принципе, в чем заключается необходимость такого института избирательного процесса, как члены комиссии с правом совещательного голоса. Как отмечает А.Д. Котельников, на практике достаточно часто встречается ситуация, когда кандидаты и избирательные объединения назначают в избирательные комиссии (в первую очередь участковые) членов с правом совещательного голоса фактически для исполнения последними функций наблюдателей [3]. Таким образом, функции члена комиссии с правом совещательного голоса и функции наблюдателя в избирательном процессе во многом схожие и основаны на более широком привлечении общественности для обеспечения транспарентности избирательного процесса.

По нашему мнению, необходимость существования института членов комиссий с правом совещательного голоса в данный момент отсутствует, учитывая, что на практике члены комиссий с правом совещательного голоса не имеют каких-либо существенных преимуществ в защите транспарентности выборов по сравнению с наблюдателями.

По нашему мнению, для повышения транспарентности выборов, существует необходимость изменить сам принцип формирования избирательных комиссий на нижних уровнях. Таким образом, половина членов комиссии нижних уровней (в первую очередь – участковых комиссий) может формироваться представителями кандидатов на основе жеребьевки. Такая норма, не разрушая профессионализм членов комиссий, позволит существенным образом повысить транспарентность избирательного процесса.

Еще одной серьезной новеллой избирательного процесса является внедрение электронного голосования. Очевидно, что цифровизация избирательного процесса является закономерным этапом развития технологий избирательного процесса. Вместе с тем, цифровизация избирательного процесса сопряжена с целым рядом вопросов, призванных обеспечить тайность, легитимность и транспарентность итогов голосования. Исходя из вышеизложенного, любое внедрение процесса электронного голосования должно отвечать следующим принципам:

- должна быть обеспечена техническая прозрачность итогов голосования, позволяющая убедиться в свободном и транспарентном электронном голосовании;

- электронное голосование должно существовать в качестве параллельной формы голосования, при этом такое голосование не может подменять собой очный его аналог.

Как справедливо отмечает А.И. Вершинин, в рамках дистанционного голосования необходимо обеспечить гарантию анонимности голоса избирателя, чтобы отсутствовали механизмы давления на него со стороны работодателей [1]. При этом серьезной проблемой в рамках электронного голосования является то обстоятельство, что избиратель не видит ни себя, ни своих соседей в электронном списке избирателей, что объективно снижает его восприятие легитимности отданного голоса. Без решения вышеуказанных проблем, к вопросам более широкого внедрения электронного голосования в избирательном процессе следует относиться с осторожностью.

Вместе с тем, в рамках избирательного процесса существует сфера, где внедрение цифровых технологий представляется наиболее оправданным. Такой сферой является область подписей при выдвижении за того или иного кандидата или политической партии. На сегодняшний день, такие подписи собираются в бумажном виде. Как отмечает В.А. Мельников, Выявляемые недочеты проведенного сбора подписей избирателей разнообразны. К таким можно отнести помарки и опiski, совершаемые при заполнении данных об избирателе, выход за пределы ячеек в таблице подписного листа [4]. При этом внедрение электронных подписных листов позволит избежать большого количества механических проблем при заполнении подписных листов и будет способствовать транспарентности и легитимности избирательного процесса.

Исходя из вышеизложенного, можно считать целесообразным внесение изменений в действующее правовое регулирование, направленное на цифровизацию вышеуказанных правоотношений.

Список литературы:

1. А. И. Вершинин ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2023. №4 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-pravovogo-regulirovaniya-tsifrovizatsii-izbiratel'nogo-protsessa> (дата обращения: 04.12.2024).
2. Иван Дмитриевич Навагин О некоторых вопросах реформирования избирательной системы Российской Федерации // Закон и право. 2022. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-voprosah-reformirovaniya-izbiratel'noy-sistemy-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 04.12.2024).

3. Котельников Алексей Дмитриевич Актуальные вопросы регулирования правового статуса членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса // Избирательное право. 2019. №2 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-regulirovaniya-pravovogo-statusa-chlenov-izbiratelnyh-komissiy-s-pravom-soveschatelnogo-golosa> (дата обращения: 04.12.2024).
4. Мельников Павел Алексеевич СБОР ПОДПИСЕЙ ИЗБИРАТЕЛЕЙ В ПОДДЕРЖКУ ВЫДВИЖЕНИЯ КАНДИДАТОВ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЦЕДУРЫ // НОМОТЭТИКА: Философия. Социология. Право. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sbor-podpisey-izbirateley-v-podderzhku-vydvizheniya-kandidatov-sovremennoe-sostoyanie-i-evolyutsiya-protsedury> (дата обращения: 04.12.2024).
5. Загидулин Равиль Абдулахатович Некоторые проблемы правового регулирования участия политических партий в избирательном процессе // PolitBook. 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-pravovogo-regulirovaniya-uchastiya-politicheskikh-partiy-v-izbiratelnom-protseesse> (дата обращения: 04.12.2024).
6. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ: Принят Государственной Думой 22 мая 2002 года : Одобрен Советом Федерации 29 мая 2002 года : [в ред. от 08.08.2024] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — №24 — ст.2253

4.6. СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

О СОВРЕМЕННЫХ ВИДАХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рубцов Артем Антонович

магистрант,

Российская академия народного хозяйства

и государственной службы

при президенте Российской Федерации, филиал,

Сибирский институт управления,

РФ, г. Новосибирск

ABOUT MODERN TYPES OF EXTREMIST ACTIVITY

Artem Rubtsov

Master's student,

Russian Presidential Academy

of National Economy

and Public Administration, Branch,

Siberian Institute of Management,

Russia, Novosibirsk

Аннотация. В статье рассмотрены современные виды экстремистской деятельности, дана их характеристика. Сделан вывод о том, что экстремизм неоднозначное явление и имеет разные основания для классификации, во многом зависящие от сферы, в которой он проявляется.

Abstract. The article examines modern types of extremist activity and gives their characteristics. It is concluded that extremism is an ambiguous phenomenon and has different grounds for classification, largely depending on the sphere in which it manifests itself.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, виды экстремизма, радикализм, общественная опасность.

Keywords: extremism, extremist activity, types of extremism, radicalism, public danger.

Экстремизм имеет различные виды в зависимости от поставленных целей и методов, которыми эти цели достигаются. Так, по сферам жизни можно выделить политический, национальный, религиозный, социальный, экологический, спортивный, культурный и другие виды экстремизма. Все они характеризуются тем, что направлены на противопоставление своих интересов одних людей интересам других или же социальных групп, не гнушаясь использованием различных акций, в том числе насильственных.

Рассматривая политический экстремизм, следует отметить, что данное явление – это подход или практика, при которых человек или группа людей прибегает к радикальным, крайним мерам для достижения своих политических целей. Такого рода поведение часто находится на краю политического спектра, будь-то крайняя левая или крайняя правая позиции.

Здесь следует отметить, что политический экстремизм подразделяется на «левый» (революционный) и «правый». Левые идеологии обычно связаны с идеями социального равенства, государственного контроля над ресурсами и поддержкой социально уязвимых слоев населения. Правые идеологии акцентируют внимание на свободе личности в экономической деятельности, минимальном вмешательстве государства в дела бизнеса и традиционных ценностях.

Экстремисты, будь они с левой или правой стороны, обычно стремятся к радикальным изменениям и могут оправдывать использование насилия как средства достижения политических результатов. В политическом виде экстремизма считается верным тот факт, что текущее политическое положение дел неэффективно, и в данной ситуации единственным выходом будет применение каких-либо крайних меры, которые могут быть сопряжены с насилием.

Одной из самых больших проблем, связанных с политическим экстремизмом, является его влияние на общество. Это может привести к его разделению, насилию, политической нестабильности и потере человеческих жизней. В своем истинном виде политический экстремизм проявляется редко, чаще всего встречается с признаками национального и религиозного экстремизма, выражаясь в политическом насилии, вооруженных восстаниях и других радикальных акциях, которые не соотносятся с основными демократическими и правовыми принципами, а также перетекают в терроризм. Данное утверждение подтверждает и Н.Г. Магомедов: «Политический экстремизм, с одной

стороны, представляет собой самостоятельный социальный феномен, имеющий свои внутри- и внешнеполитические формы проявления. С другой стороны, политические механизмы непосредственно вплетены в ткань всех других социальных и духовных процессов; поэтому мы говорим об идейно-политическом, этнополитическом, политико-экономическом, религиозно-политическом и тому подобных разновидностях экстремизма» [1].

Национальный же экстремизм представляет собой такое негативное явление, когда человек или группа людей идентифицируют себя преимущественно через призму национальной принадлежности и используют это как аргумент для превосходства над другими национальностями или этническими группами. Проявляется это в том, что индивиды начинают выступать в защиту своей национальности, ее безопасности, независимости и многого другого, и как правило, в ущерб представителям других национальностей, проживающих с ними «по соседству».

Национальный экстремизм тесно связан с политическим, потому что в большинстве случаев конечной целью данного явления является обретение независимости и образования своего государственного образования. Также он нередко связан с религиозным экстремизмом, в следствие различных религиозных предпочтений у различных национальностей.

Идеи национального экстремизма могут возникать на фоне социально-экономических проблем, когда группа людей чувствует несправедливость или угрозу своему положению в обществе и ищет виновных среди представителей других наций.

Данное явление обладает своими отличительными особенностями, такими как: вера в то, что одна национальность превосходит другую в различных аспектах; уверенность, что именно представители этой национальности должны иметь больше прав и преимуществ в обществе; публичные высказывания на тему своего превосходства или с целью унижения других национальностей, направленных для возбуждения страха или ненависти других социальных групп к этой национальности; открытая поддержка насилия в отношении представителей других национальностей.

Последствия национального экстремизма крайне негативны, поскольку они ведут к разрушению социальных слоев общества, массовым нарушениям прав человека, межнациональным и даже к международным конфликтам.

Третий вид экстремизма, связанный с вышеперечисленными, – это религиозный экстремизм, который можно охарактеризовать как

крайнюю форму религиозности, в которой убеждения и практики строятся на строгой, буквальной интерпретации священных текстов и часто сопровождаются нетерпимостью к иным взглядам и верованиям. Это не просто стремление жить согласно своей религиозной вере, а активное навязывание своих убеждений другим, вплоть до использования насилия.

В основе религиозного экстремизма лежит убеждение в том, что собственная интерпретация религиозных учений абсолютно верна, и что все, кто не согласен с этой точкой зрения, могут быть наказаны, в том числе физически. Это приводит к тому, что религиозные экстремисты могут осуществлять акты терроризма, преследования или дискриминации в отношении тех, кто принадлежит к другим религиям или вовсе не религиозен.

Причины религиозного экстремизма многообразны и включают в себя как социально-экономические факторы, так и культурные, психологические. Например, в условиях социального неравенства, бедности и политической нестабильности экстремистские учения могут представляться определенным слоям населения как способ борьбы за справедливость. Кроме того, они могут использоваться политическими или религиозными лидерами для укрепления своего влияния и контроля.

Религиозный экстремизм может принимать различные формы и существовать в любой религиозной традиции, не ограничиваясь Исламом, что часто становится ошибочным стереотипом. Также важно понимать, что подавляющее большинство верующих людей отвергают экстремизм и живут в мире со своим окружением, даже сохраняя при этом глубокую религиозную веру.

Одним из способов борьбы с религиозным экстремизмом является образование, включая религиозное и межкультурное обучение, позволяющее людям лучше понимать и уважать различия других культур и религий. Кроме того, правовые и законодательные меры также играют важную роль в предотвращении насилия и преследования.

Немаловажным будет отметить и другие формы экстремизма, например, такие как социальный и экологический экстремизм.

Социальный экстремизм – это термин, который может охватывать различные формы крайних идеологий и действий, основанных на социальных вопросах, чаще всего в защиту малоимущих слоев населения, продвигая лозунги с повышениями зарплат, пенсий, социальных пособий, различных льгот, у ущерб других слоев населения. В данном случае продвигается ненависть к более обеспеченным слоям населения, пропаганда насильственного восстановления справедливости, быстрого и простого решения всех социальных вопросов.

Касаемо социального экстремизма высказывается И.С. Дубровская: «Учитывая, что общественные отношения развиваются колоссальными темпами, в том числе, и, благодаря средствам массовой информации, следует отметить опасность распространения социального экстремизма по признаку ненависти либо вражды в рамках общественных дискуссий, а также в интернет-пространстве, что говорит о необходимости совершенствования ряда нормативных правовых актов, регулирующих ряд общественных отношений и институтов» [2].

Экологический экстремизм – это радикальная форма экологического активизма. В то время как большинство экологических активистов придерживаются мирных и законных методов борьбы за охрану окружающей среды, некоторые переходят к более радикальным, иногда даже нелегальным действиям. Эти действия могут включать саботаж, нанесение ущерба имуществу, цифровые атаки против компаний или организаций, которые, по мнению активистов, вредят природе. Об этом высказывается О.Л. Дубовик: «Акты экологического экстремизма широко известны. Это нападения на научно-исследовательские центры с целью освобождения подопытных животных, угрозы и акты насилия в отношении научных работников, организация и проведение демонстраций, митингов, пикетов, информирование в СМИ и Интернете, иные действия. Нередко они сопровождаются насилием и совмещены с незаконным проникновением в помещения, угрозами убийством и другими противоправными действиями, преследуемыми в соответствии с уголовным законом» [3].

Цель экологического экстремизма – привлечь внимание к экологическим вопросам и вызвать изменения в обществе или политике, которые, по мнению активистов, будут способствовать охране окружающей среды. Однако методы, которые используют эти активисты, часто приводят к обратному эффекту: общество и власти могут воспринимать их действия как угрозу, что приводит к усилению контрмер и ухудшению общественного отношения к экологическим идеям в целом.

Термины, такие как "эко-терроризм", иногда используются для описания самых крайних форм экологического экстремизма. Это связано с тем, что действия этих групп или индивидов могут создавать страх или угрозу безопасности. Важно понимать, что такие методы выражают позицию лишь небольшой части экологических активистов и не отражают общий экологический движение, которое стремится к устойчивому развитию и охране окружающей среды через образование, научные исследования и политический диалог.

Также экстремизм можно классифицировать по возрасту его приверженцев: может быть молодежный и «взрослый» экстремизм. В то

время когда понятно, что из себя представляет «взрослый» экстремизм, следует сделать акцент на молодежном, так как он не меньше второго опасен для общества и государства.

Молодежный экстремизм – это форма экстремизма, совершаемая молодежью, которая проявляется в приверженности к радикальным идеологиям и стремлении к насильственным действиям. Молодежь находится в поиске своей идентичности, и экстремистские группы могут предложить им простые и привлекательные ответы на сложные социальные и политические вопросы. Также молодые люди, которые чувствуют себя исключенными из общества, могут быть более восприимчивыми к экстремистским группам, обещающим им чувство принадлежности и значимости.

«Следует учитывать, что в условиях современной действительности, характеризующейся более глубоким развитием информационно-коммуникационных технологий, экстремистские настроения все чаще находят свое проявление среди молодежи, так как способы вовлечения их в данную деятельность постоянно изменяются и совершенствуются. Молодежь является социально-демографической группой, сочетающей в себе ряд признаков: социальные, психологические черты, возрастные характеристики, а также положение в социальной структуре общества. Возраст человека является основополагающим фактором принадлежности его к данной группе» [4].

Основными проявлениями молодежного экстремизма можно считать насилие, угрозы, оскорбления, акты вандализма, пропаганду экстремистских идеологий в учебных заведениях и онлайн-сообществах.

Молодежный экстремизм отличается от экстремизма среди взрослых несколькими ключевыми аспектами, в первую очередь мотивацией и целями. Молодежный экстремизм часто мотивирован желанием поиска идентичности, принадлежности к группе и личной значимости. Молодые люди могут участвовать в экстремистских действиях в попытках выразить свое несогласие с социальными, политическими или экономическими условиями, протестуя против воспринимаемых несправедливостей или из-за желания перемен. Взрослые, с другой стороны, могут быть более мотивированы конкретными долгосрочными политическими или идеологическими целями.

Вторым отличительным аспектом можно считать методы донесения своих идей. Молодежь склонна к использованию более неформальных, спонтанных, и даже символических форм протеста или насилия. В то время как «взрослый» экстремизм может быть более организованным и иметь четкую структуру или долгосрочную стратегию. «Взрослые» экстремисты могут использовать более сложные их

механизмы влияния, включая более продуманные информационные кампании или террористические акты.

Наконец, третий аспект заключается в том, что молодежь более подвержена влиянию и может легче поддаваться радикализации через интернет, друзей или знакомых.

О молодежном экстремизме С.Р. Ананичева говорит следующее: «В социокультурном портрете современной российской молодежи можно выделить как объективные, так и субъективные причины проявления агрессивности и экстремальности сознания, обусловленные комплексностью и противоречивостью условий социальной модернизации. При этом видится острая необходимость противодействовать указанным проявлениям при помощи сохранения духовной культуры и ценностной трансформации сознания и поведения молодежи как особой социальной группы общества» [5].

И это не все основания, по которым можно классифицировать экстремизм, так, например, ученые выделяют еще внутренний и международный экстремизм, где основанием выступает факт того, выходят ли проявления рассматриваемого явления за территорию государства и связывают между собой несколько государств.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на современном этапе развития общества существует множество видов экстремизма, возникающих в зависимости от сферы общественной жизни, для противодействия которым необходим собственный подход, который в первую очередь должен начинаться с профилактики данного явления.

Список литературы:

1. Магомедов Н.Г. Об исламском религиозном и религиозно-политическом экстремизме // Исламоведение. – 2020. – №1 (43). – С. 97
2. Дубровская И.С. Социальный экстремизм как угроза внутренней безопасности государства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – №10. – С. 125
3. Дубовик О.Л. Криминологические и уголовно-правовые предпосылки борьбы с экологическим терроризмом и экологическим экстремизмом в России // Lex Russica. – 2018. – №9 (142). – С. 80-21
4. Зоз В.А. Деятельность органов внутренних дел по противодействию молодежному экстремизму // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9, № 3. – С. 458
5. Ананичева С.Р. Проблема распространения идеологии экстремизма среди российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – №8. – С. 2

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Алборов Тамерлан Альбертович

*студент 1 курса магистратуры
Университета прокуратуры
Российской Федерации,
РФ, г. Москва*

TOPICAL ISSUES OF THE PROSECUTOR'S PARTICIPATION IN THE CONSIDERATION OF CRIMINAL CASES IN THE COURT OF FIRST INSTANCE

Tamerlan Alborov

*1st year graduate student at the
University of the Prosecutor's
Office of the Russian Federation,
Russia, Moscow*

Аннотация. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции является одним из ключевых аспектов уголовного судопроизводства в Российской Федерации. Прокурор, как представитель государства, играет важную роль в обеспечении законности и справедливости, а также в защите прав и законных интересов участников процесса. Рассмотрим основные проблемы и вопросы, а также методы их урегулирования.

Abstract. The participation of the prosecutor in the consideration of criminal cases in the court of first instance is one of the key aspects of criminal proceedings in the Russian Federation. The prosecutor, as a representative of the State, plays an important role in ensuring legality and justice, as well as in protecting the rights and legitimate interests of participants in the process. Let's look at the main problems and issues, as well as methods of their settlement.

Ключевые слова: закон, прокуратура, прокурор, суд, уголовные дела, уголовное преследование, доказательства, прения, речь, приговор, решение.

Keywords: law, prosecutor's office, prosecutor, court, criminal cases, criminal prosecution, evidence, debate, speech, verdict, decision.

Актуальность темы заключается в том, что правовой статус прокурора в уголовном процессе является основным фактором непосредственного участия в рассмотрении и разрешении уголовных дел, участвуя в осуществлении и обеспечении законности. Прокурор участвует во всех стадиях уголовного процесса и в зависимости от этого различаются его функции и полномочия, но роль прокурора остается особо важной на протяжении всего судопроизводства. Большое внимание и значение оказывает прокурор в осуществлении задач по рассмотрению уголовных дел в суде первой инстанции.

В соответствии со статьей 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, прокурор от имени государства осуществляет уголовное преследование в пределах своих полномочий. В суде он выступает в качестве государственного обвинителя [4]. С одной стороны мы можем обосновать, что прокурор не представляет интересы стороны в уголовном процессе. Его основная задача – поддерживать государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность, как это предусмотрено частью 3 статьи 37 Уголовно-процессуального кодекса [4]. Также, с другой стороны, мы можем утверждать, о представительских полномочиях обвинителя в уголовном судопроизводстве, но только в контексте того, что прокурор представляет интересы государства по соблюдению законности.

Однако в своих научных работах М. Строгович писал: «Функция обвинителя на суде заключается в том, чтобы помочь суду проверить и оценить все данные следствия, весь собранный по делу доказательственный материал. Прокурор делает это с точки зрения обвинения» [10].

Исходя из этого, можно предположить, что основная задача прокурора на судебных стадиях уголовного процесса – не представлять сторону обвинения, а обосновывать обвинение, сформулированное еще на досудебных стадиях уголовного процесса.

В соответствии со статьей 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [4], Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 30.06.2021 № 376 (ред. от 03.07.2024) «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» [6], прокурор поддерживает обвинение уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения, уголовных дел частного обвинения, если уголовное дело было возбуждено следователем либо с согласия прокурора дознавателем, а также в случае, когда мировым судьей в соответствии с частью 8 статьи 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, участие в деле прокурора признано обязательным [4].

Также прокурор на основании части 5 статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в судебном разбирательстве представляет доказательства и участвует в их исследовании [4]. Прокурору необходимо выбрать правильную тактику исследования доказательств в судебном разбирательстве. Для государственного обвинителя важно выстроить цепочку доказательств обвинения в такой последовательности, чтобы она обеспечивала полное раскрытие перед судом значимых обстоятельств дела и максимально способствовало формированию внутреннего судейского убеждения о доказанности предъявленного обвинения [11].

Особенную значимость осуществления участия прокурора в рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции приобретает принцип состязательности, который определяет равное положение сторон перед судом.

Именно в условиях состязательности и проявлении активных действий государственного обвинителя зависит законность и обоснованность принимаемого судом решения в процессе осуществления правосудия.

Одной из необходимых задач прокурора является убеждение суда в правильности сформулированного в результате предварительного расследования вывода о виновности подсудимого. [7]

На практике, осуществление данной задачи приобретает некоторые проблемы, такие как: формирование своего отношения к обвинению предъявленного подсудимому, проведение допроса потерпевшего, свидетелей, подсудимого, а также устранение противоречий в показаниях; прогноз позиции и тактики действий стороны защиты; готовность к различным развитиям событий в ходе судебного разбирательства; предоставление и исследование доказательств, являющихся допустимыми и имеющих отношение к данному уголовному делу; готовность к заявлению соответствующих ходатайств, а также отказа от уголовного преследования или переквалификации предъявленного обвинения; надлежащее выступление в прениях. Для решения вышеперечисленных проблем необходимо более подробно и детально изучить материалы уголовного дела в полном объеме. В процессе осуществления данного решения возникает другая проблема, так у прокурорских работников прослеживается большой объем работы, в частности по изучению уголовных дел и соответственно нехватка времени для надлежащего изучения каждого уголовного дела и соответствующей подготовке к судебному разбирательству. Уже для урегулирования данной проблемы можно предпринять распределение дел и назначение судебных заседаний между государственными обвините-

лями целесообразным образом, для более эффективного изучения каждого уголовного дела, надлежащей подготовке к судебному разбирательству, а также непосредственного поддержания государственного обвинения соответствующим образом, что в последствии будет являться основанием для принятия судом законного, обоснованного и справедливого решения.

Следующая проблема в рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции у прокурора возникает при участии в прениях сторон. В соответствии с частью 1 статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, обвинитель не вправе отказаться от участия в прениях сторон [4]. Но на основании части 7 статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, если будет сделан вывод, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он имеет право отказаться от обвинения, мотивируя такое решение [4].

Также в своем выступлении государственный обвинитель дает оценку только исследованным и допустимым в ходе судебного следствия доказательствам, в окончательном виде формулирует вывод о доказанности, виновности подсудимого в совершении инкриминируемого деяния и высказывает предложения по всем вопросам, подлежащим разрешению судом. [7] Важно, чтобы прокурор не повторялся и не вдавался в подробности, которые не имеют отношения к делу. Также не стоит приводить общеизвестные положения и факты.

Оформление и подготовка судебной речи государственного обвинителя должна соответствовать определенным требованиям, таким как:

- подробное и детальное изучение материалов уголовного дела;
- корректное и точное изложение фактов.
- юридический и психологический анализ фактов.
- демонстрация высокого уровня культуры речи и логичности своих позиций и выводов.
- внимательное изучение и устранение имеющихся в доказательствах противоречий и спорных моментов.

Изначальное формирование речи государственного обвинителя исходит из обвинительного заключения, прокурор составляет план речи, указывает ее основные положения, а также обосновывает квалификацию совершенного деяния. Но окончательные выводы о доказанности обвинения, квалификации преступления, вида и размера наказания, подлежащего назначению подсудимому, формулируются только на основе исследованных в суде доказательств с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств.

Уголовно-процессуальное законодательство не устанавливает требований к структуре и содержанию речи государственного обвинителя.

Речь государственного обвинителя должна состоять из взаимосвязанных элементов:

- вступление, в котором излагается суть и общественная опасность совершенного преступления, фактические обстоятельства уголовного дела;
- изложение и оценка доказательств обвинения и защиты;
- характеристика личности подсудимого, указываются его данные, семейное положение, является ли лицом, которое состоит на учете у врача-нарколога и врача психиатра, а также смягчающие и отягчающие обстоятельства, причины и условия, способствовавшие совершению преступления;
- затем вносятся предложения о мере наказания исходя из характера и степени общественной опасности содеянного, данных о личности виновного, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств.

Основные проблемы возникают при изложении и оценке доказательств. Доказательства должны приводиться в соответствующей последовательности, раскрывая подробно сущность каждого. Делать ссылку можно только на те доказательства, которые были исследованы судом и признаны допустимыми в соответствии со статьей 81, статьей 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [4].

На основании части 6 статьи 292 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, государственный обвинитель после выступления с речью, может выступить также и с репликой, возражая на выступления защитника в прениях, указывая на значительные аспекты разногласий [4]. Решение данного вопроса заключается в обязательном выступлении государственного обвинителя с репликой, в ходе которого он вправе изменять, дополнять, делать замечания, а также устранять противоречия, которые были изложены в выступлении защитника в изложенной речи.

Таким образом, каждый государственный обвинитель должен надлежащим образом готовиться к судебному заседанию, беспристрастно анализировать и оценивать все имеющиеся доказательства и продумывать свою тактику и стратегию действий.

В ходе судебного процесса прокурор должен активно участвовать в исследовании доказательств, представленных сторонами. Только так можно создать условия для принятия судом законного, обоснованного и справедливого решения, соблюдая требования закона о разумных сроках уголовного судопроизводства.

Прокурор должен постоянно развивать свои профессиональные навыки, стремиться к получению новых знаний и самосовершенствоваться.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // источник опубликования;
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.09.2024) «О прокуратуре Российской Федерации») // источник опубликования;
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.10.2024)) // источник опубликования;
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.10.2024)) // источник опубликования;
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. N 51 "О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)" // Российская газета. 2017
6. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 30.06.2021 № 376 (ред. от 03.07.2024) «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства») // источник опубликования;
7. Буланова Н.В. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами: Монография / Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М.: Проспект, 2016. [С. 38]
8. Гриненко А.В. Уголовный процесс: учебник и практикум для вузов. [С 226];
9. Капинус О.С., Кехлеров С.Г. Настольная книга прокурора / Издательство Юрайт, 2020 [т. 2, с. 156];
10. Строгович М.С. Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и в суде. М.: Советское законодательство, 1934. [С. 37]
11. Халиулин А.Г. Участие прокурора в судебных стадиях уголовного судопроизводства. Монография / Университет прокуратуры Российской Федерации, 2023 [С. 19];
12. Шавалдина А.С. Участие прокурора в уголовном судопроизводстве // Наука и общество в условиях глобализации. 2016. № 1.;

4.7. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Рагимов Русал Эминович

аспирант, 2 курс,

Международный институт информатизации

и государственного управления им. П.А. Столыпина,

РФ, г. Москва

INFORMATION TECHNOLOGY AND LAW: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

Rusal Rahimov

Graduate student, 2nd year,

P.A. Stolypin International Institute

of Informatization and Public Administration,

Russia, Moscow

Аннотация. В статье автором затрагивается вопрос о степени влияния информационных технологий на функционирование права, о тенденции его развития в условиях информатизации общества, о характере взаимодействия между психологическим восприятием указанных изменений и эффективностью их использования в условиях современного мира.

Abstract. In the article, the author raises the issue of the degree of influence of information technology on the functioning of law, on the trend in the development of law in the context of informatization of society, on the nature of the interaction between the psychological perception of these changes and the effectiveness of their use in the modern world.

Ключевые слова: информация, государство, право, общество, информационные технологии, процесс, форма, содержание, взаимосвязь, нормативность.

Keywords: information, state, law, society, information technology, process, form, content, relationship, normativity.

Характер взаимодействия между обществом и государством во многом зависит от доверия граждан к правосудию, которое обеспечивается за счёт неукоснительного выполнения требований закона. Качество же этого процесса обуславливается точностью формулировки закона и соответствием действительному положению вещей в обществе [5].

Сегодня в мире происходят глобальные изменения в информационной сфере, среди которых можно выделить, например, следующие:

- предоставление новых возможностей для развития личности с помощью цифровых образовательных платформ;
- появление новых отраслей промышленности за счёт активного внедрения информационных технологий в производственный процесс;
- сокращение издержек в сфере услуг за счёт использования электронных баз данных.

Информационная сфера состоит из совокупности средств массовой коммуникации, которые осуществляют свою деятельность автономно и функционируют на математических и логических алгоритмах.

Отношения между обществом и информационной сферой противоречивы.

С одной стороны, инновационные системы и технологии помогают человеку реализовать себя, наблюдается интенсивный экономический рост, облегчается процесс обмена идеями.

С другой стороны, общество не готово принять те изменения, которые происходят сейчас в мире, что выражается в следующих процессах:

- изменение представлений человека о пространстве и времени, о форме и содержании, и в целом о мире;
- обострение фундаментальных проблем во взаимоотношениях человека и технологий, человека и прогресса.

Противоречие отношений между обществом и информационной сферой вызывает следующие реакции:

- объединение закономерностей общественного и информационного развития;
- обособление общественных институтов от информационных систем;
- дезориентация человека в новых границах пространства и времени.

Другими словами, человечество стоит на пороге фундаментальных преобразований, главным из которых является информатизация предметного мира.

Вследствие этого устои общества, выраженные в системе социальных норм, испытывают серьёзные трудности:

- социальные нормы не могут в настоящий момент адаптироваться к темпу информатизации общества;
- отсутствуют альтернативы, которые могли бы урегулировать отношения в информационной сфере;
- отсутствуют фундаментальные подходы к происходящим в обществе изменениям.

Перечисленные факты свидетельствуют о необходимости модернизации социальных норм, однако такой возможности в настоящий момент нет в силу следующих обстоятельств:

- ярко выраженный антропоцентризм социальных норм;
- отсутствие эмпирической и теоретической основы;
- непредсказуемость реакции человека на внедрение новых моделей поведения;
- отсутствие надлежащей материально-технической базы.

Исключением из правил являются корпоративные нормы, хотя они не претендуют на универсальность и могут удовлетворить лишь интересы узких социальных групп.

Таким образом, можно говорить о том, что в настоящий момент существует проблема нормативного регулирования общественных отношений, которая распространяется на все сферы жизни общества и прослеживается в каждом элементе социальной системы.

Характерной чертой данной проблемы также является атрофированность социальных норм, которая заключается в том, что социальные нормы располагают различными методами и способами воздействия на поведение людей, однако в настоящий момент они не справляются со своими задачами. Причиной этого является неспособность социальных постулатов правильно установить отношения, осложнённые информационным элементом [1].

Иными словами, социальные нормы в настоящее время не могут:

- разложить отношения на составные части;
- выявить логические и фактические связи;
- определить закономерности их развития;
- и, соответственно, выбрать подходящий метод воздействия на эти отношения.

Поэтому, например, нормы морали не могут определить, что есть моральное, аморальное или неморальное в информационной среде; то же самое можно сказать и про религиозные нормы, которые не могут найти проявления религиозного чувства в математических алгоритмах информационных систем; этические нормы также не способны оказать какое-либо воздействие на эти отношения по той простой причине, что они должны быть чем-то обоснованы, или, другими словами, у них

должно быть основание, к которому они могут апеллировать; отдельная история отношений с информационной сферой складывается у правовых норм.

Происходит это потому, что нормы права представляют собой уникальный вид социальных норм, которые обладают такими характеристиками, как императивность (общеобязательность), универсальность, легальность; в совокупности они выражаются либо в материальной, либо в процессуальной правовой форме [2].

Материальная правовая форма устанавливает субъективные юридические права и субъективные юридические обязанности для лиц, участников правоотношений, а процессуальная правовая форма занимается вопросами практической реализации норм права, и в этом согласованном взаимодействии двух правовых форм заключён смысл права как разновидности социальных норм.

Именно правовой формализм в его нынешнем виде препятствует нормам права следовать за веяниями времени. Конечно, он выполняет многие социальные задачи, как, например, уяснение смысла общественных отношений; однако вместе с тем ценность правового формализма выражается в том, что данное понятие оценивает те общественные отношения, которые либо имеют значение в настоящий момент времени, либо могут быть востребованы в будущем.

Другими словами, правовой формализм нуждается в крупных преобразованиях, которые, прежде всего, должны затронуть методы и способы приспособляемости правовых норм к социальным изменениям.

Правовой формализм должен трактовать структуру информации и порядок её формирования, учитывать закономерности её распространения в обществе, уметь прогнозировать возможные последствия от возникновения этой информации, а также научиться правильно её анализировать [4].

Пока что правовой формализм не отвечает потребностям нашего времени, поскольку не имеет соответствующих механизмов для того, каким образом это можно сделать; недостаточно практических знаний, каким образом нужно сопровождать стремительно развивающиеся отношения, осложнённые информационным элементом; то есть, все имеющиеся проблемы, связанные с правом, основываются, преимущественно, на отсутствии логических связей, которые могли бы аргументировать необходимость применения той или иной нормы права в конкретном отношении, осложнённом информационным элементом.

Осложнения, вызванные указанной проблемой, наиболее отчетливо проявляются в гражданском процессуальном праве, а именно, в институте судебного доказывания и судебных доказательств.

Дело в том, что суд познаёт истину по материалам гражданского дела, либо непосредственно, либо опосредованно.

Непосредственное познание осуществляется во время судебного заседания, когда судьи, например, слушают свидетельские показания, или, говоря другими словами, опираются на свои органы чувств.

Опосредованное познание осуществляется за счёт всеобъемлющей интеллектуальной деятельности судей при работе с доказательственным материалом, сформированным тяжущимися сторонами.

Эти две разновидности установления истины опираются на разные методы познания объективной действительности, но только при непосредственном взаимодействии друг с другом они могут получить исчерпывающую картину об этом деле.

Вместе с тем, для того чтобы эти два вида познания смогли достигнуть поставленных целей, они должны оперировать теми способами, источниками и средствами, которые предусмотрены гражданским процессуальным законодательством.

Иными словами, свобода познания объективной действительности по гражданскому делу в суде определяется условиями и закономерностями развития правовой процессуальной формы.

Вследствие чего, на системном уровне в обществе появляются различного рода противоречия, которые возникают на почве того, что аргументация судебного решения может не соответствовать условиям настоящего времени, или, говоря иначе, правильность судебного решения не обязательно будет соответствовать действительному положению вещей [3].

Другими словами, общество столкнулось с такой ситуацией, при которой оно, имея возможность обратиться в суд для разрешения спорного вопроса, не может себе позволить гарантировать положительный результат по той простой причине, что суд руководствуется теми положениями, которые потенциально могут не соответствовать условиям объективной действительности.

Применительно к сегодняшнему дню, это, прежде всего, распространяется на отношения, осложнённые информационным элементом, удельный вес которого в современном обществе постоянно растёт. При этом речь идёт о качественном, а также о количественном росте информации в жизни общества.

Совокупность вышеперечисленных факторов создаёт ощущение неопределённости и, как следствие, в обществе начинают появляться

различные формы недоверия к праву, а, следовательно, и к государству по той простой причине, что через него право реализует свои функции.

Список литературы:

1. Асмус В.Ф. Учение логики о доказательстве и опровержению. С. 24–26.
2. Липпман У. Общественное мнение / У. Липпман ; [пер. с англ. Е. Абасовой]. – М. : Изд – во АСТ, 2023. – С. 183–189;
3. Монтень М. Опыты / Мишель Монтень ; [пер. с франц. Н. Рыковой, А. Бобовича, Ф. Коган – Бернштейн]. – М. : Изд – во АСТ, 2022. – С. 195–199;
4. Радбрух Г. Философия права / Г. Радбрух ; пер. с нем. Ю.М. Юмашева. – 2-е изд. – М. : Международные отношения, 2023. – С. 11 – 16;
5. Федотов М.А. Право массовой информации в Российской Федерации. – М. : Междунар. отношения, 2002. – С. 143 – 151;

4.8. ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНО-ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ

Шумилин Артём Вадимович

аспирант 3-го курса,

Российская государственная академия

интеллектуальной собственности – РГАИС,

РФ, г. Москва

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF COLLECTIVE BARGAINING IN THE ORGANIZATION

Artem Shumilin

3rd year postgraduate student,

Russian State Academy

of Intellectual Property – RGAIS,

Russia, Moscow

Аннотация. Значение коллективных договоров выходит за рамки индивидуальных контрактов. Они представляют собой коллективные усилия работников по защите своих прав и интересов на рабочем месте, обеспечивая структурированный способ решения проблем, влияющих на их жизнь. Формально закрепляя согласованные условия, коллективные договоры помогают снизить неопределённость в трудовых отношениях, создавая стабильную и предсказуемую рабочую среду как для сотрудников, так и для работодателей. В статье определены проблемы правового регулирования коллективно-договорного регулирования в организации.

Abstract. The importance of collective agreements goes beyond individual contracts. They represent the collective efforts of employees to defend their rights and interests in the workplace, providing a structured way to solve problems affecting their lives. By formalizing agreed terms, collective agreements help reduce uncertainty in labor relations by creating a stable and predictable work environment for both employees and employers.

The article identifies the problems of legal regulation of collective bargaining in the organization.

Ключевые слова: коллективные соглашения, коллективные переговоры, стороны, договор, условия найма, профсоюзы, производственные отношения.

Keywords: collective agreements, collective bargaining, parties, contract, terms of employment, trade unions, industrial relations.

Трудовые отношения – важный элемент справедливой организации труда и установления надлежащих условий взаимодействия между руководством и сотрудниками. Это процесс, в котором участвуют руководство и профсоюзы, представляющие интересы сотрудников, и который подразумевает коллективные переговоры по ключевым вопросам на рабочем месте, определяющим законопослушные, справедливые и безопасные отношения между работодателем и сотрудниками.

Письменный документ, заключённый между работодателем, организацией работодателя и работниками, представленными профсоюзами, в котором изложены положения, касающиеся условий труда, заработной платы и других прав и обязанностей, вытекающих из трудовых отношений, называется коллективным договором [1]. Определение коллективного договора также содержит его основные характеристики:

- Защита интересов и прав обеих подписавших сторон;
- Предотвращение и ограничение конфликтов, которые могут возникнуть в трудовых отношениях;
- Эффективное разрешение конфликтов в случае их возникновения.

Коллективные договоры являются ключевыми документами на рынке труда и представляют собой официальные соглашения между работодателями и профсоюзами, представляющими интересы группы сотрудников. Соглашения подобного рода заключаются в ходе процесса, известного как коллективные переговоры, в ходе которых стороны стремятся установить условия труда. Основная цель коллективных договоров – расширение прав работников, обеспечение справедливой заработной платы, разумного рабочего времени и безопасных условий труда [4].

Юридические последствия также лежат в основе коллективных договоров. Во многих юрисдикциях такие документы имеют юридическую силу, а это означает, что работодатели обязаны соблюдать оговоренные условия. Такая юридическая поддержка расширяет возможно-

сти работников, предоставляя им средства правовой защиты в случае невыполнения работодателями своих обязательств. Кроме того, коллективные договоры часто включают процедуры рассмотрения жалоб, позволяющие работникам разрешать споры официальным способом, не прибегая к судебным разбирательствам, которые могут быть длительными и дорогостоящими.

Коллективные переговоры между представителями руководства и профсоюзами в основном сосредоточены на обсуждении стоимости трудовых договоров с особым вниманием к деталям, которые определяют стоимость рабочей силы. В частности, и работодателя, и работников больше всего волнуют вопросы, связанные с заработной платой, оплатой сверхурочных, больничными, декретными отпусками, пенсиями, оплачиваемыми отпусками и другими расходами. Действительно, несмотря на широкий спектр вопросов, актуальных как для работника, так и для работодателя при обсуждении трудовых вопросов, экономический аспект преобладает для обеих сторон. Поэтому стоимость трудовых договоров имеет особенное значение при обсуждении трудовых отношений.

Коллективные договоры играют ключевую роль в формировании системы прав и льгот для работников. Одним из наиболее хорошо изученных аспектов коллективных договоров является их влияние на оплату труда. Исследования неизменно показывают, что работники, на которых распространяются коллективные договоры, как правило, получают более высокую заработную плату по сравнению с теми, кто не состоит в профсоюзе.

Помимо более высокой заработной платы, коллективные договоры часто предусматривают механизмы обеспечения занятости, что является важным фактором для многих работников. В таких договорах описываются чёткие процедуры увольнений, повышения в должности и меры дисциплинарных взысканий, что помогает защитить сотрудников от произвольных увольнений, гарантируя, что потеря работы будет основана на справедливых и прозрачных критериях, а не на усмотрении работодателя. Например, во многих коллективных договорах в производственном секторе предусмотрена система старшинства, согласно которой в случае сокращения штата приоритет отдаётся сотрудникам с большим стажем работы. Это даёт работникам ощущение стабильности, повышает лояльность и моральный дух на рабочем месте.

Кроме того, ещё одним ключевым преимуществом коллективных договоров является акцент на безопасных условиях труда. Работники имеют право на безопасные условия труда, и профсоюзы часто договариваются о положениях, которые обеспечивают соблюдение правил

техники безопасности, проводят необходимое обучение и устанавливают санитарные нормы. Например, в строительной отрасли коллективные договоры сыграли важную роль в снижении числа травм на рабочем месте благодаря обязательным протоколам обучения технике безопасности и регулярным медицинским осмотрам. Такие примеры из реальной жизни показывают, что коллективные договоры – это не просто теоретические конструкции, а важные инструменты, которые заметно улучшают повседневную жизнь работников и приводят к долгосрочным изменениям на рынке труда.

Несмотря на то, что коллективные договоры являются важнейшими инструментами для защиты прав работников, они не лишены недостатков и ограничений. Одна из существенных проблем связана с расстановкой сил во время переговоров [3].

Другой важный вопрос – влияние экономического спада на коллективные договоры. В периоды экономической нестабильности руководство может стремиться отказаться от ранее согласованных льгот, ссылаясь на финансовые ограничения. Это обычно ставит профсоюзы в затруднительное положение: либо отказаться от некоторых достижений, достигнутых в ходе прошлых переговоров, либо рискнуть столкнуться с потерей рабочих мест или значительными сокращениями. Следовательно, эффективность коллективных договоров может быть поставлена под сомнение, особенно при резком изменении экономических условий.

Несоблюдение коллективных договоров является ещё одним серьёзным ограничением. Несмотря на то, что эти соглашения призваны защищать права работников, их соблюдение остаётся сложной задачей. Такие факторы, как неэффективные механизмы соблюдения и недостаточный контроль, могут приводить к ситуациям, когда работодатели не соблюдают условия, указанные в соглашениях. Такое несоблюдение не только подрывает доверие между работниками и руководством, но и может снизить общую эффективность процесса коллективных переговоров [2].

Таким образом, несмотря на то, что коллективные договоры играют важную роль в защите прав работников, их успеху могут препятствовать различные проблемы. Понимание динамики переговорных процессов, влияния экономических колебаний и возможности несоблюдения условий договора даёт полное представление о возможных ограничениях. Решение этих проблем будет иметь особенное значение для того, чтобы коллективные договоры продолжали служить эффективным инструментом защиты прав работников в различных условиях труда.

Сфера коллективных переговоров находится на грани перемен, на которые влияют различные факторы, такие как технологический прогресс, изменение демографической ситуации среди работников и рост экономики свободного заработка. По мере нашего продвижения вперёд важно изучать, как эти тенденции могут изменить права работников и повлиять на коллективные договоры.

Технологии значительно меняют процесс ведения переговоров. С появлением цифровых средств коммуникации профсоюзы и работодатели могут вести переговоры удалённо, что делает процесс более доступным и эффективным. Этот сдвиг может повлиять на прозрачность и общение в режиме реального времени, что расширит возможности работников и упростит сотрудничество. Кроме того, анализ данных может дать представление о динамике рабочей силы, что позволит профсоюзам лучше отстаивать интересы своих членов во время переговоров. По мере развития технологий интеграция искусственного интеллекта и машинного обучения в стратегии ведения переговоров может ещё больше усовершенствовать этот процесс, предлагая индивидуальные решения, отражающие уникальные потребности работников.

Кроме того, состав рабочей силы меняется в сторону увеличения разнообразия и притока представителей молодежи, у которых могут быть другие ожидания в отношении своих трудовых прав. Сдвиг подобного рода подчёркивает необходимость адаптации коллективных договоров к современным реалиям на рабочем месте. Такие вопросы, как баланс между работой и личной жизнью, гибкие условия труда и поддержка психического здоровья, становятся первостепенными. Профсоюзы должны согласовывать свои стратегии ведения переговоров с этими меняющимися требованиями, чтобы эффективно отстаивать права работников в нынешних условиях.

Наконец, рост «экономики свободного заработка» создаёт как проблемы, так и возможности для коллективных переговоров. Многим работникам «экономики свободного заработка» не хватает традиционной защиты, предоставляемой коллективными договорами, что поднимает вопросы о представительстве и вовлечённости. Поскольку этот сегмент рабочей силы продолжает расти, возникает необходимость в инновационных подходах к переговорам, охватывающим различные модели трудоустройства. Разработка новых механизмов коллективных договоров, учитывающих права работников «экономики свободного заработка», потенциально может улучшить общую ситуацию с правами работников.

В заключение отметим, что будущее коллективных переговоров выглядит многообещающим и будет определяться технологическим

прогрессом, демографическими сдвигами и уникальными проблемами, которые ставит перед нами экономика свободного заработка. По мере развития этих тенденций они, несомненно, будут влиять на эффективность коллективных договоров в продвижении и защите прав сотрудников.

Список литературы:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ // «Российская газета», N 256, 31.12.2001.
2. Забиранова, Ю.А. Проблемы правового регулирования коллективно-договорного регулирования в организации / Ю.А. Забиранова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 6 (348). – С. 200-205. – URL: <https://moluch.ru/archive/348/78434/> (дата обращения: 02.12.2024).
3. Монгуш О.Н., Баавыл А.Э. Социально-трудовые отношения в рыночной экономике // Сборник Шестой международной научной конференции 2021. С. 177-179.
4. Филиппова, Н.А. Коллективный договор как вид российских правовых договоров : монография / Н.А. Филиппова. – Москва : РГУП, 2020. – 228 с. – ISBN 978-5-93916-794-9. – Текст : электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1192146> (дата обращения: 02.12.2024).

4.9. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

ИНСТИТУТ ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ В СИСТЕМЕ НОРМАТИВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СТАДИИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Бояркина Дарья Евгеньевна

магистрант,

Сибирский университет

потребительской кооперации,

РФ, г. Новосибирск

В современном правовом пространстве уголовного судопроизводства играет ключевую роль принцип всесторонности, объективности и полноты процесса доказывания при производстве предварительного расследования. В связи с указанным принципом особое внимание в научном сообществе уделяется процессуальным институтам, регулирующим порядок и сроки проведения следственных действий, предварительного расследования и судебного разбирательства. Один из таких институтов, оказывающих существенное влияние на ход уголовного процесса, – это институт возвращения уголовного дела прокурору на стадии назначения судебного разбирательства.

Названный процессуальный институт является одним из ключевых элементов в системе уголовного процесса. Этот институт позволяет устранить недостатки предварительного расследования и обеспечить соблюдение прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Вопрос о том, является ли статья 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), регулирующая основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору, самостоятельным правовым институтом, остается дискуссионным[1]. Многие авторы уточняют, что только совокупность правовых норм может составлять правовой институт, однако существует и другая точка зрения. Так, Е.А. Киримова считает, что «теоретически правовой институт может состоять и из одной правовой нормы, если она обеспечивает

самостоятельное регулятивное воздействие на определенный участок отношений» [6, с. 14].

Отметим, что среди признаков, характеризующих правового института, выделяются следующие элементы: комплексность, сфера воздействия, систематизация норм по предмету регулирования, структурность, а также, единство и законодательный замысел. Перечисленные элементы относятся и к исследуемому институту возвращения уголовного дела прокурору:

1. Комплексность института возвращения уголовного дела прокурору проявляется в том, что он объединяет в себе нормы, которые урегулируют разные аспекты процесса уголовного судопроизводства. В частности, эти нормы касаются следующих вопросов:

- основания для возвращения дела прокурору (например, необходимость устранения существенных нарушений, препятствующих рассмотрению дела по существу).
- процедура возвращения дела (порядок принятия решения судом, сроки, условия).
- правовые последствия возвращения дела (обязанности прокурора, возможность обжалования решения).

2. Сфера воздействия института возвращения уголовного дела прокурору охватывает определенный этап уголовного процесса – стадию назначения судебного разбирательства. На этом этапе суд проверяет материалы дела на наличие оснований для передачи его в суд для рассмотрения по существу или, наоборот, для возвращения его прокурору.

3. Структурность и системность исследуемого института выражается в четкой иерархии и последовательности норм, регулирующих процесс возвращения дела прокурору. В российском уголовно-процессуальном законодательстве этот институт представлен рядом статей УПК, которые взаимосвязаны и последовательно описывают каждую стадию процесса.

4. И, наконец, единство и законодательный замысел проявляются в согласованности всех норм, регулирующих институт возвращения уголовного дела прокурору, с общей целью уголовного судопроизводства – обеспечение законности, справедливости и защиты прав участников процесса. Законодатель стремится к тому, чтобы нормы, касающиеся возвращения дела, работали в унисон с другими процессуальными институтами, такими как возбуждение уголовного дела, предварительное расследование и судебное разбирательство.

Институт возвращения уголовного дела прокурору представляет собой процессуальное явление, когда суд возвращает дело прокурору для

устранения выявленных нарушений процессуального законодательства или необходимости дополнительного расследования [4, с. 143].

Основанием для такого возвращения могут быть различные обстоятельства. В качестве таких обстоятельств можно отметить: неполный сбор необходимых доказательств, нарушение законных прав участников судебного разбирательства, недостаточность следственных действий и т. д. Основания для возвращения уголовного дела прокурору указаны в статье 237 УПК РФ [1].

При наличии одного из перечисленных в законе оснований суд выносит постановление о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения. Отметим, что наличие ходатайств сторон судебного процесса не является обязательным условием для принятия такого решения.

Институт возвращения уголовного дела прокурору дает возможность уже на стадии назначения судебного разбирательства прокурору пересмотреть уголовное дело и внести необходимые коррективы для его успешного его завершения. В результате задействования исследуемого института появляется возможность более полного и объективного рассмотрения уголовного дела с учетом всех существенных обстоятельств.

На протяжении более чем двух десятилетий в сфере российского уголовно-процессуального права институт возвращения уголовного дела прокурору претерпел значительное развитие и изменения под воздействием решений Конституционного Суда. С согласия законодателя, который выступил в качестве технического архитектора данной концепции, предложенной верховным органом конституционного контроля Российской Федерации, суд получил право вернуть уголовные дела на досудебное расследование в случае обнаружения более серьезных квалификаций преступления [5, с. 119].

Важным этапом для укрепления института возвращения уголовного дела прокурору является принятие судебного решения от 08.12.2003 г. № 18-П, подтверждающего конституционность 1 ч. ст. 237 УПК РФ [2]. В соответствии с указанным решением суд обладает правом вернуть уголовное дело прокурору для устранения выявленных в процессе назначения разбирательства нарушений, так как данные нарушения невозможно исправить в рамках судебного разбирательства. Если не устранить указанные нарушения, то объективность и законность судебного процесса при этом пострадает.

Преследуя цель – устранить значительные нарушения, препятствующие судебному рассмотрению дела по существу – институт возвращения уголовного дела прокурору непроизвольно затягивает су-

дебное разбирательство. В связи с этим, возникает вопрос о продолжительности доработки дела прокурором. Не существует четко определенного временного интервала, в пределах которого должны быть устранены данные нарушения для возможности судебного рассмотрения дела. Сроки устранения нарушений прокурором определяются в соответствии с установленными законом сроками проведения предварительного расследования.

При обнаружении существенных нарушений судья имеет полномочия вернуть дело прокурору для их исправления. Таким образом, суд выступает в роли гаранта соблюдения прав участников процесса и обеспечения справедливости судебного разбирательства.

Итак, в уголовно-процессуальной практике особое значение приобретает институт возвращения уголовного дела прокурору. Этот институт представляет собой правовой механизм, который должен функционировать в строгом соответствии с установленными принципами законности, справедливости и эффективности уголовного судопроизводства. Несмотря на его потенциальную полезность в устранении процедурных нарушений, неправомерное применение данного института может привести к искусственному затягиванию процессуальных сроков, нарушению прав и законных интересов его участников, а также к подрыву доверия общества в целом к судебной системе.

Важным аспектом является разработка и внедрение четких критериев и процедур применения института возвращения уголовного дела прокурору, что поможет минимизировать риски злоупотреблений и обеспечит его эффективное использование. Кроме того, необходимо наличие строгого контроля за соблюдением этих процедур в рамках уголовного процесса. Это предусматривает не только законодательное регламентирование, но и практические меры по мониторингу соответствия действий правоохранительных органов установленным стандартам.

Также крайне важно обеспечение поддержки прокуроров в процессе расследования уголовных дел. Это включает в себя предоставление необходимых ресурсов для выполнения возложенных на них функций, что способствует более качественному и всестороннему расследованию, а также сокращению случаев возврата дел для устранения нарушений.

Таким образом, институт возвращения уголовного дела прокурору на этапе назначения судебного разбирательства является неотъемлемой частью уголовно-процессуальной системы Российской Федерации. При его грамотном использовании данный механизм способен значительно повысить качество уголовного судопроизводства, обеспечивая тем самым соблюдение и защиту законных интересов всех

участников процесса. Это, в свою очередь, способствует укреплению законности и правопорядка, что является ключевой задачей правовой системы любого государства.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
2. Определение Конституционного Суда РФ "Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства гражданки Курилко Лидии Михайловны о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 года N 18-П по делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" от 21.12.2004 № 389-О // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 19.04.2024).
3. Ахмедьянова А.Р. Возвращение прокурором уголовного дела следователю для производства дополнительного расследования // Е-Бсю. – 2023. – № 6 (81). – С. 595-601.
4. Бегова Д.Я. Основания возвращения судом уголовного дела прокурору // Закон и право. – 2022. – № 7. – С. 143-145.
5. Жилин И.А. Институт возвращения уголовного дела прокурору: история и современность // Моя профессиональная карьера. – 2022. – Т. 2. – № 37. – С. 119-126.
6. Киримова, Е.А. Правовой институт: понятие и виды : Учеб. пособие / Е.А. Киримова; М-во образования Рос. Федерации. Саратов. гос. акад. права; Под ред. И.Н. Сенякина. – Саратов, 2000. – 52 с.
7. Рябинина Т.К. Институт возвращения уголовного дела прокурору в системе уголовно-процессуальных средств, обеспечивающих право потерпевшего на защиту от преступлений и доступ к правосудию // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – №3. – С. 512-526.

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ КРИМИНАЛИЗАЦИИ КЛОНИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бушуева Мария Владиславовна

студент,

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»,
РФ, г. Донецк*

Карпенко Людмила Константиновна

*научный руководитель, канд. юрид. наук, доц.
кафедры уголовного права и процесса,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»,
РФ, г. Донецк*

THE EXPEDIENCY OF CRIMINALIZING HUMAN CLONING IN THE RUSSIAN FEDERATION

Maria Bushueva

Student,

*Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
"Donetsk State University",
Russia, Donetsk*

Lyudmila Karpenko

*Scientific supervisor,
Candidate of Law Sciences Associate Professor
of the Department of Criminal Law and Procedure,
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education "Donetsk State University",
Russia, Donetsk*

Аннотация. Целью исследования является изучение правовых аспектов клонирования человека, анализ социальных и юридических рисков, связанных с данной технологией, а также разработка предложений по совершенствованию уголовного законодательства РФ. В ра-

боте использован междисциплинарный подход, сочетающий анализ международного и отечественного законодательства и опыта зарубежных стран в области регулирования клонирования. Автор приходит к выводу о необходимости разработки уголовно-правовых норм, регулирующих клонирование человека, с учетом его рисков и междисциплинарной оценки последствий, а также предлагается конкретная формулировка статьи УК РФ, направленной на предотвращение злоупотреблений и защиту фундаментальных прав личности.

Abstract. The purpose of the study is to examine the legal aspects of human cloning, analyze the social and legal risks associated with this technology, and develop proposals for improving the criminal legislation of the Russian Federation. The study employs an interdisciplinary approach, combining an analysis of international and domestic legislation as well as the experiences of foreign countries in regulating cloning. The author concludes that it is necessary to develop criminal law provisions regulating human cloning, taking into account its risks and the interdisciplinary assessment of its consequences. A specific formulation of an article for the Criminal Code of the Russian Federation is also proposed to prevent abuses and protect fundamental human rights.

Ключевые слова: клонирование человека, генная инженерия, биомедицина, репродуктивное клонирование, терапевтическое клонирование, уголовное право, социальные риски, трансгуманизм, юридическая ответственность, международное регулирование.

Keywords: human cloning, genetic engineering, biomedicine, reproductive cloning, therapeutic cloning, criminal law, social risks, transhumanism, legal responsibility, international regulation.

Одними из наиболее бурно развивающихся и перспективных направлений научно-технической революции являются исследования в области биомедицины и, в частности, генной инженерии. Никто не ставит под сомнение ценность и важность таких исследований, так как конечная их цель – это поиск спасения для людей, страдающих неизлечимыми болезнями, т.е. увеличение качества и продолжительности жизни человека как биологического субъекта. Развитие генной инженерии, как и любого другого направления научного поиска, стало создавать потенциальные опасности, связанные с возможностью клонирования человеческого организма, уголовно-правовое регулирование которого не разработано.

Актуальность данной темы обусловлена инвариантностью подходов к правовому регулированию общественных отношений в сфере

такого нового феномена как клонирование человека на стыке биомедицины и юридической науки.

Значительными в контексте изучаемого вопроса являются проблемы социальных рисков, связанных с влиянием идей трансгуманизма на человечество, и социальной ответственности ученых, ведущих практическую работу по воплощению данных идей в жизнь [4; с.107]. Поэтому ряд вопросов, в частности, клонирование человека требует своего разрешения, как на законодательном, так и на правоприменительном уровне. Законотворческое решение обусловлено необходимостью длительной всесторонней, строго научной и межотраслевой оценки генетических и социальных последствий технологии.

Сущность клонирования как явления объективного мира состоит в воспроизведении генетически идентичной биологической копии (репликации) живого или умершего организма, что может повлечь опасные последствия для общества [5; с.883].

На сегодня технологии связанные с «репродукцией» млекопитающих привели к воспроизводству особей из клетки уже взрослого организма – клонированию животных. Технически клонировать человеческую особь также представляется возможным. Эта идея и вероятность ее появления в большей степени выявили необходимость принятия незамедлительных мер по восполнению правового пробела в этой области. В зависимости от поставленной цели клонирование можно классифицировать на репродуктивное и терапевтическое. Цель репродуктивного клонирования состоит в создании дубликата другого организма.

Терапевтическое клонирование позволяет получить эмбриональные стволовые клетки для научных исследований и использовать в терапии различных заболеваний человека, например, создать органы и ткани, совместимые с иммунной системой реципиента. Большинство опасений связано с репродуктивным клонированием.

В соответствии со ст.2 Закона от 20 мая 2002 г. № 54 ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» клонирование человека – это его создание «путём переноса в лишенную ядра женскую половую клетку ядра соматической клетки человека» [6]. В Законе содержится отсылочная норма об ответственности за клонирование человека, однако уголовным законодательством такие составы не предусмотрены.

На фоне отечественного уголовного права использованный иностранными законодателями подход к криминализации методов клонирования человека выглядит прогрессивным. На данный момент любое клонирование законодательно запрещено (временно или постоянно) как минимум в 31-м государстве, например, во Франции, Греции, Гер-

мании, Австралии. В 15 государствах разрешено лишь терапевтическое клонирование (стволовые клетки), это, например, Израиль, Великобритания, Япония.

Несмотря на тот факт, что в настоящее время нет документально подтвержденных данных о создании клонированного человека, мировое сообщество, предвидя такую возможность в будущем, единодушно стремится защитить интересы каждого человека от потенциальных последствий этого прогрессивного процесса, который представляет собой угрозу из-за недостаточного уровня научных знаний в данной области.

Клонирование человека может вызвать серьезные правовые проблемы: во-первых, оно вступает в противоречие с рядом важнейших прав личности, таких, как право на человеческое достоинство и протекающее из него право на целостность личности. Во-вторых, возникает вопрос о том, будет ли клон человека субъектом права. Если да, то будет ли его правосубъектность совпадать с правосубъектностью оригинала [1; с.149].

Главной правовой задачей станет урегулирование отношений между генетическим донором и его клоном, хотя бы в том, что касается идентификации личности, правопреемства, вопросов отцовства, материнства, наследственных правоотношений и т.д.

Говоря о потенциально возможных преступных деяниях в этой сфере, допустимо предположить: в случае терапевтического клонирования – возникновение черного рынка человеческих органов и тканей и оказание соответствующих услуг [2; с.617]. Ключевым моментом, вызывающим беспокойство, является высокий уровень неудач клонирования и связанный с этим риск короткой продолжительности жизни, потери генетического разнообразия.

Клонирование человека как проблема правового регулирования имеет определенную специфику, поскольку данная технология выявляет необходимость пересмотра принципиального подхода законодателя к регулированию биотехнологий и научных достижений. Связано это, прежде всего, с тем, что клонирование вместе с другими достижениями в медицине и биологии может поставить под сомнение ценность определенных фундаментальных категорий, таких как жизнь, индивидуальность, личность, справедливость, истина, родство, семья, мораль и т. д. Проблема клонирования человека заставляет по-новому взглянуть на институт нравственности как на ценность, защищаемую государством, как на принцип осуществления политики реализации всех ветвей власти и субъективных прав человека и гражданина [3].

На настоящий период, когда исследования в области генетических исследований набирают обороты, их невозможно игнорировать. Принимая во внимание опыт зарубежных стран, полагаем целесообразным Главу 16 «Преступления против личности» Раздела VII Уголовного Кодекса Российской Федерации дополнить новой статьей следующего содержания:

Статья 120.1. Клонирование человека

«1. Клонирование человека, создание человеческих эмбрионов для целей биомедицинских исследований или использование человеческого эмбриона в коммерческих, военных или промышленных целях – наказываются лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет или без такового».

Список литературы:

1. Капинус О.С. Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: сб. статей. // О.С. Капинус, В.Н. Додонов. – М.: Буквевед. – 2008. – С. 147-159.
2. Кирова Т.А. Криминализация незаконных действий в сфере клонирования человека // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. – М.: Статут. – 2021. – С. 614-621
3. Киселева А.К. Правовые аспекты клонирования человека / А.К. Киселева. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 47 (389). [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://moluch.ru/archive/389/85602/> (Дата обращения: 06.12.2024).
4. Крайнов А.Л. Идея трансгуманизма и коэволюция: социально-философский анализ / Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2016. – С. 106-118
5. Фетюков Ф.В. Законодательство о клонировании человека: мировой опыт и правовая модель для современной России // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2020. – С. 881-900.
6. Федеральный закон от 20 мая 2002 года № 54-ФЗ (ред. от 29.03.2010) «О временном запрете на клонирование человека» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 21. – Ст. 1917. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://base.garant.ru> (Дата обращения: 06.12.2024).

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЖЕРТВ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА

Корнейко Любовь Андреевна

магистрант

кафедры «Юриспруденции»,

Государственный университет «Дубна»,

РФ, г. Дубна

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем, связанных с виктимологической защитой лиц, ставших жертвами семейно-бытового насилия. Исследованы социальная и правовая значимость противодействия преступлениям указанной категории с учётом того, что они представляют повышенную опасность и влекут за собой негативные последствия не только по отношению к отдельной семье, но и общества в целом. На основе проведённого анализа определены виктимологические признаки жертв семейно-бытового насилия, а также сформулирован вывод о необходимости изменения вида уголовного преследования за совершение преступлений названной категории: рассматривать их в качестве общественно опасных деяний частного-публичного обвинения.

Ключевые слова: семья, семейно-бытовое преступление, семейно-бытовые отношения, виктимность, типология жертв преступлений, частно-публичное обвинение.

Одной из актуальных проблем, существующих в современной России, является большое количество насильственных преступлений в сфере семейно-бытовых отношений, получивших распространение во многих регионах страны. На протяжении нескольких лет с разной долей интенсивности отмечаются различного рода проявления насильственных действий в семьях. Они стали часто встречающимися явлениями, которые без преувеличения можно рассматривать в качестве реальной угрозы безопасности общества и государства.

Тревогу вызывает тот факт, что противоправные действия сопровождаются причинением значительного материального и морального ущерба, а также совершаются с применением физического насилия, которое с каждым днем становится все более жестоким.

Семья является фундаментом государства и обеспечение её безопасности является главным направлением в политике любой страны. Проблемы семейно-бытовых насильственных преступлений требуют большого внимания и вмешательства государства.

Семейно-бытовые насильственные преступления – это общественно опасные деяния, физического, психологического или сексуального воздействия, посягающие на жизнь и здоровье, личную свободу, честь и достоинство людей, общественный порядок, в основе которого лежат неприязненные взаимоотношения, либо внезапно возникшие конфликты между близкими родственниками, членами семьи.

Как отмечают многие авторы, около 35 % всех семейно-бытовых преступлений совершаются между супругами, 30 % между сожителями, 25 % между родственниками (родителями, братьями, сестрами, иными родственниками), 10 % между соседями [2, с. 12].

Обобщение и анализ судебно-следственной практики показал, что общественно опасные деяния указанного вида, как правило, совершаются не в публичных местах, а на закрытых от посторонних глаз территориях: квартире, индивидуальном доме, подъезде, гараже или на придомовом участке. Большинство бытовых убийств совершается по месту совместного жительства преступников и потерпевших, а именно: 84 % – в квартирах; 6 % – в общежитиях; и только 10 % – на улице или в других местах общественного пользования [7].

По данным социологического исследования ВЦИОМ, примерно четверть женщин, подвергшихся насилию, заявили, что травма была не настолько серьёзной, чтобы обращаться за помощью, или что это было бы бесполезно и не принесло бы ничего хорошего; 8 % думали, что это принесло бы дурную славу семье; 6 % боялись развода, прекращения отношений или потери детей, 5 % боялись, что если они расскажут о случившемся, то подвергнутся ещё большему насилию [6].

Д.В. Ривман предлагает следующую типологию потерпевших (жертв), основанную на характере и степени личностных качеств человека, определяющих их индивидуальное поведение в той или иной ситуации [4, с. 184].

Агрессивный тип потерпевшего. К этому типу относятся лица, оказавшиеся потерпевшими в результате проявленной ими агрессии в форме нападения на причинителя вреда или других лиц, иного провоцирующего поведения (оскорбление, клевета, издевательства и подобного рода действия). Для потерпевших этого типа характерно намеренное создание конфликтной ситуации.

Активный тип потерпевшего. К потерпевшим данного типа относятся лица, поведение которых не агрессивно и не конфликтно, од-

нако, в конечном счете приводит к причинению вреда им самим. Оно заключается в обращении с просьбой о причинении вреда или в иной форме провоцирует причинение вреда.

Инициативный тип потерпевшего. Потерпевшие подобного типа – лица, поведение которых имеет положительный характер, но приводит к причинению им вреда. Сюда относятся в первую очередь те лица, служебное или общественное положение которых делает их вмешательство в опасные ситуации обязательным.

Пассивный тип потерпевшего. Потерпевшие этого типа – лица, не оказывающие сопротивления, противодействия преступнику по различным причинам: в силу возраста, физической слабости, беспомощного состояния, трусости, из опасения ответственности за собственные противоправные или аморальные действия и т.д.

Некритичный тип потерпевшего. К потерпевшим этого типа относятся лица, демонстрирующие неосмотрительность, неумение правильно оценить жизненные ситуации. Некритичность может проявляться как на базе личностных негативных черт (алчность, корыстолюбие и других качеств), так и положительных (щедрость, доброта, отзывчивость, смелость и им подобных), а кроме того, в силу невысокого интеллектуального уровня.

Нейтральный тип потерпевшего. К этому типу относятся лица, поведение которых во всех отношениях безупречно: оно не было негативным и никоим образом не вызывало преступное действие; в пределах своих возможностей потерпевший критически осмыслил ситуацию [4, с. 185].

Существует также классификация потерпевших, предложенная А.В. Майоровым [3, с. 144]. В данной типологии потерпевших предлагается учет квалифицирующих признаков с целью выявления личностных особенностей потенциальных жертв преступлений:

Возрастные признаки. В ряде статей в качестве квалифицирующего признака состава преступления законодатель определяет охрану прав несовершеннолетних и лиц пожилого возраста.

Физиологические признаки потерпевшего в уголовном законодательстве определяются как беспомощное состояние лица, состояние беременности женщины, болезненное состояние.

Психологическое состояние лица законодателем закреплено в качестве привилегированных составов. Так, ст. 107 и ст. 113 Уголовного кодекса РФ [1, с. 50] [1, с. 54] предусматривают состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта) [3, с. 143].

Семейно-бытовое насилие появляется в различных формах, это может быть: постоянный контроль за действиями супруги, единолич-

ное принятие решений, игнорирование желаний и мнений членов семьи, оскорбление, унижение, запугивание в форме действий, манипуляция детьми, сексуальное домогательство, психологическое насилие, причинение различной степени тяжести вреда здоровью.

Домашний тиран своими преступными действиями вырабатывает у жертвы так называемый «стокгольмский синдром». Заставляя ощущать её беспомощной, зависимой от тирана, оправдывать его поступки, чувствовать себя виноватой в конфликтной ситуации, проявляется неуверенность в себе.

В Российской Федерации для жертв семейного насилия функционируют кризисные центры, центры психологической помощи, «телефоны доверия», общественные организации «Анна», «Женский союз», «Женщины Дона», правозащитное движение «Спротивление», оказывающие помощь жертвам домашнего насилия.

Согласно экспертным оценкам, основная часть потерпевших жертв от домашнего насилия не обращается за помощью в соответствующие государственные органы и общественные организации по следующим причинам: нежелание выносить бытовые проблемы на суд общественности; надежда на самостоятельное разрешение конфликта; страх мести со стороны насильника; стыд перед окружающими; опасение лишиться жилплощади; нежелание разрушать семью [5 с. 57]. По этой причине преступления в сфере семейно-бытовых отношений являются наиболее латентным видом преступления.

Семейно-бытовые насильственные преступления подпадают под квалификацию составов преступлений предусмотренных гл. 16 Уголовного кодекса РФ «Преступления против жизни и здоровья, среди которых преобладают убийство (ст. 105 УК РФ); умышленное причинение вреда здоровью различной степени тяжести, побои, истязания (ст. ст. 111, 112 115, 116 УК РФ); угроза убийством, преступления, посягающие на половую свободу и неприкосновенность (ст. ст. 131-132 УК РФ) [1, с. 65].

На сегодняшний день государство должным образом не обеспечивает защиту жертв домашнего насилия. Поскольку возбуждение уголовных дела зависит от воли жертвы, так как затрагиваются её права и интересы. Уголовное дело будет возбуждено только по заявлению пострадавшего, и при этом правоохранные органы не будут способствовать в доказывании вины тирана.

Тем самым жертве домашнего насилия приходится выступать с одной стороны как потерпевшей, рассчитывая на защиту своих интересов со стороны государства, а с другой стороны быть обвинителем, добываясь осуждения виновного, собирать доказательства. Так как

обычный гражданин не знает основ процессуального преследования, они не способны должным образом доказать вину тирана. Таким образом, уголовные дела частного обвинения прекращаются либо при причине примирения сторон, либо по причине отсутствия доказанности в полной мере вины.

Действующее уголовное законодательство не в должной мере обеспечивает защиту лиц от насильственных посягательств в семейно-бытовой сфере. В связи с этим целесообразно внести изменение в ст. 116 УК РФ, а именно: «Нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса, в отношении близких лиц, а равно из хулиганских побуждений, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, наказываются...» [1, с. 59].

Данная норма позволит установить контроль над проявлением агрессии в семейно-бытовых отношениях и законодательно предупредить проявление акта насилия в семье.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что насилие в семье представляет собой сложное социально-правовое явление, которое требует к себе постоянного внимания не только со стороны общества, но и государства, а в первую очередь в лице его правоохранительных органов.

Список литературы:

1. Богомолова К.И., Роик А.А. О некоторых особенностях семейно-бытовой преступности // Сибирские уголовно-процессуальные криминалистические чтения. 2019, № 2 (24), с.11-14;
2. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10215>
3. Официальный сайт МВД РФ// <https://мвд.рф/reports/item/804701>
4. Майоров А.В. Виктимологическая модель противодействия преступности: монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 224 с.
5. Ривман Д.В. Криминальная виктимология – СПб.: Питер, 2002. – 304 с.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 3-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ 1996. № 25;
7. Шикун И.Р. Актуальные проблемы уголовно-правовой охраны прав и свобод потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии: российский и зарубежный опыт. М.: Юрлитинформ, 2021 С. 115

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С МОШЕННИЧЕСТВОМ В РОССИИ

Левендеев Максим Николаевич

*слушатель факультета заочного обучения
Санкт-Петербургского университета МВД России,
РФ, г. Санкт-Петербург*

Пасынков Вячеслав Владимирович

*научный руководитель, доц.
кафедры криминологии
Санкт-Петербургского университета МВД России,
РФ, г. Санкт-Петербург*

Аннотация. Статья посвящена криминологическим аспектам проблемы мошенничества в рамках законодательства Российской Федерации. Авторы анализируют основные виды мошенничества, преобладающие в российском обществе, а также исследуют специфические методы их совершения.

Ключевые слова: общественная опасность, уголовный кодекс, преступление, общественные отношения, мошенничество, преступная деятельность, уголовное преследование.

Мошенничество – одна из наиболее острых проблем в современном обществе, особенно в контексте его существования в России. С развитием информационных технологий и расширением интернета мошенничество обрело новые формы и возможности, что требует комплексного подхода к его противодействию.

Виды мошенничества в России

1. Интернет-мошенничество. В связи с активным развитием интернета, сфера онлайн-мошенничества становится все более распространенной, что включает в себя фишинг, кибератаки, мошенничество на онлайн-аукционах и другие формы подобного рода.

2. Финансовые схемы. В России встречаются различные финансовые пирамиды, схемы обмана инвесторов и другие махинации, целью которых является незаконное обогащение.

3. Коррупция. Коррупция остается серьезной проблемой, охватывающей различные сферы общественной жизни, включая бизнес, государственные структуры и правоохранительные органы.

Факторы, способствующие мошенничеству

- **Экономическая нестабильность.** Нестабильность экономической ситуации способствует увеличению числа случаев мошенничества, так как люди становятся более уязвимыми перед обещаниями легкого обогащения.

- **Недостаточное применение законодательства.** Несмотря на наличие законов, иногда их недостаточно строго применяют или нарушают, что создает условия для безнаказанности мошенников.

- **Слабость правоохранительных органов.** Недостаточная эффективность правоохранительных органов и судебной системы затрудняет расследование и наказание мошенников.

Борьба с мошенничеством включает в себя следующие методы:

- **Превентивные программы.** Введение превентивных программ, направленных на повышение осведомленности населения о методах мошенничества и способах защиты от них.

- **Уголовное преследование.** Усиление мер уголовного преследования мошенников, а также повышение квалификации правоохранительных органов для более эффективной борьбы с преступлениями.

- **Социально-экономические меры.** Принятие мер по улучшению экономической ситуации, обеспечению равного доступа к образованию и здравоохранению, что может уменьшить уязвимость населения перед мошенничеством.

- **Повышение правовой культуры.** Развитие правовой культуры населения, осознание его прав и обязанностей, а также укрепление доверия к системе правосудия представляют собой основные составляющие усовершенствования понимания граждан.

Мошенничество остается серьезной угрозой для российского общества, и противодействие ему требует совместных усилий со стороны государственных органов, общественных организаций и граждан. Только посредством комплексного подхода можно добиться значительных результатов в борьбе с этим явлением.

Специфика современной проблематики борьбы с мошенничеством в России определяется не только ускоренным обновлением форм этого негативного явления, но и чрезвычайно быстрым ростом его зарегистрированного объема. Темп прироста фиксированных фактов мошенничества в России значительно опережал аналогичный среднемировой показатель за последние годы [4].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что чрезвычайно высокий уровень латентности мошенничества, по нашему мнению, не позволяет с уверенностью судить не только о реальном объеме общественно-

опасных деяний, содержащих признаки мошенничества, но и о реальных тенденциях в изменении количественных и качественных свойств данного вида преступлений.

Современная проблематика борьбы с мошенничеством в России включает в себя: [3]

- Разработку концепции борьбы с мошенничеством в различных секторах экономики, отвечающей целям шадящего государственного регулирования рыночной экономики, при которой полицейские методы борьбы с мошенничеством занимали бы подчиненное положение по отношению к экономическим, информационным, политическим, гражданско-правовым.

- Разработку комплекса высокоэффективных мер борьбы с мошенничеством, подлежащих включению их в федеральную и региональные целевые программы по усилению борьбы с преступностью.

- Усовершенствование законодательного (в том числе уголовно-правового, административно-правового, гражданско-правового) и иного нормативного обеспечения борьбы с мошенничеством, удовлетворяющего целям нынешнего этапа социально-экономической реформы.

- Развитие организационно-структурного обеспечения борьбы с мошенничеством с учетом накопленного в течение последних 10 лет опыта расследования преступлений данного вида, совершаемых в различных секторах экономики.

- Развитие информационно-методического обеспечения деятельности по предупреждению, расследованию, назначению наказаний за мошенничество, обеспечению пост пенитенциарного контроля за лицами, ранее совершавшими мошенничество, возмещению вреда, причиненного в результате мошенничеством.

- Совершенствование системы подготовки кадров для правоохранительных органов, наделенных компетенцией в сфере борьбы с мошенничеством, учитывающее специфику мошенничества, совершаемого в различных секторах экономики.

- Развитие международного сотрудничества в сфере борьбы с транснациональным мошенничеством, прежде всего, с его организованными формами.

Каждая из названных проблем заслуживает самостоятельного глубокого исследования. По этой причине в настоящей работе будет обозначен лишь концептуальный аспект соответствующих вопросов. Приоритетность разрешения задач разработки концепции борьбы с мошенничеством в различных секторах экономики, отвечающих целям шадящего государственного регулирования рыночной экономики, при котором бы полицейские методы борьбы с рассматриваемым авторами

явлением занимали бы подчиненное положение по отношению к экономическим, информационным, политическим, гражданско-правовым – очевидна.

Исследование отечественного и зарубежного опыта борьбы с мошенничеством показывает, что значение концептуального обеспечения всех форм социального реагирования на данный вид преступления традиционно недооценивается. Наука нередко "плетется в хвосте" криминальной реальности, будучи вынужденной констатировать появление новых его видов в тех или иных секторах экономики, оправдывать или, напротив, отвергать спонтанно принимаемые органами государственной власти меры реагирования на преступность. При этом нельзя не видеть и другой тенденции: своевременно сделанные предупреждения ученых, даже оформленные в виде документов концептуального значения, зачастую игнорируются на практике.

Причина этого не только в отсутствии средств для опережающего реагирования на новые криминальные угрозы, но и в отсутствии правового механизма, обязывающего внедрять результаты научных исследований в правоприменительную практику [11].

Проблема концепции борьбы с мошенничеством включает, по крайней мере, следующие аспекты:

- форма закрепления и формы реализации данной концепции;
- сферы правового регулирования, наиболее уязвимые от мошенничества;
- правовые механизмы защиты населения от последствий мошенничества, ставшего возможным при попустительстве органов государственной власти, местного самоуправления и их должностных лиц;
- соотношение различных мер борьбы с мошенничеством между собой;
- конечные цели борьбы с мошенничеством;
- критерии повышенной опасности мошенничества, указывающие на необходимость применения специального планирования борьбы с ним;
- основной факторный комплекс мошенничества.

Решение проблемы нормативного закрепления концепции борьбы с мошенничеством, с нашей точки зрения, не должно ограничиваться рамками отражения соответствующих концептуальных положений в федеральной целевой программе по усилению борьбы с преступностью. Некоторые формы мошенничества (например, мошенничество с участием высших должностных лиц федеральных органов государственной власти, мошенничество в сферах банковской деятельности, исполнения бюджета, приватизации государственного и муниципаль-

ного имущества, выпуска ценных бумаг, пенсионного страхования и др.) из-за крайней опасности "заслуживают" отдельных концепций и специальных программ, которые могли бы приниматься на межведомственном уровне при координирующей роли Генеральной прокуратуры РФ.

Форма закрепления такой концепции предполагает принятие совместного приказа руководителей правоохранительных и контролирующих органов, в компетенцию которых входит принятие различных мер государственного реагирования на рассматриваемый вид преступлений. Вместе с тем указанное решение проблемы нельзя признать удовлетворительным во всех отношениях. Основными его недостатками являются:

а) невозможность включения в такие специальные программы законодательных мер;

б) неизбежно скромная роль институтов гражданского общества в их реализации [13].

Проблема перечня секторов экономики, наиболее уязвимых для мошенничества и, соответственно, требующих приоритетной защиты, предполагает одновременное использование нескольких критериев, операционализация которых должна осуществляться на основе имеющихся криминологических данных.

Выборочный анализ этих данных позволяет составить примерный перечень таких секторов. В их число, прежде всего, следует включить следующие области:

- бюджетного кредитования;
- кредитно-банковской деятельности;
- эмиссии ценных бумаг;
- приватизации государственного и муниципального имущества;
- государственных и муниципальных закупок;
- лицензирования и регистрации отдельных видов деятельности, экспертизы и сертификации продукции и услуг;
- предоставления и получения зарубежной финансовой и гуманитарной помощи;
- торговли;
- оказания услуг (прежде всего, транспортных, телекоммуникационных, бытовых; услуг для детей).

Концептуальное значение в современных условиях приобрела потребность в создании высокоэффективных правовых механизмов защиты населения от последствий мошенничества, ставшего возможным при попустительстве органов государственной власти, местного самоуправления и их должностных лиц.

Многoletние попытки пяти миллионов граждан, пострадавших от мошенничества, реализованного посредством создания финансовых пирамид и других афер, добиться компенсации, не привели к успеху, прежде всего потому, что подобные пирамиды функционировали при прямом попустительстве государственных органов власти, устранившихся от сколько-нибудь детального регулирования такого рода лже-предприятий, принцип действия которых был хорошо известен с начала 20-х годов прошлого века.

Первая попытка создать правовой механизм имущественной ответственности российского государства за причинение гражданам и организациям вреда в результате халатности своих должностных лиц была предпринята в Законе РСФСР "О собственности", ст. 30 которого позволяла предъявлять гражданам иски государству. Однако уже первые попытки людей использовать это положение закона для защиты своих прав привели к отмене ст.30. Характерно то, что до настоящего времени Россия не подписала Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, которая предусматривает ответственность российского государства за действия своих коррумпированных чиновников.

Данная проблема может быть концептуально разрешена следующим образом: российское государство должно нести ответственность за вред, причиняемый российскому гражданину в результате мошеннических действий, обусловленных недостатками нормативных правовых актов, либо совершенных в соучастии с должностными лицами государственных органов власти или местного самоуправления, либо их учреждений. [17]

Решение концептуальной проблемы соотношения различных мер борьбы с мошенничеством между собой предполагает выстраивание некоей криминологически обоснованной иерархии таких мер. Традиционно в системе подобных мероприятий господствующее положение занимают средства ответственности, прежде всего, уголовной.

Сегодня, по-видимому, уже ни у кого из специалистов не вызывает сомнения то, что меры ответственности (включая уголовно-правовые) не могут принести желаемого результата прежде всего из-за гиперлатентности данного вида преступлений. Ясное понимание сути проблемы, однако, не приводит к тому, что профилактика становится реальным приоритетом в системе государственных мер реагирования на мошенничество.

Проблема определения конечной цели борьбы с мошенничеством имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Очевидно, что ликвидация данного вида преступлений не под силу ни одному

государству. Вместе с тем любое индустриальное общество в состоянии взять на себя заботу информирования своих граждан обо всех известных способах обмана или злоупотребления доверием, которые используются для завладения их имуществом, а также об экономическом воспитании, предполагающем ясное понимание меры рисков, которые несут сами люди, занимаясь тем или иным видом экономической деятельности. Таким образом, конечная цель борьбы с мошенничеством может сводиться к ограничению распространенности этого вида преступлений до уровня, терпимого для населения, которое правильно понимает меру своей ответственности за риски, связанные с занятием экономической деятельностью [5].

Выделение среди всех форм мошенничества наиболее опасных представляется нам чрезвычайно сложной задачей, главным образом, из-за множества известных форм таких преступлений. Тем не менее, анализ имевшихся в нашем распоряжении результатов научных исследований позволил заключить, что наиболее общие формы мошенничества должны быть выделены как необходимый концептуальный ориентир для построения всей системы мер борьбы с описанным нами явлением на основе следующих объективных критериев:

- соответствие единичного деяния признакам мошенничества, предусмотренного ч.3 ст. 159 УК РФ;
- непосредственная угроза экономической безопасности;
- угроза причинения имущественного ущерба более чем 1 % населения;
- непосредственное участие в мошенничестве должностного лица, занимающего государственную должность, предусмотренную Конституцией РФ или конституцией (уставом) субъекта РФ;
- совершение поступления на территории нескольких субъектов РФ или нескольких суверенных государств;
- совершение преступления в составе преступного сообщества (преступной организации).

Проблема выделения основного факторного комплекса мошенничества является концептуальной уже по той причине, что от ее разрешения зависит обоснованность и эффективность всего комплекса мер, направленных на борьбу с мошенничеством. Ключевым аспектом данной проблемы является обособление от всей (в философском смысле бесконечной) массы явлений, оказывающих то или иное влияние на мошенничество, причем наиболее весомых. Теоретическая неразрешимость данного подхода длительное время служила своеобразным "табу" на использование самого понятия "фактор преступности" в отечественных криминологических исследованиях. Тем не менее, с нача-

ла 90-х годов прошлого века в ряде исследований по проблемам планирования борьбы с преступностью, выполненных под руководством проф. Г.М. Миньковского, были достаточно убедительно обоснованы пределы использования метода факторного анализа в криминологических исследованиях.

При разработке этиологического аспекта концепции борьбы с мошенничеством, допустимо основываться на следующих предпосылках:

- Характеристики факторного комплекса мошенничества не следует отождествлять с многофакторной моделью детерминации преступности, предложенной Э. Ферри в 1896 году;
- Необходимо различать:
 - а) факторы мошенничества, рассматриваемого в качестве абстрактного преступления;
 - б) факторы, детерминирующие отдельные виды и разновидности мошенничества;
 - в) факторы конкретного мошенничества.
- Обособление конкретного факторного комплекса мошенничества осуществляется на основе принципа общей природы, составляющих его содержание явлений.

Криминогенные и антикриминогенные факторы мошенничества могут меняться местами.

Например, в отечественной криминологии традиционно считается, что повышение уровня образования населения в среднем должно приводить к снижению уровня преступлений. Однако в случае с мошенничеством вполне очевидно следующее:

- а) повышение уровня образованности мошенника почти функционально связано с его профессионализмом и, соответственно, с неуязвимостью от уголовного преследования;
- б) повышение общего уровня образованности не ведет к снижению специальной виктимности, входящей в факторный комплекс мошенничества. Доверчивость нередко сопутствует образованности.

Обозначенный в настоящей работе круг вопросов не является исчерпывающим и служит лишь примерным ориентиром для углубленного исследования уголовно-правовых и криминологических проблем борьбы с мошенничеством.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // СПС Консультант Плюс. – (дата обращения: 06.02.2024).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 29.11.2016) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС Гарант. – (дата обращения: 06.02.2024).
3. Владимиров В.А. Квалификация преступлений против личной собственности / В.А. Владимиров – М., 2008. – 256с.
4. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности / Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов – М., 2009. – 310с.
5. Жариков Е. Мошенничество в бизнесе / Е. Жариков // Управление персоналом. – 2006. – 361с.
6. Клепицкий И. Мошенничество и правонарушения гражданско-правового характера / И. Клепицкий // Законность. – №6 2011.
7. Клепицкий И. Мошенничество и правонарушения гражданско-правового характера / И. Клепицкий // Законность. 2012. – № 7. С. 42-43.
8. Козаченко З.А., Незнамова З.А., Новоселова Г.П. Уголовное право. Особенная часть / З.А. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселова – М.: "Юриспруденция" 2011. – 213с.
9. Колмыков Ю.Б. Уголовное право / Под ред. Ю.Б. Колмыкова – М., 2011. – 367с.
10. Кривенко Т., Куранова З. Расследование мошенничества в частном предпринимательстве / Т. Кривенко, З. Куранова // Законность. №4 –2012.
11. Кригер А. История мошенничества / А. Кригер // Юрист. 2012. – №10 С. 41-45.
12. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений – 2-е изд., перераб. и дополн. М., 1999. С. 304.
13. Лимонов В. Понятие мошенничества / В. Лимонов // Законность. – №7, 2013.
14. Лимонов В.П. Уголовно правовая оценка мошенничества / В.П. Лимонов // Российское право 2011 – №12. С. 80.
15. Мысловский Е. Нетрадиционные формы мошенничества и растраты / Е. Мысловский – М., 2008. – 626с.
16. Ткаченко В. Мошенничество / В. Ткаченко // Юридическая газета. 2013. № 4.
17. Чащина Л. Ошибки квалификации при рассмотрении дел о мошенничестве / Л. Чащина // Российская юстиция. 2009. № 10. С. 50.
18. Якушева И.М. Уголовное право в вопросах и ответах / Под ред. И.М. Якушевой – М., 2006. – 459с.

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

Хоанг Ван Луан

капитан полиции СРВ,
канд. юрид. наук, преподаватель
кафедры юриспруденции,
Академии Народной полиции,
Вьетнам, г. Ханой

GENERAL PROVISION ON CRIMINAL LIABILITY UNDER THE CRIMINAL LAW OF THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM

Hoang Van Luan

Police Captain, Socialist Republic of Vietnam,
PhD in Law, lecturer at the
Department of Jurisprudence of the
Vietnam People's Academy of Police,
Vietnam, Hanoi

Аннотация. В статье автор исследовал понятие уголовной ответственности, а также проанализировал её основания и основные признаки.

Abstract. In the article the author investigated the concept of criminal responsibility, as well as analyzed its grounds and main features.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уголовное право Вьетнам.

Keywords: criminal liability, Vietnamese criminal law.

Уголовная ответственность является одним из ключевых понятий уголовного права. Прежде всего, термин «ответственность» используется во многих сферах общественной жизни. Ответственность можно охарактеризовать как обязательство, которое необходимо выполнить, взять на себя или принять. В области этики «ответственность» понимается как чувство долга и осознание своей роли в обществе. В области права это понятие трактуется в различных объемах и на разных уровнях. Под «ответственностью» обычно подразумеваются обязанности и обязательства, установленные законом для исполнения опреде-

ленными субъектами. Примеры таких обязанностей включают ответственность родителей, детей, опекунов, руководителей и других категорий лиц. Когда субъекты выполняют возложенные на них обязанности, активно используют свои права и прилагают усилия для достижения наилучших результатов, их действия считаются «ответственными». В противном случае их поведение квалифицируется как «безответственное». Безответственность, в зависимости от ее степени, может рассматриваться как административное правонарушение, дисциплинарное нарушение или уголовное преступление.

Кроме того, под «ответственностью» подразумеваются неблагоприятные последствия, которые субъект обязан понести за свои действия, совершенные вопреки общественным нормам, установленным требованиям или законам. Таким образом, субъект несет ответственность за допущенные им нарушения правовых норм.

В случае нарушения закона субъектом государство имеет право применить меры для привлечения нарушителя к юридической ответственности. В зависимости от характера и тяжести нарушения субъект может нести различную степень юридической ответственности.

Юридическая ответственность классифицируется по различным критериям, но наиболее часто выделяют следующие виды: уголовная, гражданская, административная и дисциплинарная ответственность. Уголовная ответственность, в свою очередь, представляет собой форму юридической ответственности, при которой государство применяет принудительные меры к физическому или юридическому лицу, совершившему преступление. Эти меры направлены на возмещение вреда обществу в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния.

Лицо или коммерческая юридическая организация, признанные виновными в совершении преступления, подлежат уголовному преследованию, судебному разбирательству и применению санкций (таких как штрафы или иные меры уголовно-правового характера). Кроме того, такие субъекты приобретают судимость, что является дополнительным неблагоприятным последствием.

Понятие уголовной ответственности можно определить следующим образом: уголовная ответственность – это неблагоприятные правовые последствия, которые физическое или коммерческое юридическое лицо, совершившее преступление, обязано понести перед государством в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. Эти последствия устанавливаются на основании вступивших в законную силу решений суда и включают меры уголовно-исполнительного характера, предусмотренные законом.

Основания уголовной ответственности являются одним из ключевых вопросов уголовного права. От того, как они будут определены, напрямую зависит уголовная политика государства, включая теоретические и практические аспекты построения правового государства. Кроме того, это влияет на реализацию важнейших принципов социалистического права, таких как принцип законности, уважение и защита прав человека, а также обеспечение прав юридических лиц.

Таким образом, данный вопрос имеет не только важное значение для уголовного права, но и обладает глубоким политическим смыслом.

Согласно статье 2 Уголовного кодекса СРВ 2015 года [1, С. 3]:

1. К уголовной ответственности может быть привлечено только лицо, совершившее преступление, предусмотренное Уголовным кодексом.

2. Уголовной ответственности подлежит также коммерческое юридическое лицо, если оно совершило преступление, указанное в статье 76 настоящего Кодекса [1, С. 3].

Таким образом, уголовная ответственность распространяется как на физических, так и на коммерческие юридические лица, совершившие преступления. Однако физические лица несут ответственность за все преступления, предусмотренные Уголовным кодексом, тогда как коммерческие юридические лица привлекаются к ответственности исключительно за преступления, перечисленные в статье 76.

Статья 76 Уголовного кодекса охватывает 33 статьи, касающиеся преступлений, связанных с посягательством на экономическую деятельность, порядок управления, экологические преступления, а также преступления, угрожающие общественной безопасности и общественному порядку.

В науке уголовного права, несмотря на существующие различия в трактовке признаков уголовной ответственности, большинство исследователей выделяют следующие её характеристики:

- Уголовная ответственность представляет собой особую форму юридической ответственности, применяемую к физическим или коммерческим юридическим лицам, совершившим преступления, предусмотренные Уголовным кодексом. Если уголовная ответственность физических лиц существует с момента формирования и развития вьетнамского уголовного законодательства, то уголовная ответственность коммерческих юридических лиц была впервые закреплена в Уголовном кодексе СРВ 2015 года [2, С. 26].

- Уголовная ответственность – это специфическая форма общественных отношений, возникающая между лицом или коммерческим юридическим лицом, совершившим преступление, и государством.

Эти отношения возникают на основе совершения преступления и выражаются в обязанности нарушителя нести ответственность перед государством. Государство, в свою очередь, обладает правом привлекать такие лица к уголовной ответственности и применять к ним установленные законом меры наказания.

- Привлечение физических и коммерческих юридических лиц к уголовной ответственности осуществляется в порядке и по процедурам, установленным Законом об уголовном судопроизводстве. Органы и лица, участвующие в уголовном процессе, обязаны действовать строго в рамках установленных норм.

- Физическое или коммерческое юридическое лицо, совершившее преступление, несет уголовную ответственность, что означает наступление неблагоприятных юридических последствий. Эти последствия включают применение наказаний или других мер уголовно-правового характера, ограничение определённых прав и интересов, а также постановление о виновности, вступившее в законную силу. Необходимо понимать, что наказание является лишь одной из специфических мер уголовной ответственности. Кроме того, судебные меры также представляют собой особые меры уголовной ответственности. Это строгие меры принуждения, при которых наказания считаются наиболее суровыми мерами воздействия, применяемыми судом к физическим или коммерческим юридическим лицам, совершившим преступления. Государство использует эти меры для воздействия на правонарушителей с целью их наказания, воспитания и исправления, чтобы они стали честными гражданами или юридическими лицами, полезными обществу и способствующими предотвращению преступности.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс СПб 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17225> (дата обращения: 29.04.2024).
2. Уголовное право. Общая часть. Учебник для ВУЗ. Академия народной полиции. Ханой 2017г.

ОРГАНИЗАЦИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ КОНТРОЛЯ ЗА ОХРАНОЙ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ

Эрентраут Ярослав Валерьевич

*студент 2 курса магистратуры,
БУ ВО «Сургутский
государственный университет»,
РФ, г. Сургут*

ORGANIZATION AND IMPROVEMENT OF MECHANISMS FOR MONITORING THE PROTECTION OF PRIVATE LIFE BY LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Yaroslav Erentraut

*2 nd year master's degree student,
Surgut State University,
Russia, Surgut*

Аннотация. В статье рассматриваются организация и совершенствование механизмов контроля за охраной частной жизни правоохранительными органами. Актуальность темы связана с тем, что в условиях стремительного развития информационных технологий и повсеместного распространения цифровых данных, проблема охраны частной жизни граждан приобретает особое значение. Совершенствование механизмов контроля за охраной частной жизни правоохранительными органами становится основой обеспечения гражданских прав и свобод в демократическом обществе. Цель написания статьи заключается в разработке предложений по совершенствованию механизмов контроля за соблюдением прав граждан на охрану частной жизни правоохранительными органами. Для достижения цели необходимо решить задачи, направленные на анализ действующего законодательства в области охраны частной жизни и его соответствие международным стандартам и оценку роли совершенствования механизмов контроля за охраной обеспечения частной жизни граждан. В статье используются такие методы исследования, как анализ нормативных актов, сравнительный и системный методы. Теоретическая значимость статьи заключается в углубленном анализе проблемы взаимодействия правоохранительных органов и прав граждан на частную жизнь в условиях современных технологий. Практическая значимость заключается в разработке реко-

мендаций по совершенствованию механизмов контроля за действиями правоохранительных органов. В результате исследования были выделены ключевые проблемы, связанные с правомочностью вмешательства правоохранительных органов в частную жизнь граждан, а также механизмы контроля за такими действиями.

Abstract. The article discusses the organization and improvement of mechanisms for monitoring the protection of private life by law enforcement agencies. The relevance of the topic is related to the fact that in the context of the rapid development of information technologies and the widespread dissemination of digital data, the problem of protecting the privacy of citizens is of particular importance. Improving the mechanisms of control over the protection of private life by law enforcement agencies is becoming the basis for ensuring civil rights and freedoms in a democratic society. The purpose of this article is to develop proposals to improve the mechanisms for monitoring the observance of citizens' rights to privacy by law enforcement agencies. To achieve this goal, it is necessary to solve the tasks aimed at analyzing the current legislation in the field of privacy protection and its compliance with international standards and assessing the role of improving control mechanisms for the protection of private life of citizens. The article uses such research methods as the analysis of normative acts, comparative and systematic methods. The theoretical significance of the article lies in an in-depth analysis of the problem of interaction between law enforcement agencies and citizens' rights to privacy in modern technology. The practical significance lies in the development of recommendations for improving the mechanisms of control over the actions of law enforcement agencies. As a result of the study, key problems related to the legality of law enforcement agencies' interference in the private lives of citizens, as well as mechanisms for monitoring such actions, were identified.

Ключевые слова: частная жизнь, охрана частной жизни, правоохранительные органы, законодательство, государственные органы.

Keywords: private life, protection of private life, law enforcement agencies, legislation, government agencies.

В настоящее время неприкосновенность частной жизни граждан является одним из основополагающих прав, закрепленных в Конституции Российской Федерации, и ее защита имеет особое значение при проведении следственных действий. Несмотря на необходимость обеспечения безопасности общества и выявления преступлений, вмешательство в личную жизнь индивида должно быть строго ограничено законом, с целью недопущения злоупотреблений со стороны право-

охранительных органов. Установление четких и справедливых механизмов контроля за действиями сотрудников правоохранительных органов в этом контексте приобретает особое значение, поскольку нарушение неприкосновенности частной жизни в ходе следственных действий может привести к ущемлению прав человека и поставить под сомнение законность всего следственного процесса.

Одной из ключевых проблем является обеспечение того, чтобы все действия, связанные с вмешательством в частную жизнь, такие как обыск, выемка документов, прослушивание частных переговоров, не нарушали конституционных прав граждан и проводились в строгом соответствии с нормами уголовного законодательства[2, с. 9]. Уголовный кодекс Российской Федерации и другие нормативно-правовые акты регулируют порядок проведения следственных действий, связанных с нарушением частной жизни, таких как, например, незаконное получение или распространение сведений, составляющих личную тайну. Однако правовые нормы часто не обеспечивают достаточно высокой степени защиты от возможных злоупотреблений со стороны правоохранительных органов. Например, вмешательство в тайну переписки или нарушении неприкосновенности жилища должно быть ограничено четко определенными условиями, и в каждом случае должно быть ясно обосновано, почему такое вмешательство необходимо для расследования преступления.

Законодательство должно обеспечивать баланс между правами граждан на неприкосновенность частной жизни и правом государства на расследование преступлений[3, с. 66]. Однако правоохранительные органы часто используют неоправданные методы вмешательства в частную жизнь, что подрывает доверие граждан к правовому государству и затрудняет эффективную защиту частной жизни. Любые следственные действия, связанные с личной тайной, должны быть предусмотрены и ограничены уголовным законом, чтобы исключить возможность произвольных действий со стороны государственных органов.

Особое внимание стоит уделить правам человека в процессе контроля за применением средств слежки и других подобных методов. Вмешательство в личную жизнь через прослушивание разговоров, использование технических средств для получения информации без ведома граждан, должно осуществляться только по строгому процессуальному порядку, с согласованием суда и обоснованием необходимости таких действий в рамках расследования. Без такого контроля соблюдение прав граждан на неприкосновенность личной жизни становится невозможным.

В последние годы в России наблюдается значительный прогресс в обеспечении неприкосновенности частной жизни, что связано с улучшением восприятия рекомендаций правоведов и более активным внедрением их идей в законодательство. Федеральный закон от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ внес изменения в часть 1 статьи, исключив из нее слова, связанные с корыстной или иной личной заинтересованностью. Этот шаг демонстрирует движение в сторону защиты прав граждан, обеспечивая большую гибкость в применении закона и акцентируя внимание на реальных угрозах частной жизни. Однако такие изменения не всегда могут охватить все нюансы современных угроз, например, в случае с Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ, который исключил часть 3 статьи 138 УК РФ и перенес ее положения в новую статью 138.1. Здесь законодатель реагирует на развитие технологий, но, возможно, еще не до конца учитывает все аспекты правонарушений, связанных с нарушением частной жизни, особенно в цифровом контексте.

Научные предложения, касающиеся расширения ответственности за незаконное распространение личной информации через компьютерные сети и Интернет, становятся особенно серьезными [5, с. 1110]. Необходимо введение повышенной ответственности за распространение сведений о частной жизни, т.к. использование электронных средств должно стать неотъемлемой частью состава преступления. Законодатель частично учел эти предложения в Федеральном законе от 28 декабря 2013 года № 432-ФЗ, который добавил в статью 137 УК РФ упоминание информационно-телекоммуникационных сетей. Однако этого недостаточно, так как закон ограничивает сферу его применения исключительно информацией, касающейся несовершеннолетних. Такие ограничения не учитывают всю многогранность современных угроз, связанных с распространением личных данных, и оставляют значительные пробелы в защите прав граждан, особенно в условиях повсеместного использования Интернета.

На международном уровне вопросы защиты частной жизни также получили развитие, что влияет на внутреннюю правовую политику России. Международные документы, такие как Всеобщая декларация прав человека и Европейская конвенция о защите прав человека, задают вектор для совершенствования национальных законодательств, подчеркивая значение защиты частной жизни как одного из основополагающих прав человека. Влияние международных стандартов все чаще становится катализатором для изменений в российской уголовно-правовой политике, которая теперь более активно стремится интегрировать международный опыт для повышения эффективности механизмов

мов защиты частной жизни граждан. Российское законодательство нуждается в учете современных вызовов, особенно связанных с развитием информационных технологий.

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации утверждена Указом Президента от 09.05.2017 № 203. Стратегия ориентирована на повышение качества жизни граждан, обеспечение конкурентоспособности России и развитие социально-политической сферы, в том числе через совершенствование системы государственного управления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Одним из направлений этой стратегии является обеспечение неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, а также безопасность информации ограниченного доступа[1, с. 92]. Несмотря на положительную направленность этой стратегии, необходимо учитывать, что она сталкивается с новыми вызовами, связанными с быстрым развитием технологий и угрозами, которые могут возникать в цифровой среде.

В рамках Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента от 9 сентября 2000 года № Пр-1895, защита информации, которая обеспечивает личную безопасность. Современные реалии требуют, чтобы законодательство и правоприменительная практика оперативно реагировали на изменение угроз, связанных с несанкционированным распространением личной информации, и обеспечивали быструю адаптацию правовых норм к новейшим вызовам в сфере цифровых технологий.

Основные проблемы при организации механизмов контроля за охраной частной жизни правоохранительными органами[4, с. 395]:

1. Ограничения применения законодательства – нормы, касающиеся защиты личной информации, ограничены только несовершеннолетними или определенными категориями данных, что не охватывает все виды угроз. Необходимо расширить сферу применения законодательства, включив ограничения на категории граждан и виды информации.

2. Неоперативное реагирование на технологические изменения – законодательство часто не успевает адаптироваться к быстрым изменениям в информационных технологиях. Следует разработать механизм для оперативной корректировки законодательства, чтобы оно соответствовало текущим угрозам.

3. Неэффективная защита в цифровой среде – существующие законы не всегда эффективно регулируют защиту данных в Интернете и социальных сетях. Необходимо создать специализированные законы для защиты личных данных в цифровом пространстве.

4. Баланс между защитой частной жизни и правом на информацию – необходимо найти грань между защитой частной жизни и доступом к общественно значимой информации. Следует разработать нормы, которые обеспечат сбалансированную защиту частной жизни, не ограничивая свободу информации.

Таким образом, процесс совершенствования законодательства в сфере защиты частной жизни должен включать в себя законодательные изменения, внедрение научных предложений, мониторинг международной практики, а также гибкость в реагировании на быстро меняющиеся реалии информационного общества. Законодательные инициативы должны своевременно реагировать на вызовы, создавая эффективные механизмы защиты частной жизни в условиях глобализации и цифровизации общества.

Список литературы:

1. Вабищевич В.В. О некоторых вопросах совершенствования уголовно-правовой охраны персональных данных и информации о частной жизни // Право.by. 2023. № 4 (84). С. 89-96.
2. Квашиш В.Е. О пределах допустимого вмешательства государства в частную жизнь // Общество и право. 2020. № 1 (71). С. 8-12.
3. Подвысоцкая Я.Д. Правовое регулирование охраны изображения и частной жизни гражданина // Лучшая студенческая работа 2022. Пенза, 2022. С. 65-68.
4. Семенцова И.А., Шерстобитова А.А. Проблемы охраны частной жизни граждан в цифровом пространстве // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы. Москва, 2024. С. 393-396.
5. Хубутдинова Э.И. Правовые аспекты неприкосновенности частной жизни // Экономика и социум. 2020. № 4 (71). С. 1109-1112.

4.10. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

ПРИНЦИП ПУБЛИЧНОСТИ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЗАЩИТЫ

Даудова Сабият Абдуллаевна

студент

группы ЮЗМ-233 Волгоградского

государственного университета,

магистр,

РФ, г. Волгоград

THE PRINCIPLE OF PUBLICITY AND EVIDENTIARY LAW: RELATIONSHIP AND IMPORTANCE FOR PROTECTION

Sabiyat Daudova

Student

of the YUZM-233 group

Volgograd State University,

Master's degree,

Russia, Volgograd

Аннотация. В статье раскрывается сущность принципа публичности в уголовном судопроизводстве, анализируются его проявления и взаимосвязь с доказательственным правом. Исследуется роль публичных органов (суд, органы предварительного расследования, прокуратура) в обеспечении законности, объективности и всесторонности собирания, проверки и оценки доказательств. Рассматривается процессуальный порядок собирания доказательств, значение императивного характера возбуждения уголовного дела и инициативы уполномоченных органов в раскрытии преступлений. Особое внимание уделяется допустимости доказательств как гарантии защиты прав участников процесса, анализируются критерии допустимости – законность источника и способа получения. Исследуется влияние публичности на доступность доказательств сторонам обвинения и защиты, обеспечивая состязательность и возможность построения эффективной защиты. Рассматривается проблема соотношения публичности и состязательности в доказыва-

нии, выявляются противоречия, возникающие на стадии предварительного расследования и в суде, предлагаются пути их решения для баланса между интересами государства в борьбе с преступностью и правами личности. Отмечается необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства в части усиления гарантий прав защиты и расширения возможностей суда по контролю за законностью получения доказательств.

Abstract. This article examines the essence of the principle of publicity in criminal proceedings, analyzing its manifestations and interrelationship with evidentiary law. It explores the role of public bodies (courts, pre-trial investigation bodies, and the prosecutor's office) in ensuring the legality, objectivity, and comprehensiveness of evidence gathering, verification, and evaluation. The article discusses the procedural aspects of evidence collection, emphasizing the significance of the imperative nature of initiating criminal cases and the initiative of authorized bodies in solving crimes. Particular attention is paid to the admissibility of evidence as a guarantee for protecting the rights of participants in the process, analyzing the criteria for admissibility – the legality of the source and method of obtaining evidence. The article investigates the influence of publicity on the accessibility of evidence to the prosecution and defense, ensuring adversarial proceedings and the possibility of building an effective defense. The problem of balancing publicity and adversarial principles in evidentiary proceedings is addressed, identifying contradictions arising during the pre-trial investigation and court stages. The article proposes solutions to achieve a balance between the state's interests in combating crime and individual rights. The need for improving criminal procedure legislation to strengthen guarantees of defense rights and expand the court's ability to control the legality of obtaining evidence is also highlighted.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, принцип публичности, доказательственное право, права участников процесса, допустимость доказательств, состязательность сторон, собирание доказательств, оценка доказательств.

Keywords: criminal procedure, principle of publicity, evidentiary law, rights of participants, admissibility of evidence, adversarial system, evidence gathering, evidence evaluation.

В условиях развития информационного общества и постоянного совершенствования уголовно-процессуального законодательства особую актуальность приобретает глубокое и всестороннее исследование принципа публичности в уголовном судопроизводстве. Эффективная

реализация данного принципа является необходимым условием обеспечения баланса между интересами государства в борьбе с преступностью и защитой прав и свобод личности. Особое значение приобретает анализ взаимосвязи принципа публичности и доказательственного права, поскольку именно в процессе доказывания проявляется публичный интерес в установлении истины по делу, а также гарантируются права всех участников процесса. Дальнейшее исследование проблемы соотношения публичности и состязательности в доказывании, а также вопросов допустимости доказательств, полученных с использованием современных технологий, способствует совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и повышению эффективности уголовного правосудия.

Калашникова Ю.С. определяет принцип публичности как основополагающий в уголовном процессе РФ [12, С. 298-300]. Колосов Н.Ф. и Соловьева Н.А. исследуют стадию предварительного расследования как основную стадию формирования доказательственной базы [5, С. 138-143]. Бобовкин М.В., Ручкин В.А., и Соловьева Н.А. рассматривают психологические аспекты экспертной деятельности и значение соблюдения процессуальных норм для обеспечения объективности заключения эксперта [3, С. 28-41.]. Соловьева Н.А. и Францифоров Ю.В. анализируют значение оценочных понятий в уголовном процессе [8, С. 12-18.]. Соловьева Н.А., Фантров П.П. и Шинкарук В.М. исследуют процессуальный порядок проверки поводов и оснований для возбуждения уголовного дела. Вместе с тем, недостаточно изученными остаются вопросы соотношения принципов публичности и состязательности в доказывании, влияния современных технологий на реализацию принципа публичности, а также проблемы допустимости доказательств, полученных с использованием новых технических средств [9, С. 189-194.].

На основе проведенного обзора литературы и с учетом актуальности темы исследования, в статье ставятся следующие задачи:

- раскрыть содержание принципа публичности в уголовном судопроизводстве и определить его значение для обеспечения законности и эффективности уголовного процесса;
- проанализировать роль публичных органов (суд, органы предварительного расследования, прокуратура) в реализации принципа публичности в контексте доказывания;
- рассмотреть проблему соотношения принципов публичности и состязательности в доказывании на разных стадиях уголовного процесса;

- выявить проблемы, связанные с реализацией принципа публичности в современных условиях, и предложить пути их решения;
- сформулировать предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части реализации принципа публичности и гарантий прав участников процесса.

Целью статьи является комплексный анализ взаимосвязи принципа публичности и доказательственного права в уголовном судопроизводстве, исследование их влияния на обеспечение прав и законных интересов участников процесса.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). Проведен анализ действующего уголовно-процессуального законодательства, и научной литературы.

Публичная деятельность тесно связана с осуществлением властных полномочий. В уголовном процессе эта деятельность имеет более узкую направленность. Специфика расследования и судебного разбирательства позволяет классифицировать публичных субъектов на суд, органы предварительного расследования и прокуратуру.

Суд как орган публичной власти, согласно ст. 29 УПК РФ, осуществляет полномочия по «рассмотрению уголовных дел по существу», а также в апелляционном и кассационном порядке; пересмотру дел по новым и вновь открывшимся обстоятельствам; рассмотрению жалоб на действия органов дознания и предварительного следствия. Серков К.Э. подчеркивает роль суда в обеспечении прав участников процесса [7, с. 32-33].

Публичность в уголовном процессе проявляется в заинтересованности государства в его осуществлении. Конституционное право на защиту (ст. 46 Конституции РФ) подразумевает, в том числе, защиту от противоправных посягательств и незаконного преследования. Гарантируя это право, государство принимает на себя обязанность защищать граждан. Эта обязанность обуславливает существование системы публичных органов, уполномоченных расследовать и рассматривать уголовные дела. Специализация этих органов, например, подследственность, закрепленная в ст. 151 УПК РФ, подтверждает этот вывод [2, С. 125].

Анализ правовой доктрины и норм УПК РФ позволяет заключить, что публичность в уголовном процессе проявляется в следующих взаимосвязанных аспектах: связь с деятельностью публичных органов власти; обязанность государства по обеспечению правосудия; императивный характер возбуждения и расследования; инициативность уполномоченных органов; обеспечение прав участников процесса.

С принципом публичности неразрывно связан процессуальный порядок собирания доказательств в уголовном судопроизводстве. Данная связь проявляется в нескольких аспектах.

Во-первых, инициатива собирания доказательств возложена на публичных субъектов – органы предварительного расследования, прокурора и суд. Как отмечают Колосов Н.Ф. и Соловьева Н.А., предварительное расследование является «основной стадией формирования доказательственной базы, «источником» информации для судебного разбирательства» [5, с. 139]. Законодатель определяет обязанность этих органов принимать меры к установлению обстоятельств дела путем собирания, проверки и оценки доказательств [2, ст. 17]. Это обусловлено публичным интересом в раскрытии преступлений, изобличении виновных и обеспечении справедливого наказания. Соловьева Н.А., Фантров П.П. и Шинкарук В.М. подчеркивают, что стадия возбуждения уголовного дела выступает «фильтром, препятствующим расходованию ресурсов на проверку информации, не содержащей признаков преступления» [9, с. 194].

Во-вторых, принцип публичности определяет процессуальную форму собирания доказательств. УПК РФ устанавливает исчерпывающий перечень следственных действий, которые могут проводиться только уполномоченными должностными лицами в рамках закона [2]. Это гарантирует допустимость полученных доказательств, исключает произвол и нарушение прав граждан. Бобовкин М.В., Ручкин В.А., и Соловьева Н.А., исследуя психологические аспекты экспертной деятельности, отмечают: «Важность строгого соблюдения процессуальных норм для обеспечения объективности и достоверности заключения эксперта трудно переоценить» [3, с. 40].

В-третьих, публичность влияет на доступность доказательств. Материалы уголовного дела, собранные в установленном порядке, представляются сторонам обвинения и защиты для ознакомления. Это обеспечивает состязательность процесса, равенство прав участников и возможность построения эффективной защиты. Однако, законодательство предусматривает ограничения публичности в интересах предварительного расследования или в целях обеспечения безопасности участников процесса [2].

В-четвертых, принцип публичности определяет порядок оценки доказательств. Суд, как орган публичной власти, оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном их исследовании [2, ст. 17]. Францифоров Ю.В. и Соловьева Н.А., рассматривая оценочные понятия в уголовном процессе, подчеркивают, что «точное и ограниченное при-

менение оценочных понятий – важнейший фактор, позволяющий обеспечить стабильность реализации прав участников судопроизводства» [8, с. 17].

Таким образом, процессуальный порядок собирания доказательств является важным элементом публичного характера уголовного судопроизводства. Он обеспечивает законность, объективность и эффективность уголовного преследования, защиту прав и законных интересов всех участников процесса.

Важнейшим аспектом процессуального порядка собирания доказательств является их допустимость. Принцип публичности предполагает, что доказательства, полученные с нарушением закона, не могут быть положены в основу обвинения и использованы для обоснования приговора. Это гарантирует законность уголовного преследования и защищает права и свободы граждан от произвола государственных органов.

Допустимость доказательств определяется двумя критериями:

1. Законность источника доказательств. Информация может быть признана доказательством только в том случае, если она получена из источников, предусмотренных УПК РФ [2, ст. 74]. Например, показания свидетеля допустимы, если он был допрошен в установленном порядке, а протокол допроса составлен с соблюдением требований закона. Бобовкин М.В., Ручкин В.А. и Соловьева Н.А. подчеркивают, что «заключение эксперта признается допустимым доказательством только при условии соблюдения процессуального порядка проведения экспертизы» [3, с. 40].

2. Законность способа собирания доказательств. Даже если информация получена из законного источника, она не может быть признана доказательством, если способ ее получения нарушал закон. Например, показания подозреваемого, полученные путем применения насилия или угроз, являются недопустимыми [2, ст. 75]. Соловьева Н.А. и Францифоров Ю.В. обращают внимание на значение оценочных понятий в уголовном процессе, подчеркивая, что «точное и ограниченное применение оценочных понятий – важнейший фактор, позволяющий обеспечить стабильность реализации прав участников судопроизводства» [8, с. 17]. Это особенно актуально при избрании мер пресечения, где нечеткость формулировок может привести к злоупотреблениям и нарушению прав участников процесса.

На практике обеспечение объективности и всесторонности расследования может быть затруднено различными факторами, такими как высокая нагрузка на следователей, сложность отдельных дел, субъективные факторы. Однако, именно соблюдение этих требований является гарантией публичности и справедливости уголовного судопроизводства.

производства. Как отмечают Бобовкин М.В., Ручкин В.А. и Соловьева Н.А., даже в условиях комиссионной экспертизы, где несколько экспертов работают совместно, «важность строгого соблюдения процессуальных норм для обеспечения объективности и достоверности заключения эксперта трудно переоценить», и каждый эксперт должен сохранять объективность и независимость [3, с. 40].

Обеспечение объективности и всесторонности исследования доказательств требует не только профессионализма и добросовестности публичных органов, но и совершенствования уголовно-процессуального законодательства, внедрения современных методик расследования, повышения уровня подготовки кадров. А заключительным этапом в системе публичной оценки доказательств выступает судебное разбирательство.

Как отмечают Соловьева Н.А. и Францифоров Ю.В., «значение оценочных понятий в уголовном процессе связано с разрешением нормативных противоречий при производстве по делу» [8, с. 12]. Суд, анализируя и интерпретируя нормы права, должен обеспечить их единообразное применение и защитить права участников судопроизводства. Серков К.Э. особо выделяет роль суда в обеспечении прав участников процесса и подчеркивает значение независимости судебной власти [7, с. 32-33].

Роль суда в оценке доказательств особенно важна в контексте принципа публичности. Открытое судебное разбирательство позволяет обществу контролировать деятельность правоохранительных органов и убедиться в законности и обоснованности приговора. Состязательность сторон в судебном процессе способствует всестороннему и полному исследованию доказательств, что повышает объективность судебного решения.

Одним из важнейших проявлений этой связи является право обвиняемого на защиту [2, ст. 47]. Публичность судебного разбирательства гарантирует ему возможность открыто и гласно представить свои доводы, опровергнуть обвинение и добиться справедливого решения. Доступ к материалам дела, право иметь защитника, право допрашивать свидетелей – все эти гарантии реализуются в условиях публичности и состязательности процесса. Соловьева Н.А., Фантров П.П. и Шинкарук В.М., ссылаясь на Антоняна Ю.М., Бражникова Д.А. и Гончарову М.В., отмечают, что «ликвидация первой стадии уголовного процесса [стадии возбуждения уголовного дела] приведет к существенному увеличению количества уголовных дел, возбуждаемых по факту совершения преступления... Это обусловит колоссальную нагрузку на следователей и дознавателей, что неизбежно приведет к дефициту кадров в правоохранительных органах» [9, с. 191]. Это, в свою очередь, может

негативно сказаться на качестве предварительного расследования и соблюдении прав личности.

Основная проблема заключается в том, что на стадии предварительного расследования доминирует принцип публичности. Органы предварительного следствия, обладая значительными полномочиями, проводят расследование, руководствуясь обвинительным уклоном. Это может приводить к нарушению равенства прав сторон и ограничению возможностей защиты на сбор доказательств, опровергающих обвинение. Как отмечают Соловьева Н.А., Фантров П.П. и Шинкарук В.М., «стадия возбуждения уголовного дела... потенциально создаёт возможности для неоднозначного толкования закона и, как следствие, нарушения прав граждан» [9, с. 189]. Это подчеркивает необходимость четкой процессуальной регламентации и контроля за деятельностью правоохранительных органов.

В судебном разбирательстве принцип состязательности получает более полную реализацию [2, ст. 244]. Стороны обвинения и защиты имеют равные права на представление доказательств, их исследование и оценку. Однако и на этой стадии публичность сохраняет свое значение. Суд, как орган публичной власти, обязан обеспечивать соблюдение процессуальных норм, равенство прав сторон и объективность судебного разбирательства. Соловьева Н.А. и Францифоров Ю.В. указывают, что «суд играет важную роль в толковании правовых норм... что необходимо для обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства» [8, с. 17].

Для оптимального соотношения публичности и состязательности в доказывании необходимо дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства. В частности, важно усилить гарантии прав защиты на стадии предварительного расследования, расширить возможности суда по контролю за законностью получения доказательств, повысить эффективность механизмов судебного разбирательства. Бобовкин М.В., Ручкин В.А. и Соловьева Н.А., исследуя психологические механизмы экспертной деятельности, подчеркивают, что «для обеспечения объективности экспертного заключения необходимо предотвращать влияние на эксперта заинтересованных лиц, в том числе со стороны других экспертов, участвующих в производстве экспертизы» [3, с. 39]. Это способствует объективности доказательств и соблюдению принципа состязательности.

Таблица 1.

**Рекомендации по совершенствованию законодательства
и практики его применения в сфере доказательственного права
с учетом принципа публичности**

Направление совершенствования	Конкретные рекомендации	Обоснование
Усиление гарантий прав защиты на стадии предварительного расследования	<ol style="list-style-type: none">1. Расширение полномочий защиты по сбору доказательств (право проводить собственные следственные действия с последующим представлением результатов следователю).2. Обеспечение более раннего доступа защитника к материалам дела (с момента первого допроса подозреваемого).3. Усиление контроля суда за законностью получения доказательств на стадии предварительного расследования (активное реагирование на жалобы защиты, проведение слушаний, исключение недопустимых доказательств).	Дисбаланс в реализации принципов публичности и состязательности на досудебной стадии, доминирование обвинительного уклона, ограничение возможностей защиты.
Повышение требований к допустимости доказательств	<ol style="list-style-type: none">1. Уточнение в УПК РФ перечня источников доказательств с учетом современных технологий (включение электронных источников с соблюдением прав граждан).2. Разработка четких процессуальных правил получения доказательств с использованием технических средств (порядок изъятия и исследования электронных устройств, требования к фиксации доказательств).	Появление новых видов доказательств, полученных с использованием технических средств, необходимость обеспечения их допустимости и соблюдения прав граждан.
Совершенствование механизмов судебного разбирательства	<ol style="list-style-type: none">1. Обеспечение реального равенства прав сторон на представление и исследование доказательств (создание равных возможностей для представления доказательств, допроса свидетелей, заявления ходатайств).2. Повышение роли суда в исследовании доказательств (активное участие суда в исследовании доказательств, задание вопросов сторонам и свидетелям).	Необходимость более полной реализации принципа состязательности в судебном разбирательстве, повышение объективности и качества правосудия.

Таким образом, проблема соотношения публичности и состязательности в доказывании требует комплексного подхода, направленного на укрепление гарантий прав личности и повышение эффективности уголовного правосудия.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 24.12.2001. – №52 (часть I). – Ст. 4921, 125.
3. Бобовкин М.В., Ручкин В.А., Соловьева Н.А. Психологические механизмы комиссионной, повторной, дополнительной судебно-почерковедческой экспертизы // Судебная экспертиза. 2023. № 1 (73). С. 28-41.
4. Калашникова, Ю.С. Принцип публичности как принцип уголовного процесса Российской Федерации. // Актуальные проблемы публичного права: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Владимир, 28 февраля – 02 марта 2018 года / Редколлегия: О.Н. Дядькин (пред.) [и др.]. Том 1. Выпуск 9. – Владимир: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Шерлок-Пресс", 2019. – С. 300.
5. Колосов Н.Ф., Соловьева Н.А. Формирование современных подходов к определению сущности и содержания стадии предварительного расследования // Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 138-143.
6. Назаров, С.В. К вопросу о достаточности данных, как основания для возбуждения уголовного дела. // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2019. – № 2(43). – С. 104.
7. Серков, К.Э. Роль и полномочия суда в уголовном процессе. // *Universum: экономика и юриспруденция*. – 2022. – № 9 (96). – С. 32-33.
8. Соловьева, Н.А. Оценочные понятия и их значение в обеспечении прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства / Н.А. Соловьева, Ю.В. Францифоров // *Правовая парадигма*. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 12-18.
9. Соловьева, Н.А. Совершенствование процессуального порядка проверки поводов и оснований для возбуждения уголовного дела / Н.А. Соловьева, П.П. Фантров, В.М. Шинкарук // *Правовая парадигма*. – 2021. – № 4. – С. 189-194.

10. Холин, В.А. Соотношение принципов законности и публичности. // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения: Сборник статей VI Международной студенческой научно-практической конференции, Курск, 24 апреля 2020 года / Ответственный редактор Т.К. Рябинина, редколлегия О.С. Пашутина, А.В. Лясковец; Юго-Западный государственный университет. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. – С. 219-221.
11. Шаров, Д.С. Принцип публичности в уголовном процессе. // Современные проблемы науки и образования: Материалы XI Международной студенческой научной конференции, Москва, 01 декабря 2018 года – 23 января 2019 года. Том XVI. – Москва: ООО "Евразийская научно-промышленная палата", 2019. – С. 61-62.
12. Калашникова, Ю.С. Принцип публичности как принцип уголовного процесса Российской Федерации / Ю.С. Калашникова // Актуальные проблемы публичного права: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Владимир, 28 февраля – 02 2018 года / Редколлегия: О.Н. Дядькин (пред.) [и др.]. Том 1. Выпуск 9. – Владимир: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Шерлок-Пресс", 2019. – С. 298-300.

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ВВЕДЕНИЯ В ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПРАВО НА ОБЖАЛОВАНИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛУШАНИЯ

Катренко Арсений Игоревич

студент 1 курса,

направления подготовки: «Юриспруденция» 40.04.01,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени

В.И. Вернадского»,

РФ, г. Симферополь

EXPEDIENCY OF INTRODUCING INTO PROCEDURAL LEGISLATION THE RIGHT TO APPEAL AGAINST A PRELIMINARY HEARING RULING

Arsenii Katrenko

1st year student,

direction of training: “Jurisprudence” 40.04.01,

FGAOU VO «Crimean Federal

University V.I. Vernadsky»,

Russia, Simferopol

Аннотация. В данной работе поднимается вопрос о целесообразности введения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации право на обжалования постановления о назначении предварительного слушания. При этом, уделяется внимание необходимостью закрепления в статье 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации понятия «интерес», так как данное понятие в уголовном судопроизводстве имеет фундаментальное значение, являющиеся ключевым элементом субъективного права.

Abstract. This paper raises the question of the expediency of introducing into the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation the right to appeal against the ruling on the appointment of a preliminary hearing. At the same time, attention is paid to the need to fix in Article 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation the concept of “interest”, as this concept in criminal proceedings is of fundamental importance, being a key element of the subjective right.

Ключевые слова: обжалование, предварительное слушание, интерес обвиняемого, уголовное судопроизводство, уголовный процесс.

Keywords: appeal, preliminary hearing, interest of the accused, criminal proceedings, criminal procedure, criminal procedure.

Право обжаловать решения и действия органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц закреплено в части 2 статьи 46 Конституции Российской Федерации [1]. Свое отражение конституционная норма нашла и в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), а именно статья 19 УПК РФ закрепляет право на обжалование процессуальных действий и решений [2].

Институт предварительного слушания возник в национальном судопроизводстве относительно недавно, введен в уголовный процесс Законом Российской Федерации от 16.07.1993 №5451-1 [3]. Введен был с целью обеспечения более эффективного и справедливого осуществления уголовного правосудия. За время своего существования данный институт подвергался ряду реформ, что несомненно породило множество проблем в применении данного института на практике [4]. Несомненно, ряд постановлений Верховного суда Российской Федерации способствовали урегулированию ряда возникших коллизий.

На сегодняшний день не выработано единой позиции касательно вопроса определения института предварительного слушания. Согласно позиции Долгих Т.Н., предварительное слушание необходимо рассматривать как судебное заседание, которое проводится с участием заинтересованных сторон для рассмотрения вопросов, связанных с процедурой последующего судебного разбирательства, а также разрешения вопросов о допустимости и достаточности доказательственной базы по делу [5].

Однако, Халиков А., полагает, что предварительное слушание в уголовном процессе является факультативной стадией судебного производства, которая может возникнуть при наличии указанных в статье 229 УПК РФ оснований. Решение о необходимости проведения предварительного слушания принимаются судьей единолично и при поступлении к нему уголовного дела [6].

В процессе проведения предварительного слушания восполняются недочеты, влияющие на рассмотрения судом уголовного дела, а также возникают условия для организации и проведения судебного разбирательства. Сама процедура производится исключительно с участием сторон уголовного дела в рамках специальной стадии уголовного судопроизводства [7]. Согласно УПК РФ, инициатива о проведении предварительного слушания исходит от судьи или же по ходатайству сторон, заявленному не позднее 3 суток со дня получения обвиняемым

копии обвинительного заключения или обвинительного акта, о чем выносится постановление. В силу части 5 статьи 247 УПК РФ, обвиняемый в обязательном порядке участвует в предварительном слушании. Однако, на основании части 1 статьи 51 УПК РФ, предварительное слушание проводится в отсутствие обвиняемого, обязательными участниками являются защитник. Неявка иных участников уголовного судопроизводства, которые были надлежащим образом извещены о проведении предварительного слушания, не влияет на проведение предварительного слушания [2].

Однако, возникает вопрос, касаясь обжалования постановления о назначении предварительного слушания, ведь в главе 34 УПК РФ нет положений, которые бы урегулировали данный вопрос [2].

Исходя из положений части 1 статьи 123 УПК РФ [2], действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда могут быть обжалованы в установленном настоящим Кодексом порядке участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы.

Возникает логический вопрос «А не затрагивают ли данные процессуальные действия интересы обвиняемого?». Вопрос довольно сложный, ведь процессуальные действия, такие как задержание, обыск, арест и подача обвинительного акта, зачастую затрагивают интересы обвиняемого. В некоторых случаях, эти действия могут быть неправомерными или несоответствующими требованиям закона, что напрямую может нанести ущерб интересам обвиняемого. Однако, такие действия также могут быть необходимыми для осуществления справедливого судебного процесса и преследования закона. В целом, баланс между обеспечением интересов обвиняемого и интересами правосудия является важным аспектом судебной системы. Судебные процедуры и правила регулируются с целью обеспечить справедливость процесса и защиту прав обвиняемых, но довольно странно поступил законодатель, не наделив возможностью обжаловать постановление о назначении предварительного слушания, ведь в кое-то сфере может затрагиваться интерес подсудимого.

Но здесь возникает следующая проблема, что в статье 5 УПК РФ [2], где перечислены основные понятия, не раскрыто понятие «интересы» и что входит в данное понятие. Ведь категория интереса имеет фундаментальное значение в уголовном производстве, так как напрямую связана и затрагивает правовой статус личности.

Согласно позиции, Миргородская Э.Р., интерес выступает как побудительная сила, приводящая в движение всю систему уголовного судопроизводства [8]. Однако, отсутствие подобного интереса или наличие иного интереса может остановить динамику уголовного процесса.

Ведь так и есть, пренебрежение интересами обвиняемого может быть приравнена к нарушению его прав, что в дальнейшем способно привести к ряду негативных последствий, среди которых можно выделить следующие:

1. Неправильное расследование: если права обвиняемого игнорируются или пренебрегаются, это может привести к неправильному или неполному расследованию преступления, что подрывает справедливость и может привести к ошибочному осуждению невиновных лиц.

2. Нарушение презумпции невиновности: презумпция невиновности является основным принципом справедливости, согласно которому обвиняемый считается невиновным, пока его вина не будет доказана. Пренебрежение этим принципом может привести к ущемлению права на справедливое судебное разбирательство.

3. Нарушение прав на защиту: право на защиту является неотъемлемым правом каждого обвиняемого. Если права на защиту игнорируются, обвиняемый может быть лишен возможности представить свою версию событий и доказать свою невиновность.

4. Рост недоверия к правосудию: Пренебрежение правами обвиняемого может вызвать рост недоверия к правосудию среди общественности. Это может привести к утрате доверия к системе правосудия и негативным последствиям для общества в целом.

В целом, пренебрежение правами обвиняемого подрывает справедливость, правовой порядок и доверие к системе правосудия. Это может привести к неправильным решениям, невиновным осуждениям и общественному негативу.

Исходя из этого, целесообразно расширить понятийный аппарат, который отражен в статье 5 УПК РФ [2], введением нового понятия «интерес», который бы акцентировал внимание на недопущения ущемления или же какого-то ограничения в правах обвиняемого. Так как, интерес в уголовном судопроизводстве имеет фундаментальное значение, являющиеся ключевым элементом субъективного права.

Следовательно, является уместным, на основаниях, указанных в части 1 статьи 123 УПК РФ [2], ввести возможность обжалования постановления о назначении предварительного слушания. Так как, безусловно, хоть и данный институт представляет собой особую факультативную стадию уголовного судопроизводства, направленную на устранение допущенных недочетов, направленную на подготовку к

судебному разбирательству. Но все же, важно помнить об участии обвиняемого в данной стадии. Все же не стоит пренебрегать интересом обвиняемого и дать возможность обжаловать постановления о проведении предварительного слушания, если обвиняемый полагает, что есть факт серьезных нарушений, на которые стоит обратить внимание при рассмотрении его жалобы.

Рассмотрение жалоб представляет собой форму как прямого, так и косвенного судебного контроля за досудебным производством. Суд принимает на себя главную роль в системе правоохранительных органов, но он не может стоять на защите досудебных интересов. Хоть и практика по делам о рассмотрении жалоб преследует цель устранения небрежности, недопущения фальсификации, но нередко происходит злоупотребления правами со стороны должностных лиц и выражается в виде отступлений от норм закона со стороны дознавателя, следователя, прокурора.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ (ред. от 09.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.11.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.
3. Закон РФ "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судостроительстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях" от 16.07.1993 N 5451-1 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.
4. Капинус Николай Иванович Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе : монография / Капинус Николай Иванович [Электронный ресурс] // Российская государственная библиотека : [сайт]. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003153072?ysclid=m4fyjsaqnh792097537> (дата обращения: 07.12.2024).

5. Долгих Т.Н. Проблемные вопросы процессуального порядка проведения предварительных слушаний по уголовному делу / Долгих Т.Н. [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» : [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-voprosy-protsessualnogo-poryadka-provedeniya-predvaritelnyh-slushaniy-po-ugolovnomu-delu?ysclid=m4fy7z5z9z697881935> (дата обращения: 07.12.2024).
6. Халиков А. Особенности института судебного обжалования в досудебном производстве / А. Халиков [Электронный ресурс] // СПС «ГАРАНТ» : [сайт]. – URL: <https://base.garant.ru/3967964/?ysclid=m4fyout9et224139014> (дата обращения: 07.12.2024).
7. Солодовник В.В. Проблемные аспекты приостановления уголовных дел / В.В. Солодовник [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека Elibrary.ru : [сайт]. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18275317&ysclid=m4fyhj0dto215467211> (дата обращения: 07.12.2024).
8. Миргородская Э.Р. Правовая природа института судебного обжалования в досудебном производстве / Миргородская Э.Р. [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека Elibrary.ru : [сайт]. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46210230> (дата обращения: 07.12.2024).

ПОДГОТОВКА К СУДЕБНОМУ ЗАСЕДАНИЮ ПО МЕРЕ ПРЕСЕЧЕНИЯ: ОЦЕНОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЬИ

Козичук Екатерина Константиновна

магистрант,

Волгоградский государственный университет,

РФ, г. Волгоград

PREPARATION FOR A COURT HEARING AS A PREVENTIVE MEASURE: EVALUATION ACTIVITY OF A JUDGE

Ekaterina Kozichuk

Graduate student,

Volgograd State University,

Russia, Volgograd

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема недостаточной регламентации оценочной деятельности судьи на стадии подготовки к судебному заседанию по избранию меры пресечения в российском уголовном процессе. В результате выявлено, что действующая редакция УПК РФ не содержит четких процессуальных алгоритмов, регламентирующих оценочную деятельность судьи, что может приводить к нарушению прав участников процесса и снижению эффективности правосудия.

Abstract. This article examines the problem of insufficient regulation of the evaluation activity of a judge at the stage of preparation for a court hearing on the election of a preventive measure in the Russian criminal process. As a result, it was revealed that the current version of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation does not contain clear procedural algorithms regulating the evaluation activity of a judge, which can lead to violation of the rights of participants in the process and a decrease in the effectiveness of justice.

Ключевые слова: мера пресечения, судебное заседание, оценочная деятельность, судья, УПК РФ, права участников, доказательства, ходатайство, эффективность, правосудие.

Keywords: pre-trial detention, court hearing, judicial evaluation, judge, Criminal Procedure Code, rights of participants, evidence, motion, effectiveness, justice.

На современном этапе развития уголовного процесса России выделяют несколько форм подготовки к судебному заседанию в досудебном производстве, обусловленных спецификой разрешаемых вопросов. К таковым относятся: подготовка к разрешению ходатайств об избрании, продлении, отмене мер пресечения и иных мер процессуального принуждения; подготовка к принятию решений о проведении следственных действий; подготовка к рассмотрению жалоб участников процесса.

Несмотря на то, что УПК РФ регламентирует процедуру избрания меры пресечения, анализ правоприменительной практики и научных исследований выявляет проблематику, связанную с недостаточной регламентацией оценочной деятельности судьи на стадии подготовки к судебному заседанию, предшествующей рассмотрению ходатайства об избрании, продлении, изменении или отмене меры пресечения. Эта пробел в правовом регулировании порождает неоднозначность в толковании и применении норм УПК РФ [1], создает риски нарушения прав участников процесса, в частности, права на защиту, права на ознакомление с материалами дела, а также может приводить к необоснованному ограничению свободы и затягиванию сроков судопроизводства.

Обзор литературы демонстрирует изученность отдельных аспектов избрания меры пресечения в уголовном судопроизводстве России. В фундаментальных трудах по уголовному процессу (Манова Н.С. [5, С.126]; Колоколов Н.А. и др., [7, С.26]) рассматриваются общие положения о мерах пресечения и порядке их применения. Специальные исследования (Рябинина Т.К., 2021[6, С.68]) акцентируют внимание на деятельности суда по подготовке уголовного дела к судебному заседанию, однако не уделяют должного внимания специфике подготовительной стадии при рассмотрении ходатайств о мере пресечения. Вопросы участия следователя в судебном заседании (Ерохина О.С. [4, С.11]) и защиты от незаконного задержания и заключения под стражу (Комарова К.С., 2009[8, С.16]) также косвенно относятся к теме исследования, однако не раскрывают полноту проблематики оценочной деятельности судьи. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ [3, С.16] предоставляют важные ориентиры для правоприменительной практики, но не решают проблему отсутствия детальной регламентации подготовительной стадии в УПК РФ. Таким образом, несмотря на имеющиеся работы, комплексное исследование оценочной деятельности судьи при подготовке к заседанию по мере пресечения остается актуальным и востребованным.

Избрание меры пресечения в уголовном судопроизводстве России – исключительная компетенция суда. Согласно УПК РФ, до начала

разбирательства, на стадии подготовки, судья проводит важные оценочные действия и принимает процессуальные решения без механизма предварительного слушания. Эта работа во многом предопределяет движение дела и обеспечивает права участников процесса.

Судья оценивает законность ходатайства, анализируя его на соответствие УПК РФ: подано ли оно уполномоченным лицом, содержит ли реквизиты, поступило ли в срок [1]. Далее оценивается обоснованность ходатайства: достаточно ли доказательств события преступления и причастности лица, оснований для меры пресечения. Судья оценивает тяжесть обвинения, личность подозреваемого, обстоятельства, влияющие на выбор меры пресечения [2].

Подготовка к заседанию по мере пресечения – важный этап, где судья, оценивая, гарантирует права граждан и предотвращает необоснованное принуждение.

Хотя УПК РФ регламентирует процедуру избрания меры пресечения, анализ практики и научных работ [7, С.48] говорит о важности стадии подготовки к заседанию. Здесь судья, без предварительного слушания, осуществляет оценочные действия и принимает решения, обеспечивая права участников и эффективность правосудия.

Ходатайства о мере пресечения не всегда отвечают закону: неполные сведения о личности, отсутствие доказательств, нарушение сроков [2], что осложняет работу суда, затягивает процесс и нарушает права.

Активная роль судьи на этой стадии критична, он не просто проверяет реквизиты, но и оценивает обоснованность ходатайства, анализирует доказательства, истребует дополнительные материалы [2].

Судья проверяет наличие дела, полномочия заявителя, сроки судопроизводства, правильность исчисления сроков содержания под стражей.

Уже на этой стадии выявляются нарушения прав, допущенные на следствии, и принимаются меры к их устранению. Так, судья может обратить внимание на необходимость защиты, участия защитника [2].

Анализ научных исследований демонстрирует, что деятельность судьи на стадии подготовки к судебному заседанию не ограничивается формальной проверкой ходатайства органов предварительного расследования на предмет его соответствия требованиям УПК РФ [6, С.115]. Судья проводит самостоятельную оценку представленных материалов, анализируя их полноту и достоверность с точки зрения достаточности для вынесения решения об избрании меры пресечения.

Важнейшим элементом деятельности судьи на подготовительной стадии является анализ доказательств, представленных органами расследования в обоснование необходимости избрания меры пресечения.

Поскольку, как отмечается в юридической литературе [5], суд не вправе основывать свои выводы на недопустимых доказательствах, уже на данном этапе осуществляется их тщательная проверка.

Особое внимание следует уделить вопросу определения круга лиц, участвующих в судебном заседании по ходатайству о применении меры пресечения. Несмотря на то, что в УПК РФ находится ограниченный перечень участников, на практике часто возникает необходимость в его расширении [4, С.17], например, за счет обеспечения участия переводчика, специалиста. Своевременное решение этих вопросов на этапе подготовки к судебному заседанию способствует как повышению эффективности правосудия, так и реализации прав всех участников процесса.

При рассмотрении судом ходатайств о мерах пресечения важно соотносить активную роль суда с разумными сроками судопроизводства. На стадии подготовки к заседанию, без предварительного слушания, судья принимает решения, влияющие на право на защиту и статус участников.

Несмотря на отсутствие исчерпывающего перечня участников судопроизводства в нормативно-правовых актах, судья, руководствуясь принципом процессуальной справедливости, обязан обеспечить участие всех лиц, чьи субъективные права и законные интересы могут быть затронуты выносимым судебным актом. В юридической практике превалирует подход, согласно которому потерпевший обладает правом на участие в судебном заседании, если выносимое решение затрагивает его интересы [3].

На этапе подготовки дела к судебному разбирательству судья определяет круг лиц, участвующих в деле, обеспечивая их надлежащее оповещение о времени и месте судебного заседания, а также создает необходимые условия для реализации ими своих процессуальных прав. Эта деятельность носит оценочный характер и требует от суда не только досконального знания норм материального и процессуального права, но и всестороннего анализа фактических обстоятельств конкретного дела. Надлежащая реализация прав всех участников судебного разбирательства напрямую зависит от качества работы, выполняемой судьей на данном этапе.

Проблема оптимизации процедуры рассмотрения ходатайств об избрании, продлении, изменении или отмене меры пресечения осложняется необходимостью наделения судьи широкими дискреционными полномочиями. Анализ положений УПК РФ демонстрирует, что эффективность обеспечения прав сторон и формирования доказатель-

ственной базы на досудебной стадии во многом зависит от оценочной деятельности суда.

Вместе с тем, отсутствие в УПК РФ исчерпывающего перечня действий, которые судья обязан совершить до начала судебного разбирательства по вопросу о мере пресечения, существенно затрудняет выполнение им своих функций. Судья вынужден самостоятельно определять необходимый объем проводимых мероприятий, руководствуясь общими положениями о задачах уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), принципами уголовного судопроизводства (ст. 7 УПК РФ) [1, С.20], а также требованиями разумности и справедливости.

Таким образом, необходимо как можно скорее подробно регламентировать в УПК РФ этап подготовки к заседанию. Анализ действующей редакции Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации показывает, что данная стадия уголовного процесса характеризуется фрагментарностью правового регулирования и отсутствием четких алгоритмов действий суда, что создает неопределенность в деятельности сотрудников правоохранительных органов, влечет за собой риск нарушения прав и законных интересов участников судебного разбирательства, а также создает предпосылки для необоснованного затягивания уголовного преследования. В связи с этим, представляется целесообразным внести в УПК РФ новую статью, которая устанавливала бы исчерпывающий перечень обязанностей судьи на этапе подготовки к судебному разбирательству по вопросу о мере пресечения, включая порядок уведомления участников процесса, обеспечение их права на ознакомление с материалами дела и получение юридической помощи, а также порядка рассмотрения ходатайств, поданных до начала судебного разбирательства. судебное заседание.

Список литературы:

1. Ерохина, О.С. Участие следователя в судебном заседании в ходе досудебного производства по уголовному делу : автореферат дис.... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Ерохина Ольга Сергеевна; [Место защиты: Моск. ун-т МВД РФ]. – Москва, 2014. – 22 с.
2. Комарова, К.С. Защита от незаконного и необоснованного задержания и заключения под стражу в российском уголовном процессе : автореферат дис.... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Комарова Карина Сергеевна; [Место защиты: Кубан. гос. аграр. ун-т]. – Краснодар, 2009. – 25 с.
3. Манова, Н.С. Уголовный процесс : учебное пособие для вузов / Н.С. Манова, Ю.В. Францифоров, Н.О. Овчинникова. – 15-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 276 с.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) "О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий" // "Российская газета", № 294, 27.12.2013).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 (ред. от 16.05.2017) "О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве" // Российская газета", № 147, 07.07.2010.
6. Рябинина, Т.К. Деятельность суда по назначению и подготовке уголовного дела к судебному заседанию в механизме реализации судебной власти : монография / Т.К. Рябинина. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 213 с.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52, ст. 4921.
8. Уголовное судопроизводство в 3 т. Том 1 / Н.А. Колоколов [и др.] ; под редакцией Н.А. Колоколова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 295 с.

4.11. ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО; БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: НОВАЯ ФОРМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ, НАЗНАЧЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ОБОРОТА

Гончаренко Андрей Сергеевич

магистрант,

Российская академия народного хозяйства

и государственной службы

при президенте Российской Федерации, филиал,

Сибирский институт управления,

РФ, г. Новосибирск

DIGITAL RUBLE: A NEW FORM OF NATIONAL CURRENCY, PURPOSE AND FEATURES OF TURNOVER

Andrey Goncharenko

Master's degree,

Russian Presidential Academy

of National Economy and Public

Administration, Branch,

Siberian Institute of Management,

Russia, Novosibirsk

Аннотация. В статье обсуждается введение российского цифрового рубля, потенциальной третьей формы валюты наряду с наличными и безналичными рублями. Анализируются причины, особенности, преимущества и риски, связанные с технологиями, безопасностью и экономической стабильностью. Интеграция является сложным процессом и затрагивает финансовые потоки, оказывая влияние на денежно-кредитную политику, инфляцию и банковскую систему, но цифровой рубль может повысить эффективность, прозрачность и доступность финансовых услуг. Цели изучения внедрения цифрового рубля: рассмотреть создание удобной и бесплатной системы платежей, как способ увеличения доступности финансовых услуг для населения, улучшение качества жизни в стране. Методы: для изучения потенциала и результатов внедрения цифрового рубля в России используются каче-

ственные и количественные методы, в том числе статистические опросы. Результат: по оценкам регулятора, обычные граждане смогут в полной мере использовать цифровые рубли в 2025–2027 годах. Выводы: цифровой рубль может оказать положительное влияние на экономику страны за счёт снижения затрат на хранение денег, увеличения доступности финансовых услуг для населения и улучшения финансовой стабильности.

Abstract. The article discusses the introduction of the Russian digital ruble, a potential third form of currency along with cash and non-cash rubles. The reasons, features, advantages and risks associated with technology, security and economic stability are analyzed. Integration is a complex process and affects financial flows, affecting monetary policy, inflation and the banking system, but the digital ruble can increase the efficiency, transparency and accessibility of financial services. The purpose of studying the introduction of the digital ruble is to consider the creation of a convenient and free payment system as a way to increase the availability of financial services for the population, improve the quality of life in the country. Methods: qualitative and quantitative methods, including statistical surveys, are used to study the potential and results of the introduction of the digital ruble in Russia. The result: according to the regulator's estimates, ordinary citizens will be able to fully use digital rubles in 2025-2027. Conclusions: the digital ruble can have a positive impact on the country's economy by reducing the cost of storing money, increasing the availability of financial services to the population and improving financial stability.

Ключевые слова: цифровой рубль, национальная цифровая валюта, инновации, блокчейн, финансовый рынок, цифровой кошелек.

Keywords: digital ruble, national digital currency, innovations, blockchain, financial market, digital wallet.

За последнее десятилетие цифровизация изменила процесс денежного оборота гражданами. Благодаря технологическим достижениям, обеспечивающим надежность, безопасность и функциональность, защищенным от мошенничества и несанкционированного доступа набирают популярность блокчейн и криптография. Блокчейн – это распределенная база данных, хранящая блоки, соединенные единой цепочкой, это обеспечивает надежность и прозрачность транзакций. Использование технологии блокчейн изначально было связано с майнингом криптовалют. Глобальный экономический спад 2007-2009 годов привел к появлению биткоина, созданного Сатоши Накамото.

Банк России разрабатывает цифровой рубль в качестве цифровой валюты Центрального банка Российской Федерации, используя цифровые рублевые кошельки для банков, Федерального казначейства, физических и юридических лиц. Можно иметь только один кошелек, и проценты на цифровые рублевые остатки в кошельках не начисляются.

Цифровой рубль представляет собой цифровую форму национальной валюты России, которую Центральный Банк планирует выпускать в дополнение к существующим формам денег. Банк России будет выступать эмитентом данной формы национальной валюты, а также будет обеспечивать стабильное обращение и её функционирование. Кошельки, на которых будут храниться цифровые рубли, будут позволять получать доступ к средствам через любой банк, клиентом которого является гражданин. Основными преимуществами цифрового рубля, которые уже сейчас выделяет Центральный Банк Российской Федерации: единый тариф, автономное использование, высокая безопасность и простота доступа.

Частью национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации", согласованной с национальными целями развития до 2030 года [5] выступает цифровой рубль, который тестируется на 13 банках, 600 физических лицах и 30 компаниях, предлагая бесплатные транзакции для физических лиц и комиссию в размере 0,3% для компаний. Цифровая валюта будет полностью внедрена к 2025 году, а в 2024 году планируется добавить еще 19 банков [4].

Понятие "цифровая валюта" официально введено Федеральным законом № 259-ФЗ от 31 июля 2020 года. Под цифровой валютой понимаются электронные данные в информационной системе, признанные в качестве формы оплаты. Эта цифровая валюта не имеет статуса официальной денежной единицы в России или других государствах, за исключением требования о переводе ее стоимости в рамках уполномоченных органов России [7].

Следует отметить, что рассмотрение цифрового рубля как разновидности безналичных денежных средств не является верным. Это связано с тем, необходимым элементом осуществления безналичных транзакций является коммерческий банк, а в денежных расчетах с цифровым рублем коммерческий банк не выступает ключевым звеном.

Внедрение цифрового рубля требует проведения серьезной технологической работы, а также работы по совершенствованию нормативно-правовой базы относительно регулирования национального рынка электронных денежных средств. Это необходимо для обеспечения прав и законных интересов участников гражданского оборота. Появление нового платежного инструмента порождает нужду в уравни-

вании цифрового рубля с уже существующими формами денежных средств [8].

Центральный банк Российской Федерации предоставляет цифровые кошельки на различных платформах, что позволяет осуществлять транзакции и обмен валюты. Пользователи НКО могут хранить и проводить транзакции в электронном виде.

С.А. Андрюшин описывает цифровой рубль как третью официальную валюту, цифровое представление национальной денежной единицы или электронное обязательство Центрального Банка в национальной валюте [1].

Доктор А.В. Турбанов считает, что цифровой рубль служит платежным средством. Многие поддерживают определение цифровых денег как валюты Центрального банка, но для отнесения их к третьей категории необходим тщательный анализ [6].

Экономическая интерпретация цифровых денежных средств получила юридическое одобрение. Цель введения цифрового рубля – упростить платежи и взаиморасчеты, снизить издержки и усилить конкуренцию между финансовыми институтами, что в конечном итоге приведет к внедрению инноваций в розничных платежах и цифровой экономике.

Цифровой рубль направлен на снижение зависимости от отдельных поставщиков услуг, на повышение стабильности финансовой системы и обеспечение прозрачности в экономике.

При рассмотрении правовых признаков цифрового рубля И.Ю. Карлявин придерживается точки зрения, согласно которой цифровой рубль, по своей сути, относится к категории криптовалют [2]. Стоит отметить, что такая позиция не является верной. Приравнивать цифровой рубль к криптовалюте неверно хотя бы потому, что обращение цифрового рубля будет подлежать полному контролю со стороны государства.

Цифровые валюты и традиционные наличные денежные средства позволяют осуществлять прямой денежный обмен между сторонами. В отличие от традиционных денежных систем, цифровые валюты позволяют осуществлять одноранговые транзакции, что видно из цифровых средств Центрального Банка. Однако цифровые валюты – это не то же самое, что цифровые версии национальных валют, как это предусмотрено Гражданским кодексом. Появление цифровых валют является естественным этапом эволюции денежных средств, и в будущем могут возникнуть новые формы [9].

Оценка рисков, выявление технических уязвимостей и стратегии их устранения имеют решающее значение для цифровых валют. Хотя блокчейн обеспечивает надежную защиту, он не защищен от хакер-

ских атак, а ошибки могут привести к потерям или сбоям в транзакциях. Также существуют угрозы социальной инженерии и фишинга.

Национальный криптовалютный банк влияет на макроэкономические показатели, денежно-кредитную политику, инфляцию, девальвацию валюты и проблемы регулирования. Традиционные инструменты денежно-кредитной политики могут быть неэффективными, а регулирующие структуры – неопределенными.

Центральный Банк может подорвать банковскую стабильность и доверие к традиционной банковской деятельности, а правовые и нормативные препятствия возникают из-за различных толкований юрисдикций.

Инициатива "Цифровой рубль" может укрепить экономическую безопасность страны, стабильность финансовой системы и надзор за денежно-кредитной политикой. Она повысит эффективность, прозрачность и инновации в сфере финансовых услуг и позволит компаниям выплачивать заработную плату непосредственно на цифровые кошельки, что выгодно иностранным сотрудникам и сотрудникам, работающим удалённо. Однако для внедрения потребуется новая инфраструктура и система для постоянной интеграции с Центральным Банком.

Правовая база для цифрового рубля определена Федеральным законом № 340-ФЗ от 2023 года, согласно которому цифровые рубли – это вид безналичных денежных средств, расчеты по которым осуществляются Банком России в рамках платформы digital ruble в соответствии с российским законодательством о национальной платежной системе.

Банк России управляет платформой для операций с цифровым рублем, обеспечивая взаимодействие с кредитными организациями, а также физическими и юридическими лицами. Цифровые рубли нельзя депонировать или одалживать, а юридические операции, такие как владение и наследование, разрешены.

Итак, цифровой рубль – это форма национальной валюты, сочетающая в себе экономические, технологические, правовые и социальные аспекты. Он предлагает такие преимущества, как эффективность транзакций, прозрачность и финансовые инновации, но также создает технические, финансовые и юридические проблемы. Решающее значение имеет целостный подход, требующий сотрудничества между регулирующими органами, правительством, бизнесом и обществом для успешного внедрения.

Таким образом, Банк России разрабатывает цифровой рубль, цифровую валюту центрального банка. Для обеспечения надежности и безопасности в нем используется технология блокчейн. Цифровой

рубль обеспечивает единые тарифы, автономное использование и простоту доступа. В настоящее время он тестируется на 600 частных лицах и 30 компаниях, и планируется его полное внедрение к 2025 году. Цифровой рубль служит платежным средством и средством сохранения стоимости. Он направлен на снижение зависимости от отдельных поставщиков услуг, повышение стабильности и обеспечение прозрачности.

Список литературы:

1. Андришин С.А. Цифровая валюта Центрального банка как третья форма денег государства // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15. № 1. С. 56.
2. Карлявин И.Ю. Конституционный статус Центрального банка Российской Федерации и его роль в эмиссии цифровой национальной валюты // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2021. № 1. С. 32 – 38.
3. Масштабы распространения цифрового рубля // URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/06/2023/648713059a79471091f93051> (дата обращения: 02.12.2024).
4. Москва экспериментирует с цифровым рублем для противостояния западным санкциям // URL: <https://russian.rt.com/inotv/2023-08-15/LExpress-Moskva-eksperimentiruet-s-cifrovim> (дата обращения: 02.12.2024).
5. Пронько Ю. Цифровой рубль – проект, обреченный на провал. 2023-03-10 // URL: https://vk.com/video528247967_456241166 (дата обращения: 02.12.2024).
6. Турбанов А.В. Цифровой рубль как новая форма денег // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 5. С. 73 – 90.
7. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 6 августа. № 173.
8. Цифровой рубль: что это такое и когда на эту валюту перейдут россияне // URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10966781> (дата обращения: 20.08.2023).
9. Шиленок А.О., Фокина О.Г. Внедрение цифрового рубля в качестве механизма защиты от экономических и финансовых правонарушений // Проблемы обеспечения безопасности (Безопасность-2021): материалы III Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Уфа, 2021. Т. 1. С. 353 – 359.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам ХСV международной
научно-практической конференции*

№ 12 (95)
Декабрь 2024 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 09.12.24. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 1,625. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: socialconf@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 1

16+

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru